
ОГОНЁК
№ 6 ФЕВРАЛЬ 1959
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 6 (1651)

1 ФЕВРАЛЯ 1959

37-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Москва. Январь 1959 года. Большой Кремлевский дворец.

Фото Дм. Бальтерманца.

На первой странице обложки: Энергетический институт имени Г. М. Кржижановского Академии наук СССР. Лаборатория высоковольтного газового разряда. **На снимке:** член-корреспондент Академии наук СССР, доктор технических наук В. И. Попков и старший научный сотрудник, кандидат технических наук В. И. Левитов около установки для изучения коронного разряда при высоких напряжениях.

Фото Е. Умнова.

Внеочередной XXI съезд Коммунистической партии Советского Союза

Первый секретарь ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР товарищ Н. С. Хрущев выступает с докладом о контрольных цифрах развития народного хозяйства СССР на 1959—1965 годы.

В зале заседаний съезда. Делегаты слушают доклад Н. С. Хрущева.

Фото Дм. Бальтерманца.

Общий вид заседания внеочередного XXI съезда КПСС в Большом Кремлевском дворце.

Такими судьбами

МУСТАЙ КАРИМ,
делегат XXI съезда КПСС

«Какими судьбами?» — спрашивают обычно люди, встречая друг друга вдали от дома. В эти дни в Большом дворце Кремля встретились партийные представители советского народа. Старые и новые знакомые обмениваются сердечными рукопожатиями. Но никто из них не вспоминает этот обычай, ни один не спрашивает другого: «Какими судьбами? В благополучии ли родной очаг и родной край?» Глаза и улыбки сами говорят о том, что мы приехали сюда хорошими судьбами своего народа и страны, что не иссякнет огонь в наших очагах и нет предела щедрости нашей земли, которая по-настоящему почувствовала силу и ласку рук советского человека.

В столице победившего социализма величаво и деловито продолжает свою работу съезд строителей коммунизма. С глубоким и вдохновенным докладом о вышедшей в путь семилетке выступил Никита Сергеевич Хрущев. Один за другим поднимались на трибуну ораторы. Взоры докладчика и ораторов были устремлены в зал. Нет, не только в зал. Эти взоры устремлены далеко вперед, к тем золотым полям изобилия, которые освещены солнцем грядущего. А грядущее создается сегодня. Полномочные представители создателей и творцов лучшей жизни сидят тут, в этом зале. Среди них есть и мои земляки и мои соплеменники — простые и очень романтичные люди.

Вспоминается наш разговор в поезде по дороге сюда, в Москву. Это был разговор о мечтах. Его начала Галия Гизатуллина, строитель из Стерлитамака, «девчачий отряд маляров», который борется сейчас за звание бригады коммунистического труда.

— О чем может мечтать маляр? — начала она.— О том же, о чем добрый портной. Хороший портной, вероятно, мечтает одеть всех людей добротно и красиво, а мы, маляры, одеваем улицы и города, дома и комнаты, где живут люди. Разве не приятно нам, когда людей на улице и в доме встречает радостный свет? Коммунистический труд создает не только благо для человека, но и радость для него.

Посланец белорецких металлургов Николай Будуев, носящий в своем теле следы осколков фашистских снарядов, мечтает о том, чтоб огненные брызги всегда летали на его рабочем месте, в горячем цехе, а на поле брани — никогда.

— По совести говоря, братцы,— заявляет он,— как я хотел бы, чтобы металл, прошедший через мои руки и руки моих друзей, стал бы частью будущих межпланетных кораблей! Белорецкая сталь — меж звездами... Здо́рово!

Вступает в разговор Хан Кашапов. Он горд за себя и за своих товарищей по труду — башкирских нефтяников, которые по добыче и переработке черного золота занимают одно из первых мест во всей стране.

— А мы дадим тем кораблям нефть, чтобы долететь до самых «небесных теремов»,— говорит Хан.

Сияя своей белозубой улыбкой, будто в шутку замечает Рамазан Уметбаев, секретарь Баймакского райкома партии:

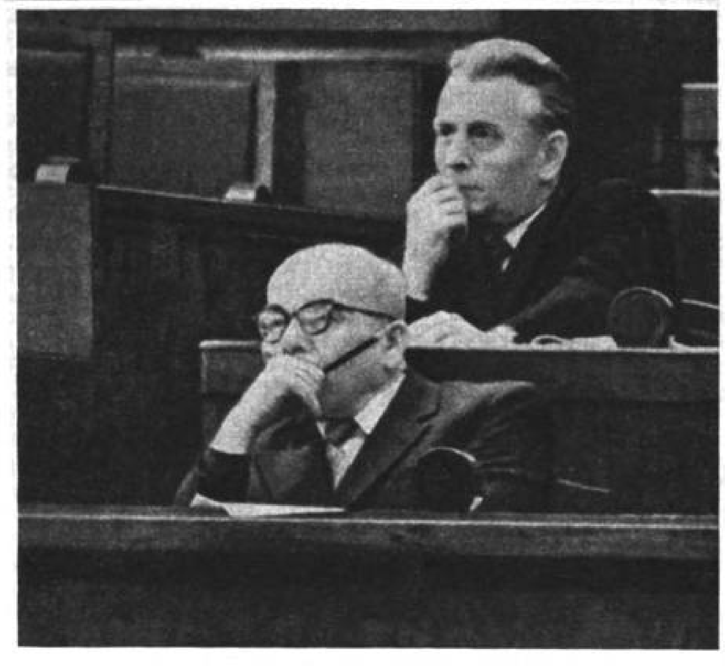
— Мы навсегда остаемся на земле. Будем сеять хлеб. Главное — будем хорошо его выращивать. Мы только за последние пять лет продали государству больше шестнадцати миллионов пудов зерна. А ведь таких районов в стране тысячи. — Он снова улыбается. — Можем послать марсианам в гостинец белые калачи от башкир, которые прежде не ели вдоволь и пресной лепешки. Ведь пока на Марсе пшеницу не сеют...

В кулуарах съезда. Глава делегации Коммунистической партии Китая Чжоу Энь-лай и глава делегации Румынской рабочей партии Георге Георгиу-Деж.

Глава делегации Партии трудящихся Вьетнама Хо Ши Мин беседует с делегатом Украины Павло Тычиной (слева).

Глава делегации Польской объединенной рабочей партии Владислав Гомулка и глава делегации Коммунистической партии Чехословакии Антонин Новотный в зале заседаний.

Член делегации Коммунистической партии Индонезии член парламента Сухарти познакомилась на съезде с колхозницей из Киргизии Керимбюбю Шопоковой.

Сидя в зале заседаний, я думаю о своих хороших, трудолюбивых, жизнерадостных спутниках. Они из той породы людей, которые своими руками преобразили одну шестую часть планеты. Это немалый кусок. Люди этой породы, ведомые Ленинским ЦК, только за последние годы совершили такие подвиги, которые заставили даже многих наших надменных недоброжелателей из-за рубежа смотреть на вещи трезво. Самое примечательное в нашей современной жизни — это дух самого времени. Это — полное слияние в человеческой душе высоких порывов к суровому подвигу во имя общества, дерзкой творческой фантазии с ощущением красоты и добра. И не случайно в первый же вечер по приезде в столицу мои земляки с ферм и промыслов, из цехов и с полей, со строек и лабораторий разошлись по театрам и концертным залам. Все это давно перестало быть для людей труда просто любопытным, а стало внутренней потребностью, как сам труд.

В романе башкирского писателя С. Агиша «Фундамент», в том месте, где описываются события двадцатых годов, крестьяне спорят о театре понаслышке. Одни говорят, театр — это то, когда перед публикой бьют друг друга палками два чудака. Другие утверждают, что это тени, которые выбегают из волшебного аппарата и пляшут на стене. Третьи склонны думать, что никакого театра вообще нет, что все это выдумка бездельников и балагуров. А теперь трудно было бы найти взрослого человека, который не видел бы спектаклей или Башкирского академического, или оперного, или передвижных профессиональных театров.

В краю тех крестьян-маловеров теперь созданы не только заводы и электростанции, нефтепромыслы и угольные копи, не только поднялись там хлеба и выросли сады, но и людям на службу пришли университет и институты, филиал Академии наук СССР и поэзия, электропоезд и телевизор. В деревнях «становится так, как в городе». Приведу лишь одну цифру. По уровню промышленного производства по сравнению с 1913 годом республика только в минувшем году ушла вперед на целых сто пятьдесят лет. Вот «такими судьбами» приехали мы, посланцы этой республики, на XXI съезд.

Перед нами сидят наши добрые соседи челябинцы, с кем мы делим хлеб-соль, радость и заботы. С ними нас соединяет наше общее сокровище, наш общий хребет — Урал. На той горе башкиры и русские вместе ковали оружие против рабства и угнетения, а теперь вместе куют свое счастье, значит, счастье страны. И поэтому прославленный машинист экскаватора Герой Социалистического Труда Клавдия Шевкунова из Бакальского рудника и передовая доярка башкирского колхоза «Кидаш» Минкамал Мухаметова, секретарь Уфимского горкома партии Марван Янгиров и почетный шахтер Герой Социалистического Труда из Копейска Петр Томилов каждое утро приветствуют друг друга как давнишние друзья.

В величественном зале в едином ритме бьются горячие сердца коммунистов, полных отваги и высоких порывов. Сюда пришли коммунисты Юга и Севера, Востока и Запада. Та же единая грядущая судьба человечества, которую мы называем гордым и светлым именем Коммунизм, привела на наш съезд братьев по идее и борьбе из семидесяти зарубежных марксистско-ленинских партий. Среди них много вождей и выдающихся деятелей международного коммунистического движения, как Чжоу Энь-лай и Пальмиро Тольятти, Гарри Поллит и Долорес Ибаррури, Владислав Гомулка и Энвер Ходжа, Жак Дюкло и Ким Ир Сен...

Спустя три года я снова увидел согревающую улыбку и почувствовал тепло рук товарища Хо Ши Мина, мудрого вождя своего героического вьетнамского народа. Тогда он нас, работников советского искусства, по-отечески ласково встретил там, в далеком знойном Ханое... Вот сейчас на какое-то мгновение вспомнились ослепительное тропическое солнце, загорелые лица друзей, шум горных рек. Особенно отчетливо встала перед глазами пальма в центре города с побитыми ураганом ветвями. Сила жизни необорима. Пальма, считающаяся символом долголетия, рядом с погибшими ветвями дала молодые буйные побеги. Ее удел, мне казалось, схож с уделом самого вьетнамского народа, который прошел почти вековую колонизацию и последнюю восьмилетнюю страшную войну и который выжил и победил. Его четырехлетние побеги уже дают хорошие плоды. На берега реки Красной большими шагами идет изобилие; на тех равнинах, где французскими колонизаторами была создана белая зона пустыни, зазеленели рисовые поля. Но пока Вьетнам похож на птицу, одно крыло которой освещено светом восхода, другое — покрыто мраком ночи. Нам Бо — прекрасный Юг стонет под тяжестью оков. Вот почему в глазах вождя есть и тень глубокой печали.

Многие гости приехали из стран, где бродит призрак голода и нищеты, где достоинство трудового человека попирается властью и произволом уходящего мира. Но они привезли с собой негасимую веру в победу и торжество лучшей жизни для всего трудового мира.

Под вьющимся флагом этой единой веры продолжает свою работу XXI внеочередной съезд, решающий сугубо очередные задачи нашего наступательного движения вперед. Он проходит в атмосфере, согретой и озаренной великими помыслами. В день открытия съезда, когда Никита Сергеевич Хрущев начал говорить о тяжелой индустрии, вдруг за окнами засияло солнце, которое с утра пряталось за хмурые тучи. В зал ворвались по-весеннему молодые лучи. Докладчик на секунду остановился и, взглянув на окно, сказал:

— Солнце освещает путь нашей семилетке. Пусть это засвидетельствуют присутствующие здесь иностранные журналисты.

Сейчас на душе народа и в стране, говоря одним словом, солнечно. Так и будет!

На автозаводе в Детройте.

МАНИФЕСТАЦИЯ ДРУЖЕСТВЕННЫХ ЧУВСТВ

С. КАРИНОВ

Машины и политика

Завод Форда в Детройте... На одном конвейере идет одновременная сборка машин различных типов и различной окраски. Для того, чтобы этот сложный процесс шел без перебоев, требуется отличная организация подсобных, смежных конвейеров, доставляющих детали для установки на раму. Американцы достигли многого в деле организации производственного процесса, и они были рады услышать это от А. И. Микояна, посетившего заводы Форда и другие автомобильные предприятия Детройта во время пребывания в США.

Вместе с тем на ум тотчас же приходит то, что высокой организации производственного процесса в автомобильной промышленности сопутствует высокая безработица. Ведь широко известно, что безработица поразила глубже всего именно Детройт — город автомобилестроителей.

Картина высокого технического уровня напоминает об исключительно благоприятных условиях, в которых происходило развитие страны. На территории Соединенных Штатов в течение почти 100 лет не было ни одной войны. Войны же за пределами страны приносили лишь новые заказы промышленности, новые прибыли предпринимателям, все новое расширение производства.

Некоторые американцы подчас смотрят на другие народы свысока: мы богаче всех — значит, мы лучше всех. За последнее время им приходится невольно пересматривать эту привычную для них точку зрения. Советские спутники Земли, советская искусственная планета, вращающаяся вокруг Солнца, грандиозные предначертания семилетнего плана — все это поколебало их уверенность в превосходстве заокеанской державы над всем миром. Это неизменно чувствовалось в разговорах, которых немало было у А. И. Микояна с американцами.

Не будет ошибкой сказать, что понимание успехов социалистической державы играет весьма заметную роль в настроениях самых разнообразных слоев населения США. Народ Соединенных Штатов не хочет войны и хотел бы быть уверенным в том, что ее не будет. Большая часть американских капиталистов сегодня начинает понимать, что в случае войны им не приходится рассчитывать, как раньше, на «традиционный» расцвет бизнеса, что ему скорее грозит гибель в огне войны. Поэтому многие ведущие промышленники США начинают проявлять более здоровый и реалистический подход к вопросам международной политики. Один из крупнейших капиталистов заявил, например, при встрече с А. И. Микояном, что необходимость признания Китайской Народной Республики осознается очень многими деловыми людьми, но трудно добиться решения этого вопроса в правительственных кругах.

Но это политика. А каковы американцы в личном общении с советскими людьми?

Американцы дружелюбны и гостеприимны

То, что простые люди Америки оказывали теплое и искреннее гостеприимство А. И. Микояну,— непреложный факт, который не смогли не отметить даже некоторые мало обрадованные этим визитом органы печати. Приветливость американцев устояла перед натиском проповедников «холодной войны».

Конечно, не явилась неожиданностью теплая встреча А. И. Микояна в семье Сайруса Итона. После вручения тройки, подаренной Сайрусу Итону Советским правительством, и после того как ферму «Акадия» покинула армия жадных до сенсации корреспондентов, незаметно пролетел вечер за дружеской беседой. С. Итон и его жена вспоминали о поездке в СССР, делились своими впечатлениями.

Столь же сердечно принимал А. И. Микояна в Детройте президент электрической компании «Эдисон» г-н Сислер, побывавший в Советском Союзе. Сислер председательствовал на обеде с участием ведущих бизнесменов, журналистов и общественных деятелей Детройта. В центре стола стояли два флажка — советский и американский — как символ дружеской и непринужденной атмосферы, в которой проходил обед. Но особенно показательно, как отнеслись к гостю из СССР рабочие на заводах, служащие в гостиницах и учреждениях, просто прохожие: здесь было не только простое любопытство, а и желание вступить в сердечный разговор. И беседам всегда сопутствовала улыбка.

Студенты Калифорнийского университета в Лос-Анжелосе вели себя так, словно они юноши и девушки с Ленинских гор.

Когда самолет, в котором возвращался А. И. Микоян, очутился на военно-морской базе Арджентия, американские офицеры и их жены долго и дружески беседовали с неожиданным гостем и обучали его игре в кегли.

Исключительным радушием была проникнута встреча А. И. Микояна с знакомым советским людям пианистом Ваном Клиберном. Молодой музыкант специально прилетел из Нью-Йорка в Вашингтон, чтобы присутствовать на прощальном приеме в советском посольстве. Когда он появился среди гостей и подошел к А. И. Микояну, корреспонденты начали буквально сбивать друг друга с ног, стараясь занять наиболее выгодную «позицию». Ван Клиберн рассказал, что после поездки в СССР к нему продолжают поступать приглашения выступить с концертами в городах США. До своего визита в СССР он даже не представлял себе, что в США так много любителей классической музыки! Когда Ван Клиберн играл «Подмосковные вечера», весь состав посольства подпевал ему.

Ван Клиберн просил А. И. Микояна передать сердечный привет Н. С. Хрущеву. Он сказал, что рассчитывает этой весной вновь приехать в Советский Союз.

Мало знают об СССР

Мы уже сказали, что радушие обычно сочеталось с большой любознательностью. И это вполне понятно. Американцы очень мало знают о нашей стране.

Характерен разговор, который имел один из участников поездки с нью-йоркским дельцом во время обеда в отеле Уолдорф-Астория, устроенного Экономическим клубом, где А. И. Микоян выступал с

В Чикаго.

Голливуд. На студии кинокомпании «Парамаунт». Слева — киноактеры Джерри Льюис и Дина Мерилл.

речью и отвечал на вопросы. Пока на сцене, за столом почетных гостей, организаторы обеда беседовали с А. И. Микояном и индийским послом Чаглу, этот делец начал свое маленькое интервью со спутниками советского гостя со следующего «вопроса»: где советские люди достают сигареты? Он был очень удивлен, узнав, что сигареты можно в СССР просто купить в магазинах и в уличных киосках. Тогда он стал интересоваться, существует ли в Москве телевидение. Наконец, он был совершенно поражен, когда выяснил, что в СССР частным лицам продаются автомашины. Нью-йоркский делец глубоко задумался и потом согласился с замечанием собеседника о том, что ему следовало бы посетить СССР...

О посещении Советского Союза приходилось слышать от американцев самые разнообразные мнения. Некоторые заявляли, что... боятся ехать в Советскую страну: не надеются, мол, вернуться живыми и здоровыми. В этом открыто признавалась, например, жена одного крупного промышленника, да и многие другие. Есть люди, искренне верящие распространяемым печатью басням, что СССР, отгородившись якобы «железным занавесом», не пускает к себе туристов. Они были просто поражены, услышав от А. И. Микояна, что за 1958 год ни один американский турист не получил отказа в визе, которая выдается обычно в течение пяти — семи дней.

О грандиозном экономическом и культурном развитии, которое происходит в нашей стране, многие американцы знают очень смутно. О семилетнем плане наши собеседники знают лишь то, о чем трубят газеты: это «экономическая война» со стороны Советского Союза. Никто из них, правда, не мог объяснить, почему задача производить столько же молока и мяса, сколько производит США,— это признак агрессивности.

Один профсоюзный лидер с серьезным видом и, видимо, надеясь поставить А. И. Микояна в трудное положение, торжественно спросил: гарантируется ли ему возможность смотреть то, что он захочет, без помех и слежки со стороны милиции? Он, видимо, не ожидал ответа, что, исключая оборонные объекты, туристы смотрят в СССР все, что их интересует.

Сплошь и рядом американцы — даже те, кто мог бы проявить бо́льшую осведомленность,— задавали наивные вопросы, заставляющие советских собеседников сдерживать улыбку. Иногда трудно было удержаться от смеха. Невольно вставал вопрос: почему в некоторых газетах, печатающихся на шестидесяти страницах, так и не находится уголка для информации о жизни в СССР? И почему там всегда есть очень много места для антисоветской клеветы?

Советский человек, приезжающий в США, обнаруживает, конечно, много нового для себя; но его представление о стране, составленное по книгам и прессе, не опрокидывается, а дополняется. Американцы же, не побывавшие в нашей стране, как правило, имеют о ней, мягко говоря, смутное представление.

Тем более отрадно было видеть, какой большой и жадный интерес проявляют представители самых различных слоев населения к нашей стране. Приятно было узнать, например, что дочь президента Кливлендской торговой палаты изучает русский язык. Отец ее просил участников поездки А. И. Микояна прислать учебник русского языка для иностранцев.

В Лос-Анжелосе некоторые студенты понимают и даже говорят по-русски. Несколько человек сказали о своем намерении приехать в СССР учиться. Один из них интересовался, сможет ли он у нас найти работу, так как у него нет денег для платы за обучение. Ему сказали, что если его план осуществится, то он будет получать стипендию. Он был приятно поражен.

Пресса

Перед нами — еженедельный журнал «Ньюсуик», вышедший за несколько дней до Нового года. Специальная статья, посвященная предстоящему визиту А. И. Микояна в США, обрушивается в злобном тоне на Советский Союз. Журнал призывает к недоверию, к подозрительности, к возможно меньшему сближению с нашей страной. Кому служит этот журнал и чье мнение он отражает? «Ньюсуик» выступал в таком тоне, словно большинство американцев стоит за «холодную войну», за враждебность к СССР. Прошло всего несколько дней пребывания А. И. Микояна в США — и стало ясно, что враждебные высказывания целиком лежат на совести издателя журнала, который, впрочем, довольно спокойно относится к такой нагрузке на свою совесть.

Вначале ряд газет взял примерно такой же тон. Но жизнь и факты брали свое. Газетам пришлось постепенно менять линию и основное внимание уделять происходившим встречам, речам и пресс-конференциям А. И. Микояна. В особенности это относится к «солидным» газетам вроде «Нью-Йорк таймс» или «Вашингтон пост»: они истолковывали факты так, как им хотелось, но по крайней мере не фальсифицировали эти факты и не выдумывали того, чего не было. Несомненно, это объясняется тем большим разрывом, который образовался между первоначальной позицией прессы и отношением к гостям со стороны американцев, включая представителей крупной буржуазии. Корреспонденты больших газет, сопровождавшие А. И. Микояна, очень скоро почувствовали это.

Можно сказать, что в газетах «растаял лед». И, тем не менее, по газетам невозможно было составить правильное представление об атмосфере поездки. Некоторые органы печати увидели в «таянии льда» только лишний предлог для призывов поддерживать прежнюю «низкую температуру»...

В Америке многие искренне верят, что у них существует свобода печати. В программе поездки А. И. Микояна был город Чикаго — второй в США по количеству жителей. Основные газеты Чикаго принадлежали до недавнего времени лишь четырем лицам. Сейчас число владельцев уменьшилось до трех. Один из них, миллионер, вытеснивший своего конкурента, присутствовал и выступал на встрече крупнейших представителей деловых кругов города с А. И. Микояном. Глядя на него, конечно, становилось ясно, почему он с таким апломбом говорит о свободе печати в США.

Журналисты в США работают очень много. Они должны были часами простаивать, например, у здания советского посольства в Вашингтоне в холодные и ветреные вечера — на случай, если А. И. Микоян выйдет хотя бы на прогулку. Одна журналистка бесстрашно проделала большой путь по глубокому снегу в легких туфлях только для того, чтобы сделать удачный снимок. А. И. Микоян в шутку пожалел, что ей приходится так обращаться со своими ногами и на следующий день первые страницы газет украшали снимки ног этой журналистки.

Группа корреспондентов сопровождала А. И. Микояна во время всей поездки и всюду, куда могла проникнуть. Однажды в самолете А. И. Микоян устроил журналистам «пресс-конференцию наоборот»: сам задавал вопросы, а они отвечали. Это была очень откровенная беседа, в ходе которой журналистам пришлось немало попотеть, отвечая на прямые и острые вопросы. Несмотря на различие во взглядах, беседу сопровождал веселый смех участников, настроенных в высшей степени дружественно...

Вашингтон. Встреча с юными жителями города.

Среди гостей в посольстве СССР на приеме, устроенном в честь А. И. Микояна, был и пианист Ван Клиберн.

МЕЖДУ ДВУМЯ СЪЕЗДАМИ

«1К62» на потоке.

Николай Михайлович Кузьмин.

А. СТАРКОВ

Фото М. Озерского.

На «Красном пролетарии» последний раз я был без малого три года назад, незадолго до XX съезда партии. Помню, в заводской лаборатории шло испытание нового токарного станка «1К62», одного из пяти опытных образцов, собранных в подарок съезду. Завод только готовился тогда к серийному выпуску этой модели. Предстояла серьезная реконструкция цехов.

Потом, бывая в разных городах, я все чаще и чаще встречал «1К62» на заводах Харькова, Ленинграда, Свердловска, Горького, Куйбышева. Видел, как прочно входит в жизнь, завоевывая всеобщее признание, этот универсальный быстроходный мощный станок. Очень он прост и удобен в управлении. Радостно было за краснопролетарцев, сработавших отличную машину.

А несколько дней назад я снова побывал на заводе. Хотелось узнать, какие изменения произошли тут за три года — от съезда до съезда. Хотелось повидаться со старыми знакомыми: и с людьми и с машинами.

Но первая же встреча была с незнакомцем — с токарно-вертикальным автоматом «1272». Правда, я много слышал о нем, знал, что он увенчан высокой наградой Брюссельской выставки — «Гран-При». Но лишь сейчас впервые увидел его на заводском дворе. Станок, возвратившийся в родной дом, разгружали с платформы. Люди любовно разглядывали машину, принесшую заводу всемирную славу...

Ну, а «1К62» я увидал на конвейере, на поточной сборке. Их было много, этих близнецов. Их уже не один десяток тысяч сошел с конвейера за три года. Кроме того, как модель «1К62» окружен теперь большой дружной семьей станков, похожих на него в главном, но отличающихся в каких-то деталях. Он оказался очень податливым для трансформации, для придачи ему новых функций. Он может даже в автомат превращаться. От него отпочковалось уже немало славных родичей. Очень прогрессивная машина...

Как образно сказал мне директор, Георгий Александрович Сургучев, освоение «1К62» повысило «квалификацию» всего завода. Пульсирующий конвейер, сложные агрегатные станки, автоматические линии, закалка токами высокой частоты, горячая и холодная штамповка, внедрение пластмассовых деталей — великолепно вооружен теперь этот явно помолодевший завод, перешагнувший недавно во второй век своего существования.

Три года назад мы беседовали с делегатом XX съезда партии Николаем Михайловичем Кузьминым у станка, около которого вы видите его и сейчас — уже делегатом XXI съезда. Но станок и тот и не тот. Тогда он только что прибыл из Чехословакии, где его собрали по чертежам советских конструкторов. Это уникальный токарно-карусельный станок, которому поручают обработку огромных деталей. У него полное кнопочное управление. Но пульт был стационарный, неподвижный. Токарь то и дело к нему бегал. А Николай Михайлович Кузьмин сконструировал висячий подвижной пульт. И управление станком стало еще проще. Вот почему он и тот и не тот...

1956 год. Читают материалы XX съезда КПСС. Слева направо: Степан Артемьев, Виктор Нестеров и Андрей Колеснев.

1956 год. Строится жилой дом

Виктор Нестеров с дочкой.

Между прочим, Николай Михайлович выполнил недавно на этом станке редкую работу, и теперь изделием его рук может любоваться вся Москва... Я говорю о бронзовом постаменте памятника Дзержинскому. Это семь больших колец, точно насаженных одно на другое. Обточить их было невероятно трудно. Стенки тонкие, а диаметр огромный... Николай Михайлович исполнил это с филигранным мастерством.

Три года назад сделан снимок, на котором вы видите трех рабочих, читающих «Правду» с материалами XX съезда партии. Что произошло с этими людьми за три года? Я разыскал в цехе двоих из них: Виктора Нестерова и Степана Артемьева.

Виктор — сын полка и сын завода. Полк был авиационный, прошедший в войну от Можайска до Вены. И шел с ним Витюшка, сиротинка, подобранный бойцами в деревушке под Можайском. После войны определили его в ремесленное училище, и стал он сыном завода. Теперь сиротинка — глава семьи. Вот он с дочкой Надей. Поздравьте их с новосельем. Семья слесаря Нестерова живет в том самом доме, который снят на соседней фотографии еще не достроенным, потому что это было три года назад.

С новосельем мы можем поздравить и контролера Степана Артемьева. И еще с одним трудящимся человеком в его семье. Это сын Валерий, только что пришедший в цех учеником слесаря.

Ну, а во всем остальном, считают Нестеров и Артемьев, в их жизни не произошло изменений. «Работаем, как работали»,— сказали они мне. Но, увидев фотографию, на которой они сняты три года назад, Виктор добавил: «Устарел этот ваш снимок. Вернее, станок наш устарел. Мы теперь машину получше будем выпускать. Автомат!» А Андрея Петровича Колеснева, слесаря, я в цехе не застал. Он в тот день был на стройке. На заводе возводится новый корпус, и люди из цехов помогают строителям...

А вот то, о чем три года назад могли только мечтать на заводе. Автоматическая линия! Девять станков. Где-то в самом начале заглатывают круглую заготовку, а выдают готовую шестерню. И все это совершенно бесшумно. Только один из девяти — зубозакругляющий — чуть «бормочет», надавливая на зубья шестерни.

— Это наш зубозаговаривающий,— шутит комсомолец Володя Калинин, наладчик.

Он очень веселый, этот молодой человек. Он всегда в отличном расположении духа. И машинам, думается, даже приятно подчиняться ему. Машины тоже любят жизнерадостных, жизнестойких, умелых людей.

Здесь, на участке автоматической линии, где работает бригада коммунистического труда, мы и заканчиваем разговор об изменениях, которые произошли с заводом и его людьми за три года — от съезда до съезда.

Владимир Калинин.

В. И. ЛЕНИН НА ПЕРВОЙ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ВЫСТАВКЕ

«Придаю очень большое значение выставке; уверен, что все организации окажут ей полное содействие. От души желаю наилучшего успеха.

14.XI. 1922. В. Ульянов (Ленин)».

Эта записка Владимира Ильича была прислана работникам Главного выставочного комитета осенью 1922 года, когда в Москве, близ Крымского моста, на территории бывшей городской свалки, стучали топоры, визжали пилы, работали плотники, землекопы, строились павильоны Первой сельскохозяйственной выставки. А на местах — в деревнях и селах, в молодых, недавно созданных совхозах — тщательно готовились экспонаты.

Всесоюзная сельскохозяйственная и кустарно-промышленная выставка создавалась в стране, которая только начинала оправляться от хозяйственной разрухи, для пропаганды ленинского кооперативного плана переустройства деревни, ленинского плана электрификации.

19 августа 1923 года выставка была торжественно открыта. За два месяца ее посетило свыше 600 тысяч экскурсантов. Были показаны достижения И. В. Мичурина, созданные им новые сорта плодов и ягод. Именно тогда началось массовое распространение опыта великого селекционера в нашем садоводстве.

Выставка широко пропагандировала продуктивные породы скота, которые создавались под руководством академика Е. Ф. Лискуна. Любопытно вспомнить общественный суд, который был учинен над нашей российской буренушкой. В присутствии экскурсантов - крестьян зоотехники и ветеринары «судили» ее за малый удой, плохое телосложение, неряшливый, грязный вид. Хозяин буренушки крестьянин Селивестров, доведший корову до такого состояния, был «присужден» к обучению на краткосрочных сельскохозяйственных курсах. Вместе с тем было установлено, что при правильном уходе буренушка будет давать большие удои.

Мемориальная доска на портале главного входа в Центральный парк культуры и отдыха.

На выставке был показан впервые в нашей стране двадцатисильный трактор «Фордзон». Первый такой трактор купил за 225 червонцев представитель Кармановского машинного товарищества, Гжатского уезда, Смоленской губернии, Алфеев.

Зарубежная буржуазная пресса, вначале пророчившая провал выставки, затем была вынуждена признать ее колоссальный успех. Американская газета «Нью-Йорк пост», например, оценила ее как «...самое грандиозное предприятие России в смысле воспитательном и познавательном. Иконы и лампадки старой деревни заменены электрическим светом в новой».

Владимир Ильич Ленин, будучи уже тяжело больным, внимательно следил за строительством выставки, за ее работой после открытия.

19 октября 1923 года, приезжая из Горок в Москву, Владимир Ильич посетил выставку за два дня до ее закрытия.

Ныне в память об этом знаменательном событии установлена мемориальная доска на портале главного входа в Центральный парк культуры и отдыха, на территории которого располагалась выставка.

Г. ЛЕБЕДЕВ, бывший член президиума Главного выставочного комитета.
А. ХЕЙФЕЦ, бывший заведующий пресс-бюро выставки.

В ГОРОДАХ И СЕЛАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ с большим подъемом проходят предвыборные собрания, посвященные выдвижению кандидатов в депутаты Верховного Совета РСФСР.

Коллектив Московского электролампового завода выдвинул своим кандидатом в депутаты Верховного Совета РСФСР Никиту Сергеевича Хрущева.

На снимке: комсомолка Галина Крапивко выступает на предвыборном собрании.

Фото Ф. Короткевича.

60 ЛЕТ ИСПОЛНИЛОСЬ Председателю Президиума Верховного Совета Литовской ССР товарищу Юстасу Палецкису. На III съезде советских писателей Литвы в Вильнюсе писатели горячо поздравили товарища Палецкиса — делегата съезда.

На снимке: украинский писатель В. Бычко вручает товарищу Ю. Палецкису подарок.

Фото Ю. Каценбергаса.

ПАМЯТНИК «ГРУЗИНСКОМУ ЧАПАЕВУ» — Василию Исидоровичу Киквидзе — открыт на его родине — в Кутаиси. Бесстрашный командир 16-й дивизии В. И. Киквидзе погиб сорок лет назад.

Памятник работы скульпторов В. Мизандари и Г. Николадзе и архитектора Г. Тодадзе воздвигнут на новой городской площади.

Фото И. Сакун.

←

ПОХОДОМ ПРОТИВ ВОЙНЫ И БЕЗРАБОТИЦЫ ознаменовали трудящиеся Японии новый, 1959 год. Рабочие города Омута двинулись к столице — Токио. Им предстоит совершить переход в тысячу четыреста километров. По пути к ним присоединяются жители других городов Японии, требующие мира и работы.

На снимке: участники похода направляются из Омуты в Фукуока.

Фото Джэпэн пресс.

4 ФЕВРАЛЯ ЦЕЙЛОН В ОДИННАДЦАТЫЙ РАЗ ПРАЗДНУЕТ ДЕНЬ НЕЗАВИСИМОСТИ...

В какое бы время ни случилось вам побывать на этом живописном острове, всегда кокосовые пальмы сгибаются под тяжестью плодов, круглый год благоухают плантации ананасов, плодоносят банановые деревья. Богатство Цейлона — это спускающиеся террасами по горным склонам плантации чая; это каучуковые, коричные, эбеновые, атласные и многие другие ценные породы деревьев, посадки кофейного дерева, какао. На острове выращиваются пряности, цитрусовые, сахарный тростник, рис, хлопок, табак, овощи. Многие из сельскохозяйственных культур дают в году по два, а нередко и три урожая. Недра Цейлона богаты полезными ископаемыми, имеются огромные возможности развития гидроэнергетики.

На улице Коломбо.

На протяжении многих лет иностранные монополии прилагали все усилия, чтобы сделать экономику Цейлона однобокой, целиком зависящей от международного рынка чая, каучука, продуктов кокосовой пальмы. Цейлон был превращен в одну огромную колониальную плантацию и при всех своих природных богатствах вынужден был прозябать в бедности. Ныне на Цейлоне все громче звучит голос народа, требующего превращения колониальной экономики в национальную.

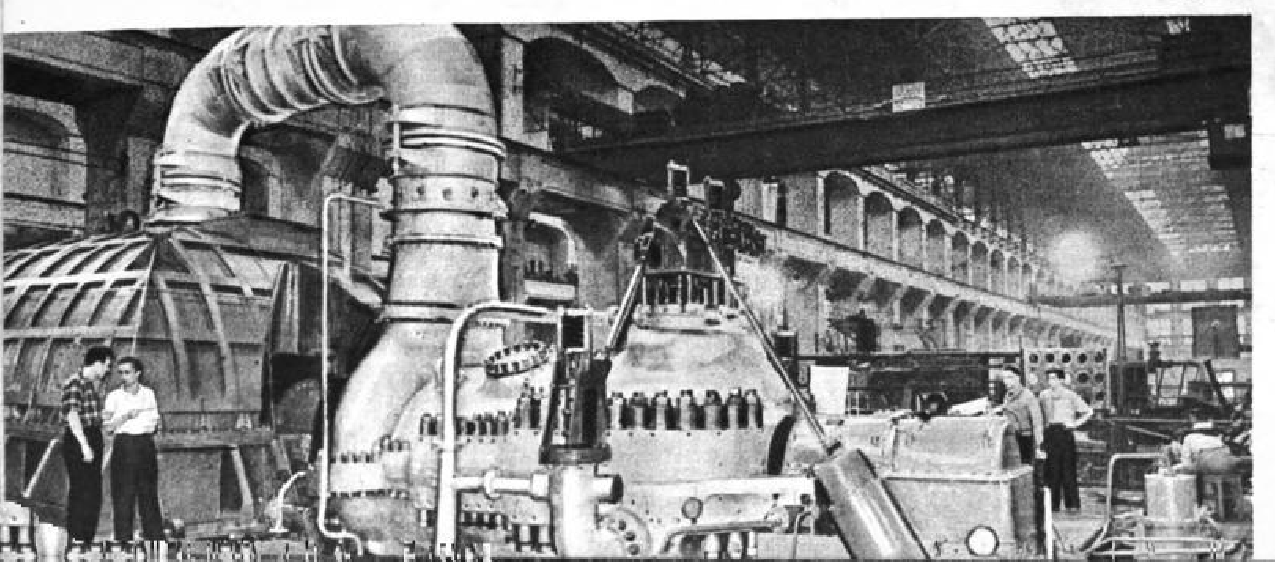
День независимости цейлонский народ отмечает в обстановке уверенности в своем будущем. Успешно осуществляются разработанные правительством Бандаранаике планы экономических и социальных мероприятий. Ведется работа по увеличению производства продовольствия, улучшается ирригация, расчищаются джунгли. Недавно министерство промышленности Цейлона приняло программу строительства ряда новых крупных промышленных предприятий.

Цейлонская печать с удовлетворением сообщала о готовности Советского Союза, а также КНР и Чехословакии принять участие в развитии цейлонской национальной промышленности.

ПАРОВЫЕ ТУРБИНЫ МОЩНОСТЬЮ 150 ТЫСЯЧ КИЛОВАТТ начал выпускать Харьковский турбинный завод имени С. М. Кирова. Первые две турбины «ПВК-150» изготовлены в подарок XXI съезду КПСС.

На снимке: турбина «ПВК-150» на испытательном стенде.

Фото Н. Гурова.

ОДНА ИЗ ПЕРВЫХ ПЕЧАТНЫХ КНИГ, изданных в России, «Псалтырь», обнаружена в хранилище Ленинградской публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина. Книга напечатана в московской анонимной типографии, которая существовала в середине XVI века.

Фото Б. Уткина.

Участники декабрьского Пленума Центрального Комитета КПСС (слева направо): Е. И. Андреева — председатель колхоза имени Коминтерна, Тамбовской области; Н. Ф. Мануковский — механизатор колхоза имени Кирова, Воронежской области; А. В. Гиталов — дважды Герой Социалистического Труда, бригадир колхоза имени XX съезда партии, Кировоградской области; Т. С. Мальцев — Герой Социалистического Труда, полевод колхоза «Заветы Ленина», Курганской области, почетный академик Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина.

Фото Я. Рюмкина.

Соколовско-Сарбайский горнообогатительный комбинат в Казахстане. Комсомолец Анатолий Пузиков работает на сварке конструкций.

Фото Н. Маторина.

Тетя Феня

Рассказ

И. ИРОШНИКОВА

Рисунки В. ВЫСОЦКОГО.

Тетя Феня — вдова. Живет вдвоем с дочерью Светланой. Работает уборщицей в заводском общежитии.

Она невысокая, худенькая, средних лет женщина, с застенчивой, девичьей улыбкой, с душевным украинским говорком, с теплыми карими глазами на привядшем уже лице.

Общежитие, в котором работает тетя Феня, помещается в одноэтажном бараке. Раньше жили в нем заводские девчата, и тогда, кроме тети Фени, были еще уборщицы. И дежурные, и воспитательница, и комендант.

Теперь девчат со всем этим штатом перевели во вновь отстроенный корпус, а барак предназначили к сносу. Одну половину его, которая подряхлее, заколотили досками, в другую временно стали селить приезжающих на производственную практику студентов. Обслуживать их оставили тетю Феню, поскольку живет она в этом же бараке.

Характер у тети Фени уступчивый. К людям она уважительна и охотно со всеми соглашается. Но с Кондрашкиным, который ведает снабжением всех заводских общежитий, тетя Феня воюет нещадно: за стекла, которые Кондрашкин не считает нужным вставлять, поскольку барак предназначен к сносу; за уголь, который подвозят нерегулярно, а тетя Феня любит топить плиту так, чтобы был всегда кипяток, потому что студенты работают в разных сменах; но, главное, так как дело идет уже к осени,— за одеяла.

— Воны ж мерзнут,— имея в виду приезжих студентов, укоризненно говорит тетя Феня заглянувшему к ней в барак Кондрашкину.— Воны ж поболеют. Ночи ж уже холодные, а одеяла тоненьки, аж светятся. Какое от них тепло!

— Пускай с собой возят! — отвергает ее притязания краснолицый прижимистый Кондрашкин.— Пускай не надеются. Не к теще в гости приехали, у меня одеял для своих, для заводских, не хватает.

— Та разве ж они чужие? — искренне удивляется тетя Феня.— Наши ж, советские ребята, так само, как заводские. И мерзнут так же. А что одеял у вас нету, так вы, Семен Петрович, мабуть, не в курсе. На складе целая гора одеял. От ей-богу! Я ж своими очима бачила!

— На бога, которого нет, ссылаться нечего! — говорит наставительно Кондрашкин.— И на склад тебе, Фекла, соваться нечего! — Голос его обретает силу.— На складе, могу тебе разъяснить, не одеяла лежат, а резерв. Поскольку начальство запретило их выдавать!

— Это, мабуть, Гуляева из ЖКО такие фокусы строит,— делает неожиданный вывод тетя Феня.— Чи вы доказать ей не можете? Что ж она за начальство, что бережет одеяла, а за людей не думает! — И добавляет решительно: — От я сама к ней схожу, Семен Петрович!

— С правильной установкой, мамка, живешь! — одобряет тетю Феню слышавшая эту перепалку Светлана. И советует: — Ты, когда будешь с Гуляевой говорить, прямо ссылайся на Маяковского. Знаешь, как Маяковский сказал? Нельзя,— Светлана делает ударение на этом,— нельзя!

...для человека жалеть
ни одеяла, ни ласки.

Давай запишу, чтоб ты не забыла.

— Мама какая хорошая у тебя, заботливая! — говорят Светлане приезжие девушки-студентки, получив наконец отвоеванные тетей Феней теплые одеяла.

— Хорошая! — охотно подтверждает Светлана. Но справедливости ради не забывает отметить: — Только не очень... сознательная еще. Особенно, если дело касается меня.

Светлана работает на заводе станочницей в автоматно-токарном цехе, и Полина Мухина работает там же.

Полина — грузная, рыхлая, немолодая, с белесоватым, не лишенным приятности лицом, с блестящими, как стекляшки, выцветшими голубыми глазами. Светлые, седоватые волосы ее выбиваются из-под косынки. Губы пухлые и постоянно в работе: то Полина облизывает их, то причмокивает ими смачно, со вкусом.

Репутация у Мухиной неважная. Говорят, что раньше Полина работала в буфете, да оказалась на руку не чиста. Хоть дело до суда не дошло, из треста столовых ее за это уволили. Сама же Полина утверждает, что за критику. Поскольку, мол, она молчать не приучена, а начальство не приучено к критике. Поди разберись!

Светлане Мухина неприятна. Въедливая! Лезет в душу, во все суется. Светлана ни за что бы не допустила ее в свой дом и не познакомила бы с матерью, да случилось так, что Мухина сама заявилась к ним однажды. Мастер ей поручил предупредить Светлану, чтобы вышла та на работу не утром, как следовало по графику, а в ночь — заменить кого-то из заболевших.

Светлану Мухина не застала. Дома была одна тетя Феня. Пришла с работы и собиралась обедать. На столе в кастрюле дымился горячий борщ.

Передав тете Фене, что нужно, Мухина уходить, однако, не торопилась: цепкими, приметливыми глазами оглядывала комнату.

Крохотная! А уютно. И нигде ни пылинки. Белое, накрахмаленное, кажется, до хруста покрывало на кровати. Ослепительно белые наволочки и кружевной подзор. На столе веселенькая, в клетку, клеенка. Вместо занавесей вышитые крестом «рушники». И еще золотые головки подсолнухов за окном словно отсвет бросают в комнату.

— Ничего, аккуратно живете! — одобрила Полина.— Но теснота, теснота! Два человека вошли — третьему уже не протиснуться!

— Не жалуемся! — сдержанно ответила тетя Феня. Она расстроилась. Всю неделю Светланка работала в ночной смене, а теперь и эту ночь тоже не придется ей спать! Но посчитала нужным все-таки объяснить: — Барак наш снесут к зиме, в новый дом переедем, там попросторнее будет.

— Жди, надейся! — поджала губы Полина.— Пока все начальство себя квартирами обеспечит...

Не спрашиваясь, она сняла со стены фотографию Светланкиного отца.

— Муж? — И придвинулась поближе к окну, чтобы рассмотреть.

Открытое, как у Светланки, лицо с такой же, как у нее, чуть выдавшейся вперед стремительной линией подбородка. Под густыми спокойными бровями смеющиеся глаза.

— Красивый! — определила Полина.— Дочка-то, видно, не в тебя, а в него.

— Она и характером в него,— не выдержала, откликнулась тетя Феня, хоть развязность Полины ее коробила.— Такая ж самостоятельная.

— Только ты Светлану напрасно пустила на завод,— вешая фотографию на место, заметила Полина.— Девять классов окончила девочка, так не могла ты ее получше пристроить.— И вздохнула: — Это уж, если кому другого выхода нет!

Тетя Феня сразу разволновалась:

— Та разве ж я ей не говорила? Как же я просила ее, как плакала... Она ж поначалу устроилась в пошивочной мастерской. Дело ж это как раз для девушки. И сама всегда будет одета и диточек своих впоследствии обошьет... Так не схотела. Сама пошла на завод, не спросилась даже...

— А ты допустила! — упрекнула Полина.— Что она еще понимает в жизни? Ты должна решать за нее. Ты мать!

— Та чего ж это мы стоим, борщ же стынет! — спохватилась вдруг тетя Феня, растрогавшись интересом Полины к судьбе своей дочери, и мигом поставила перед Мухиной тарелку с борщом.

Полина не отказалась.

— Я б ее, знаешь, куда направила, Светлану твою,— неторопливо хлебая борщ, рассуждала она,— я б ее направила... в торговую сеть, поскольку биография у нее для торговой сети пока еще вполне подходящая. А что ты думаешь? Например, газировкою торговать. Плохо ли? Где-либо на скверике, в тенечке, сидит себе, как голубка. В промежутках поит народ. А так вышивает или же вяжет, что там ей больше по душе. Не работа — законный отдых. К тому же, если обращаться умеючи,— осторожно добавила Полина,— можно и на зиму кое-что... подсобрать.

Тетя Феня вежливо промолчала. Нет, газировкою торговать Светланка, конечно, не пойдет! Да и ее, тетю Феню, это совсем не прельщает. Иное дело — пошивочная. Останься Светланка там — стала бы она мастерицей, а потом, возможно, закройщицей: она ж способная... Но, может, Полина еще что-либо придумает? Видно, она человек бывалый...

За обедом, за чаем, за разговорами досидели до сумерек. Света не зажигали. Розоватое вечернее небо вплотную придвинулось к окну.

Многое выспросила у тети Фени Полина. Выяснила, что муж тети Фени и старший сын ее, мальчик совсем еще, оба погибли в партизанах на Украине, что в Энск тетя Феня приехала по вербовке в первый послевоенный год.

— Мы б и там, в колхозе, со Светланкою жить могли,— словно бы рассуждала вслух тетя Феня.— Отстроиться б нам помогли, как семье погибшего, и корову, возможно, дали. Только знаешь, Полина, покоя не было б все равно, душа все время болела б... Как увижу ребят, что с сыном моим росли... А тут еще и мужчины, кто уцелел, стали вертаться с фронта. Тоже ж товарищи погибшему мужу моему. Зимою еще ничего. Зимою меньше видно людей. Холодно. Так все по своим землянкам сидят, бо хаты ж наши сожгли фашисты. А как потеплело... Ну, все тогда на виду. Которые женщины с мужьями, которые ожидают мужей, надеются. Мы же со Светланкой одни-одни... Только горе наше при нас...

— Вот и правда ведь говорят, что одна голова не бедна...— словно бы на себе примеряя, что пришлось пережить тете Фене, вздохнула сочувственно Полина. Она была безмужняя и бездетная...

— Подумали мы со Светланкою, посоветовались, она хоть и малое дитя, а вроде мы с нею и тогда уже все совместно решали, и завербовалась я сюда на завод...

— Вот этого, Фекла, я понять уже не могу,— перебила ее Полина.— Как же ты на это решилась? Женщина, можно сказать, в летах. Всю жизнь прожила в деревне. Ребятенок маленький. Так бросила все и кинулась неизвестно куда. Не побоялась...

— А чего бояться? — пожала плечами тетя Феня.— Всюду же люди живут!

— И не жалела потом?

— Та нет, Полиночка, не жалела! Здесь мне как-то полегшало, только я еще долго... какая-то... ну, не такая была. Ну, знаешь, вроде как бы... закаменелая. Среди людей, как в лесу! Конечно, со всеми обращаюсь, ну разницы между ними не замечаю. Все, все для меня одинаковые, так само, как деревья в лесу. Вот только теперь отошла немножко...

Пришла Светлана, с ходу включила свет и, увидев Полину, сразу потемнела лицом.

— Беседуете! Накормила бы лучше, мамка, рабочего человека!..

А когда Полина ушла, сказала матери:

— Ты, мамка, к нашему дому ее не приучай. По-моему, она нехорошая...

Но Полина с этого вечера не обходила тетю Феню своим вниманием. Тетя Феня же не могла без явной на то причины оттолкнуть и обидеть человека.

Как-то раз тетя Феня заболела. Лежала маленькая, худенькая, как девочка, на высоких своих подушках и все порывалась встать.

— Та мне ж уже легче, Светланочка! Та рабочему ж человеку вредно залеживаться. Та эта ж Настенька (уборщица, которую Кондрашкин прислал заменять тетю Феню), чтоб ей пусто было, второй день не моет полы в общежитии. Воны ж там позарастают грязью!

Однажды, вернувшись с работы, Светлана застала в комнате высокого сутуловатого мужчину в выцветшей гимнастерке. Приглядевшись, она узнала его: вахтер. Пропуска проверяет в заводской проходной. И удивилась. Чего это он пожаловал?

Он стоял у кровати тети Фени, держа фуражку в руках, словно бы собираясь уходить, а тетя Феня лежала, маленькая и строгая, под натянутым по самое горло одеялом.

Ничего не зная еще, но подозревая недоброе, чувствуя, что без Мухиной здесь не обошлось, Светлана поздоровалась и, сразу же отвернувшись, стала выкладывать покупки.

— Ну, поправляйся, Феня,— прощаясь, сказал вахтер и со значением добавил: — Буду тебя ожидать!

Тетя Феня ответила сдержанно:

— Спасибо, Иван Евграфович! Поправлюсь, заедем как-нибудь... со Светланочкой.

А когда стихли за дверью шаги вахтера, тетя Феня певуче сказала:

— Же-еных! — И улыбка, совсем молодая, озорная, лукавая, осветила ее лицо.

Сватает тетю Феню за Ивана Евграфовича (он овдовел недавно и имеет намерение жениться) в самом деле Полина Мухина.

— За таким человеком, Фекла, как за скалой! — выманив тетю Феню в палисадник под липу, поскольку Светланка дома, с чувством разъясняет Полина.— Ты не гляди, что он всего лишь вахтер и зарплата вроде бы низкая. Он, моя милая, не на зарплату живет, он главный доход для жизни в хозяйстве ищет, через то и пошел вахтером. День работает, день гуляет, для хозяйства это очень даже подходит...

О хозяйстве Ивана Евграфовича Полина рассказывает обстоятельно и со вкусом.

— Дом у него в поселке, где я живу. Участок и огород, коза и прочая птица. В доме, что надо для жизни, есть: взять из мебели или же из посуды. И одежда осталась от покойной жены! Так что, Фекла, на все готовое! Ну?! Так это плохо тебе? — Она смачно облизывает пухлые губы.

— Да ведь какой человек...— говорит задумчиво тетя Феня.— Вперед всего, Поля, на это надо смотреть.

— Уж какой бы, Феклушка, ни был,— поводит плечами Полина,— а если и у него, как у тебя, ничего за душой, какая с ним семейная жизня будет? — И убежденно доказывает: — Иван Евграфович может еще призадуматься, тебе ж, Фекла, я считаю, и думать нечего. Такой случай! По нашему времени, когда на мужиков дефицит, кому-нибудь рассказать — не поверют! Чтобы одинокий, зажиточный — и не кидался на бабу, как жеребец! Чтобы в законный брак вступить был не против! Ну?! — Она с насмешливым любопытством поглядывает на тетю Феню.— Или, может, у тебя министр какой на примете? Лауреат? Перспектива какая особенная? Что? Молчишь? А я подскажу. Дело-то, Феклушка, к старости идет! Думаешь, дочка старость твою согреет? Как же! Надейся, жди!

Тетя Феня вздыхает. Одинокая старость и впрямь пугает ее. На Светланку она, конечно, надеется. Светланка мать не оставит. Но... Что же ей, гирей висеть на дочери, да и... разве только в старости дело?

— А он-то... видел меня? — Тетя Феня краснеет.

— Ох и чудачка ты, Фекла, как я погляжу!— Заметив это, Полина снисходительно усмехается.— Детства в тебе много еще или какой-то неразвитости. Ну, что вы, молоденькие, чтобы друг друга разглядывать? Что он, не видя, не разберется по показателям, годишься ты ему или нет? — И растолковывает: — Ты как есть деревенская, значит, к земле, к хозяйству приучена. В работе ты до глупости безотказная. Одинокая, то есть в смысле родни: мать или там отец, этот хвост за тобою не тянется. А что дочка, так дочка сама себя совершенно оправдывает и даже в дом еще может внести! Из себя ты тоже не сказать чтоб уродка,— беспощадно перечисляет ее преимущества Полина. И замечает лишь напоследок: — А вообще-то он тебя видел. Я показывала. Помнишь, третьева дня мы с тобою в булочной за хлебом вместе стояли?

— Ну? — спрашивает, волнуясь, тетя Феня.

— Что «ну»?! Одобрил! Иначе к чему бы и разговор?

Ивана Евграфовича тетя Феня тогда еще тоже видела мельком и больше со спины. Полина ей показала, но знакомить в тот раз не захотела: «Видишь, с работы идет человек, двенадцать часов на ногах отстоял. Какое уж тут жениховство!»

Иван Евграфович шел устало, ссутулившись. Тете Фене он показался запущенным, неухоженным.

«Придет домой человек, в хате пусто, накормить и приветить некому»,— жалостливо подумала она. И еще подумала: «Полина как понимает, так и говорит». Тетя Феня знала ей цену. Но ведь может случиться, что вот познакомятся они с этим самым Иваном Евграфовичем и уж какая там ни на есть в их годы, а возникнет между ними любовь! Или так еще даже может быть — тетя Феня была мечтательница,— что Иван Евграфович ее, Феню, и без Полины приметил, только как подступиться, не знал. Так не станет же он об этом Полине рассказывать, разве ж она поймет?

А когда тетя Феня болела и Иван Евграфович, с которым только-только познакомила ее перед этим Полина, идя со смены, неожиданно заглянул к ним, извинился, что так, без спросу, и, поставив на тумбочку банку меда, сказал: «Ты его, Феня, с молоком горячим мешай и пей. Грудь облегчает сразу!»,— тетя Феня, растрогавшись, укрепилась в своей догадке.

Когда тетя Феня поправилась, Полина принялась ее уговаривать, чтоб она побывала у жениха: «Все сама разглядишь на месте, уверишься!»

Так уж сразу смотреть! Тете Фене хотелось совсем иного: чтоб Иван Евграфович сам зашел к ним, как в первый раз. Шел бы с работы вечерком и зашел. Вышли бы они, возможно, тогда в палисадник, посидели под липой. И чтоб ночь была тихая. И луна. И долгие разговоры. Такие, чтоб теплело от них на сердце, понятнее становился для тебя человек!

Что же, что не молоденькие? Сколько б ни было прожито, разве можно без этого?!

Но Иван Евграфович больше не заходил. Может, правда, как говорила Полина, ожидал ее, Феню?! Она ведь пообещала!

— Поедем, посмотрим, детонька! — говорит однажды тетя Феня Светлане.

Светлана хмурится:

— Я зачем? Тебя сватают, ты и езжай... с Полиной!

— От тоби маешь! — Тетя Феня искренне огорчается.— Кто же мне посоветует, Светланочка, как не ты? Мы же все с тобой совместно решаем. Понравится нам... так, что же! А не понравится...

Светлана только крепче сжимает губы. Она скрытная. Своего отношения к этому сватовству не выявляет никак: «Смотри сама! Как тебе лучше, мама...»

В воскресенье Светлана и тетя Феня выбираются к Ивану Евграфовичу.

До поселка едут электропоездом. В вагоне молчат. Светлана уткнулась в книгу. Тетя Феня задумчиво смотрит в окно. И почему-то обеим грустно.

Но когда они сходят на платформу и в глаза им вдруг ударяет голубое, не заслоненное никакими строениями небо, тетя Феня тихонько ахает:

— Как же тут хорошо, Светланка! И землею пахнет! Я ж уже и забула, как пахнет землей!

В поселковых улочках стоит прохладная тишина. От свежескошенной, разбросанной у дворов для просушки травы поднимаются горьковатые медовые запахи.

Тетя Феня шагает быстро легкой своей походкой. Раскрасневшись и словно бы опьянев от воздуха, она все старается по внешнему виду угадать, который же дом Ивана Евграфовича.

— Мабуть, оцей, Светланочка,— говорит она, вся светясь счастливым своим предчувствием, и показывает на маленький, в зелени, в зарослях золотых шаров домишко.— Я думаю, що оцей. А ну подивись на номер! — Однако дом этот значится под номером двадцать пятым. Иван же Евграфович проживает в сорок втором.

Впрочем, им почти не приходится искать. Из какого-то переулка выплывает Полина Мухина. Она приоделась — в новом цветастом платье и такой же косынке на седоватых уже волосах. Здоровается, оглядывает придирчиво тетю Феню:

— Новую какую-то жакетку надела! — и щупает материал.— Бумага! А все же имеет вид.

Они подходят к дому Ивана Евграфовича. Окна в доме закрыты наглухо, хоть на улице и тепло. Стекла без занавесей, отсвечивают. И от этого кажется, что внутри темнота. Перед домом разлапистая старая ель. А цветов на участке нету.

Сам Иван Евграфович — это видно через забор — строгает у колодца какие-то доски. Летит, завиваясь, стружка из-под его больших, уверенных рук.

— Рабочий человек! — наблюдая за ним, с какой-то особой интонацией говорит тетя Феня.

— Крышу к колодцу делает,— охотно поясняет Полина.— Хочет колодец запереть на замок. Вырыл недавно на участке колодец, так покою совсем лишился. Люди до дармовщинки охочи — ходят и ходят, удержу нет. Другой-то колодец много подальше будет.

Почуяв чужих, из будки с оглушительным лаем выскакивает большой, как теленок, свирепого вида пес.

Иван Евграфович поднимает голову, видит гостей за забором и, цыкнув на пса, кладет рубанок. Потом поливает из висящего у колодца ведра себе на руки и, неторопливо оправляя на ходу гимнастерку, идет к калитке.

«Уж и приодеться не мог!» — обиженно думает Светлана. В этой выцветшей от пота и времени гимнастерке она постоянно видит его на заводе.

Стараясь просунуть свою бородатую морду сквозь загородку, блеет коза. Суетятся куры,

хлопает крыльями статный многоцветный петух. Иван Евграфович показывает свое хозяйство гостям.

Большой и не очень складный, с сутулой, помедвежьи переходящей в шею спиной, он идет впереди по узенькой тропке. За ним, гуськом, тетя Феня, Полина. Сзади всех неохотно бредет Светлана.

Кудрявится желтеющая картофельная ботва, краснотой отсвечивают на солнце продолговатые свекольные листья, сизые, словно от инея, капустные кочаны лежат на грядках.

— Хозяин! — нарочито громко повторяет Полина.— С каждого клочка земли стремится иметь доход.

Иван Евграфович словно бы и не слышит, он в меру приветлив, но сдержан так, словно знает полную цену и себе и всему, что при нем.

— А у нас на селе, где я жила,— задумчиво говорит тетя Феня,— люди к цветам имели большое чувство. У нас на селе такого участка около хаты не встретишь, чтоб без цветов.

— Чувство — это, конечно,— вежливо соглашается Иван Евграфович (углы его крупного рта чуть приподняты кверху, и от этого кажется, что с губ Ивана Евграфовича не сходит усмешка),— однако землю занимать под цветы расчета нету. Цветы не дают такого эффекта, в то время как каждая зеленюшка на рынке цѐнится...

Светланка украдкой поглядывает на мать. Тетя Феня слушает Ивана Евграфовича внимательно и как будто с сочувственным пониманием.

Они поднимаются по ступенькам, входят в дом. В доме прохладно, по-нежилому чисто. Поблескивают свежеокрашенные, словно не успевшие даже еще запылиться полы. На стенах свежие желтые с прозеленью обои.

За буфетом, в темном углу, отливает золотом потускневший от времени лик богоматери. Полина тихонько толкает в бок тетю Феню и, показывая глазами в угол, быстрым шепотом спрашивает:

— В бога веришь?

Светлана напряженно ожидает ответа.

— Я в людей хороших верю, Полиночка,— не сразу, раздумчиво, говорит ее мать.

До прозрачности свежие яйца в кухоньке на столе и алые помидоры. И с розовым салом кусок свинины. Ведра полны водой. На полу у плиты приготовлены сухие дрова.

— Ну, хозяйки, принимайтесь за угощение,— предлагает Иван Евграфович,— я же тем часом живность свою схожу накормлю.

Гудят, полыхают дрова в плите. Аппетитно пахнет жареным луком. Повязав вместо фартука полотенце, тетя Феня вдохновенно орудует у плиты.

— От уже и готова.— Она поворачивает на противне румяную, пышную свинину.— Сейчас картошка дойдет, и можно на стол подавать. Полиночка, ты б спросила у Ивана Евграфовича какую скатерку та й посуду, где там она у него, доставай...

Светлану тетя Феня не трогает. Светлана неприютно сидит на краешке дивана в столовой. Все ей противно здесь: рыжий огромный абажур над столом (этакую корову повесили!), не покрытый ни скатертью, ни клеенкой стол (все припрятал до времени бережливый хозяин!), тупая, с позолоченными усами морда гипсовой кошки-копилки на этажерке (книг на ней нет, только старые номера «Крокодила» завалялись на нижней полке).

Все Светлане противно сейчас: неприкрытая льстивость Полины, снисходительная уверенность знающего себе цену Ивана Евграфовича, веселое оживление матери... Мамка, мамка! Знала бы ты, как на это горько смотреть! Гордости в тебе не хватает, что ли? Чем прельстилась? Чужим достатком? И на что ты готова уже сменять свою со Светланкою жизнь?!

И сама Светлана противна себе. За то, что сдалась, поехала. За то, что сидит и мучается и не может решиться... Не может заставить себя подняться, хлопнуть дверью, уйти. Пусть они как хотят!

Приходит Иван Евграфович, вынимает отдающую нафталином скатерть из какого-то сундука. Подает тете Фене,— годится?

Тетя Феня с Полиной накрывают на стол. В центре пирог. Тетя Феня испекла его дома, чтоб не с пустыми руками ехать. Вокруг пирога вареные яйца, колбаса, помидоры, малосольные огурцы....

— Ну, дорогие гости, прошу к столу! — Иван Евграфович наполняет рюмки «столичной», поднимает рюмку и, дождавшись, пока рассядутся, произносит не без торжественности: — За знакомство и приятную встречу!

— А я добавлю еще,— тетя Феня тоже держит на весу свою рюмку,— щоб наша доля, счастье, значит, судьба... нас не цуралась! Щоб краще в свиті жилось. — И глядит на Ивана Евграфовича такими добрыми, такими сияющими глазами, что Светланке хочется плакать.

Выпивают, закусывают, разговаривают о чем-то. Лишь Светлана глаз от своей тарелки не поднимает.

Полина ругает мастера:

— Привязался, как банный лист! Я чей-то брак собрала на труборезном участке и положила на стол, а он привязался ко мне, вроде это я собственный брак утаиваю.

Какая ж она бессовестная! Лицо Светланы медленно заливается краской. Брак этот, конечно, ее. Все же знают...

— Так он меня перед людьми на пятиминутке вчера срамил! — продолжает Полина.— Прямо пугалу сделал из меня. Чучелу какую-то с пережитками. И ведь по годам совершенный сопляк! Ну гонору, ну желания выслужиться!..

— Неправда это! — вспыхивает Светлана.— Виктор — замечательный парень. Он... он все стремится делать для блага общества...

Теплая ладонь тети Фени незаметно ложится на Светланину руку. Замолчи, не срамись, мол! Ты же в гостях!

— Та чего ж вы не кушаете? — сразу переводит разговор тетя Феня и говорит торопливо, без передышки: — Ну, Полиночка, дай я тебе еще кусочек свининки положу. Иван Евграфович! Видно, вам мой пирог не по вкусу? А может, выпьем еще... для хорошего настроения...

Выпивают, закусывают. Все едят с аппетитом, кроме Светланы. Проголодались. Да и удалось угощение. Румяная, пропитавшаяся салом картошка, свинина с хрустящей корочкой.

Пирог с капустой и яйцами, кажется, так и тает во рту.

— Ну хозяйка! — выразительно глядя на Ивана Евграфовича, нахваливает тетю Феню Полина.— Ох, и хозяйка! — И, не в силах выразить своих чувств, только мотает головой.

— Та что ты, Полиночка! — Лицо тети Фени светится удовольствием.— Это ж так, на скорую руку. А от до войны... Не было такого праздника, чтобы люди у нас не собирались. Трактористы, товарищи мужа моего. С жинками, а то и диточек приведут...

Светлана незаметно наблюдает за матерью. Какая-то она не такая сегодня. Словно что-то переливается в ней все время. Искрится. Притягивает.

Недаром хмуроватый даже и под хмельком Иван Евграфович нет-нет да и глянет на нее с интересом.

— Я людей приветить люблю,— говорит тетя Феня и смотрит на Ивана Евграфовича так, словно ожидает сочувствия.

Иван Евграфович молча, невозмутимо ест. Зато Полина тотчас же дает пояснение:

— Этого у них с покойницей не было, чтобы людей привечать. Они, Феклушка, не для людей, они друг для друга жили!

— А ты, Иван Евграфович, видный парень, наверное, был в молодых годах? — словно бы без внимания оставив слова Полины, спрашивает неожиданно тетя Феня.

«И чего она в нем нашла?» — горестно недоумевает Светлана.

— Н-ну... не так, чтоб уж очень.— Иван Евграфович хмыкает, он доволен.— Однако же...— И находится: — Гармонист! — так, словно это может все объяснить.

— И девчата тебя любили, наверное! — с затаенным лукавством, вызывая его на разговор о себе, не унимается тетя Феня.

— Нет, об чем разговор завела! — восхищенно хихикает начинающая хмелеть Полина и грозит тете Фене пальцем.— Нет, об чем разговор!

Иван Евграфович отвечает не сразу.

— Чтоб вообще девчата, этого не скажу. Ну, одна... любила!

— Супруга! — Пьяненькая Полина весело хлопает в ладоши.— Ксюшка, его супруга! Кто же еще? Да он, при его характере, другой-то бабы за всю свою жизнь, возможно, не знал.

— А какая она была, Евграфович? — Голос тети Фени звучит душевно.

— С косами! — Иван Евграфович мечтательно жмурится.— Коса каждая, чтоб не соврать, в кулак толщиной. А глаза... Другой раз заглянешь, ну прямо как обожжет!

Грубоватое, словно бы застывшее в одном выражении лицо его как-то меняется, оживает.

Тетя Феня сочувственно слушает. Полина удивленно притихла.

— Такая отчаянная была! Танцорка! Первая на селе...

— Это Ксюшка-то? — Не выдержав, прыскает Полина.— Аксинья твоя — танцорка? Ну и выпил же ты, Евграфович! Хоть она и подруга мне, хотя и покойница, но промолчать не могу...

— Не об Аксинье речь! — строго обрывает Полину Иван Евграфович.— На Аксинье, если уж вам признаться, отец меня... считай, силком оженил.

Светлана на миг поднимает голову от тарелки. Быстрым любопытным взглядом скользит по лицу Ивана Евграфовича и тотчас вновь опускает глаза.

— Как же это понять — силком? — задумчиво переспрашивает тетя Феня.

— А ты и веришь! — хитренько смеется Полина.— Детскости в тебе, Фекла, много еще, неразвитости. Мужик, если к бабе имеет интерес, завсегда стремится себя перед ней покрасивей выставить!

— Уж куда красивей! — едко подтверждает Иван Евграфович. И совсем по-другому, искренне обращается к тете Фене: — Я от сватанья этого, Феня, чуть было не лишился рассудка. Из дому убегал. На Николу зимнего ночь в хлеву просидел в одном пиджаке. Здоровенный дубина был, а плакал.

— Ну и как же? — В глазах тети Фени горячее ожидание.— Как же потом, Евграфович?

Иван Евграфович ожесточенно катает меж пальцами кусочек хлебного мякиша.

— Отец своего... добился, конечно!

— Эх, ты! — Тетя Феня горестно машет рукой.

— Он мне, Феня, прямо-таки доказал,— к ней одной обращаясь, продолжает Иван Евграфович.— Он, когда увидел мое упорство, больше не стал перечить. Женись! Но из дому, говорит, в чем стоишь, сей же час уходи!

— Смотри ты, какое дело! — всплескивает руками Полина.— Сколько с ними знакомство вожу, а не знала этого!

— Решился, говорит, на батрачке жениться, что ж,— продолжает Иван Евграфович,— иди, батрачь, если нравится!

— Чем взял! — непримиримо говорит тетя Феня.— Чем же он взял тебя, Евграфович!

— Нет, Феня, ты погоди! — с непредвиденной в нем горячностью оправдывает себя перед ней Иван Евграфович.— Ты обдумай: я из дому ушел в чем стою, да? И у любушки моей, ну, лишней юбчонки перемениться нету. Как же жизнь начинать, скажи? — И, не давая ей на это ответить, торопливо, словно боясь, что его перебьют, досказывает: — Она сирота. На богатых мужиков работала с малолетства. В работе ловкая и старательная, за это ее нахваливали и нанимали охотно. Ну, чтоб в дом за невестку взять...

— Но ведь тогда уже революция была! Советская власть! — вырывается неожиданно у Светланы, и все оборачиваются на ломкий ее, взволнованный голосок.

Подняв голову, Светлана с вызовом смотрит на Ивана Евграфовича. Лицо у нее напряженное, бледное.

— Плохо вы в учебниках учите,— не уклоняется от ответа Иван Евграфович.— Вы, молодые, думаете небось: только лишь совершилась Советская власть, враз и богатых не стало? Нет! Не так это просто было...— Словно бы отодвинув пережитое, Иван Евграфович вновь обретает свойственную ему спокойную рассудительность интонации.— Про что я рассказываю, было это в двадцать втором году. А поравняли деревню, можно сказать, лишь тридцатые годы. Ликвидация кулачества, если вы про это учили...

— Аксинья, супруга его, из кулаков,— считает нужным отметить Полина.

— Из зажиточных! — угрюмо уточняет Иван Евграфович.

— Отец же его середняк, ну, за кулаками тянулся. Мне Аксинья сама рассказывала. Она своего Ивана года на три старше была. Засиделась, как видно, в девках,— запоздало соображает Полина,— вот отчего, я думаю, выпал ему такой шанс...

— Значит, продал свою любовь! — с беспощадным спокойствием как бы подводит итог тетя Феня.

— Отец разбил! — по-прежнему угрюмо повторяет Иван Евграфович.

— Чего испугался? — грустно раздумывает вслух тетя Феня.— Молодые, здоровые, неужели б не заработали?

— И чего ты, Фекла, воду мутишь? — обрывает ее Полина.— Правильно рассудил старик! Любовью одной не проживешь. Начинать семейную жизню надо, чтоб основа была. Что, я неверно говорю?

— Как же мы с моим мужем жизнь начинали?! — продолжает задумчиво тетя Феня.— Я ж, Евграфович, так само, как и любушка твоя, сирота. Дивчинкою работать пошла, только не на кулаков, а в совхоз. И лишней спидницы, или юбки, по-вашему, и у меня не бывало. Так муж мой не испугался этого! Не было у нас ничего, Евграфович, как мы поженились. Только любовь одна и была... То вдача еще... натура, значит, наша, рабочая... А жили как! — Словно отсвет давнего счастья возникает на лице тети Фени.

Острая жалость обжигает Светлану. Она хмурится. Чтоб не было видно лица, склоняется ниже над тарелкой.

— А что ж! И они с супругой неплохо жили,— вступается за Ивана Евграфовича Полина.— И на старость кое-что нажито.— Широким жестом она обводит комнату.

— Та разве ж этим одним проживешь, Полиночка! — грустно говорит тетя Феня.

Иван Евграфович по-прежнему катает меж темными пальцами кусочек хлебного мякиша и молчит. И снова Светлане кажется, что на губах его застыла непонятная, непроницаемая усмешка.

— А я не говорю, что они лишь этим и жили, в войну особенно,— по-своему истолковав вопрос тети Фени, разъясняет Полина.— В войну Евграфович рабочую карточку получал. Зарплата все время твердая... В общем, Фекла, их жизню я наблюдала, могу говорить: деньжонки у них водились, ели сытно, друг другу ни в чем не отказывали.

— Та я ж не про то, Полина! — пытается возразить тетя Феня, но Полина не слушает ее.

— Спросит у него, бывало, покойница, двадцать, скажем, рублей на хозяйство, на день. Дает Евграфович, не перечит. Двадцать пять рублей спросит, опять же дает...

— И двадцать? И двадцать пять? — сверкнув озорно глазами, перебивает вдруг ее тетя Феня.— И все она просит?! А муж не отказывает?

Полина растерянно умолкает.

— А я вот, бывает,— с небрежной какой-то удалью говорит тетя Феня,— я, бывает, и пятьдесят рублей на день потрачу, ни у кого не спрошусь. И сто, бывает, потрачу...

Иван Евграфович по-прежнему непроницаемо усмехается. Светлана слушает настороженно, удивленно. Она-то знает, как экономно ведет их небольшое хозяйство мать!

— Что заработаю, то и трачу! — словно вызов кому-то, бросает тетя Феня.— А чего ж! Хиба гроши на мене роблять? Я на гроши роблю! Так чего ж их жалеть?!

— Сильна! — В полном недоумении Полина качает головой.— Ох, и сильна, однако!

— А на черный день? — спрашивает с интересом Иван Евграфович.

— Хо! — только машет рукой тетя Феня.— У рабочего человека, Евграфович, черного дня не будет. Было б только здоровье!

— А здоровья не будет? А старость? — пристрастно допытывается Иван Евграфович.

— А государство на что? — спрашивает, в свою очередь, тетя Феня.— Должно меня обеспечить! — Она весело, требовательно, задорно стучит кулаком по столу.

— Верь, надейся! — поджимает губы Полина.

— Верю! — строго говорит тетя Феня.— Верю! — С силой повторяет она. И добавляет тихо: — За эту веру муж и сын мой, Полина, жизнь свою положили!

На станцию идут уже затемно. Впереди тетя Феня с Иваном Евграфовичем. За ними Полина, спотыкаясь на нетвердых еще от хмеля ногах, чертыхается, клянет темноту и все на свете. За Полиной Светлана. Задумчивая, притихшая. Вечер теплый и чуть туманный. И небо словно в туманной дымке — звезды еле проблескивают сквозь нее.

Замыкая улицы и проулки, кажется, гораздо теснее, чем днем, подступает к поселку лес.

— Ну, дошла наконец,— рванув на себя невидимую во тьме калитку, сердито объявляет Полина.

— Будь здорова, Полиночка! Спасибо тебе! — снова став, как обычно, уважительной, ласковой, тетя Феня прощается с Полиной.

Втроем они доходят теперь до станции. Поднимаются на платформу. Людей на платформе не видно. Поздний час.

Тетя Феня с Иваном Евграфовичем останавливаются под фонарем. Светлана по-прежнему держится поодаль. Позади платформы темнеет лес. Тянет из лесу сыростью, свежестью, сосной.

— Хорошо тут у вас, Евграфович! И землею пахнет! — мечтательно говорит тетя Феня.— До чего ж я люблю, когда пахнет землей!

Золотые россыпи искр разлетаются от проводов; возникая из тьмы, несется к платформе электричка.

— Может, все же надумаешь, Феня? — слышит Светлана торопливый, глуховатый голос Ивана Евграфовича.

Поезд останавливается у станции. Светлана медлит. Держась за поручень, она с тревогой ожидает ответа.

— Та нет, не надумаю,— у самого вагона говорит наконец тетя Феня.— Нет, не надумаю, Евграфович!

И тоже берясь за поручень, словно бы с грустной какой-то жалостью глядит на него.

Ну, а может, это только так кажется Светлане? Может, это зыбкий свет фонаря бросает такую тень на лицо ее матери?

РУКОПОЖАТИЕ ЗА ТРИ МОРЯ

Евгений ВОРОБЬЕВ

Фото М. Савина.

А вот, лучше, я вас на той же неделе отправлю на Запорожье. Вот где наука, так наука! Там вам школа...

Н. В. Гоголь «Тарас Бульба».

Индийские металлурги на заводе «Запорожсталь».

Своенравная и ветреная запорожская зима — не чета сибирской или даже московской. Лишь изредка снег выпадает столь обильно, что у него достает сил выбелить все мостовые и крыши домов. И много раз успеют за зиму замерзнуть и растаять одни и те же лужи, подчиняясь капризам и непостоянству здешней погоды.

А в то белое ноябрьское утро вместе со школьниками играли в снежки и вполне взрослые дяди, в том числе бородатые. Они выбежали из гостиницы и подняли на улице веселую, шумную суматоху. Словно снег — редкое явление природы и он должен через минуту — другую растаять, исчезнуть на долгие годы, может быть, навсегда.

Первый снег!

Оказывается, его можно сжать в леденящий пальцы липкий комочек. А можно отломить сосульку с водосточной трубы и аппетитно ее пососать. Вот бы такие сосульки висели в жаркие дни на пальмах!

Простим эту ребяческую непосредственность индийским гостям. Ведь до этого многие видели снег только на экране или читали о нем в книгах. Лишь гости из северных провинций видели снег: он вечно лежит на Гималаях. Попробуйте понять, что значит «мороз щиплет за нос, за уши», если вы в жизни своей этого не испытывали!

С некоторых пор Запорожье привлекает к себе внимание иностранных туристов, а в еще большей степени — специалистов, прежде всего строителей, металлургов, энергетиков.

Растут международные связи города, и с каждым днем местные почтальоны разносят все больше писем и бандеролей, оклеенных заграничными марками. Конверты с сине-красной каемкой авиапочты надписаны и по-чужому, и по-русски, и по-украински — то пишут из-за рубежа запорожцы.

Помню запорожцев за Дунаем: то было на строительстве Моста дружбы, навечно связавшего берега Румынии и Болгарии,— там, на Дунае, среди строителей моста трудились и монтажники из Запорожья.

Мне довелось видеть немало запорожцев за Вислой: то было во время строительства Дворца дружбы в Варшаве. Верхолазы-монтажники трудились тогда в «варшавской стратосфере».

Уже давным-давно вернулись на берега родного Днепра строители из Польши. Начальник стройки высотной части Дворца дружбы Иван Алексеевич Поздняков ныне возглавляет «Запорожстрой», у него под началом работают и бывшие варшавяне.

Но иные запорожцы вернулись домой ненадолго. Благородная и деятельная «охота к перемене мест» вновь позвала строителей далеко-далеко, туда, где рождаются новые моря, где в таежной глуши вырастают заводы, гидростанции, мосты, поселки. Хай живе запорожцы за Иртышом, за Ангарой, за Амуром!

И в знойном Бхилаи, на строительной площадке, окруженной джунглями и рисовыми полями, можно разыскать сегодня запорожцев. Пусть люди из племени кочевников-строителей работают сегодня в шлемах наподобие пробковых, в легких комбинезонах и у каждого через плечо висит термос со спасительной холодной водой — в словах их нет-нет да и слышится милый сердцу украинский акцент. Запорожцы за Индом!

Имя бригадира-монтажника Ивана Александровича Румянцева звучало на многих стройках страны, он награжден орденом Ленина. Хорошо помню самоотверженную работу Румянцева на стройке листопрокатного цеха и первой цельносварной домны в Запорожье. Он смонтировал там около тридцати километров трубопроводов для пара, газа и воздуха. Ныне Румянцев монтирует трубопроводы в Бхилаи. А весь отряд советских специалистов и рабочих возглавляет главный инженер Вениамин Эммануилович Дымшиц, бывший управляющий прославленным трестом «Запорожстрой».

И вот пока Дымшиц, Румянцев и их товарищи помогают индийцам, здесь, на «Запорожстали», практикуются, овладевают мастерством посланцы Индии, которые будут работать на заводе в Бхилаи.

Жена Румянцева, Александра Петровна, встречая на улицах Запорожья далеких пришельцев, с особенным интересом всматривается в их лица. Может, и ее Ваня уже закоптился на тропическом солнце до такой черноты? Может, и ее Ваня уже носит тюрбан на голове и узкие белые брюки в обтяжку? Может, и ее Ваня завел усики на старости лет?

Уже не одна группа индийских практикантов уехала на родину. Они уезжают из Запорожья с самым ценным багажом, какой только бывает у пассажира,— с багажом приобретенных знаний.

Чрезвычайно интересно было присутствовать на экзамене, который держали индийские гости после того, как их практика подошла к концу.

Экзаменационную комиссию возглавлял Лука Лукич Соловьев, заместитель главного инженера «Запорожстали», входили в комиссию отличные специалисты.

Мало когда характер человека проявляется с такой остротой, как во время экзамена. И думается, что цвет кожи не играет при этом решительно никакой роли — разве не так отчетливо видно, что румянец волнения покрывает смуглые-смуглые щеки.

Некоторые возбужденно жестикулируют, порывисто тянутся к карандашу и бумаге. Кто-то закрыл глаза, чтобы легче представить себе схему управления краном, и при этом делает такие движения рукой, словно орудует рычагами и рукоятками. Одни долго вытирают руки, отойдя от классной доски, а другие в смятении забывают об этом, и следы мела долго белеют на темных пальцах. Иные чересчур застенчивы, их приглашают держаться смелее, увереннее. В доменном или мартеновском деле обязательны решимость, расторопность, умение быстро и самостоятельно принимать решение, здесь застенчивость неуместна так же, как в бою.

Не только ученики ведут себя сообразно характерам: есть инструкторы, которые на экзамене невозмутимы, а другие волнуются, пожалуй, не меньше своих учеников.

Некоторые ученики не дожидаются, пока последует перевод, они напряженно вслушиваются в вопросы экзаменаторов и кивают головой в знак понимания. Кто-то поправил переводчицу, когда та не сразу уловила техническую суть его ответа. А есть такие, кто не знает и английского языка. Тогда перевод двухступенчатый: кто-нибудь из коллег переводит с родного языка на английский, а затем уже следует перевод на русский. Из членов экзаменационной комиссии только Лука Лукич понимает и может объясниться по-английски... Однако не следует забывать, что мы присутствуем на экзамене.

— Как спасти человека, который отравился газом? — задают вопрос переводчице, сидящей рядом с газоспасателем Бомбейвала.

— Сильно? — неожиданно спрашивает по-русски Бомбейвала, опережая перевод.

Его полное лицо сразу становится озабоченным, будто несчастье уже и в самом деле произошло и медлить никак нельзя. Он даже снимает зачем-то цветастый шарф, которым закутал горло.

Газоспасатель должен быть человеком решительным, смелым, и ему не помешает большая физическая сила: мало ли при каких

трудных обстоятельствах потребуется его помощь! Бомбейвала как нельзя более подходит к своей новой профессии. Под серо-голубым пиджаком угадываются массивные плечи. Бомбейвалу нередко можно было видеть в спортивном зале «Запорожстали»: этот силач регулярно упражняется со штангой.

Потом Бомбейвала показывает комиссии, как он в случае надобности будет делать искусственное дыхание, и при этом отсчитывает по-русски: «Раз, два, три, раз, два, три...».

И вот еще один практикант перестал быть учеником, сдал экзамен, и в комнате, где мы сидим, раздаются добрые напутствия. Слышатся: «Гуд бай», «Старт оф Индиа!» и почти обязательное «Намасте!», что на языке хинди звучит как приветствие. Бомбейвала поднимает к своему лицу молитвенно сложенные ладони. Кто-то из экзаменаторов повторяет этот жест, полный почтительности...

Ах, сколько жизненных дорог встретится и причудливо пересечется у подножия доменной печи в Бхилаи, которая одарит строителей первым чугуном!

Металлургический комбинат Бхилаи расположен в центральном штате Индии — Мадхья Прадеш. Туда съедутся люди со всех четырех сторон света: из северного Пенджаба, из южного Майсура, с запада из Бомбея и с востока из Калькутты. Даже внешне южане отличаются от уроженцев Пенджаба или Кашмира: значительно темнее кожа, а у иных волосы курчавятся по-негритянски.

Но разве только географическим многообразием объясняется несхожесть или даже резкие контрасты в судьбах людей?

Мадхав Мудхолкар, рослый и красивый тридцатичетырехлетний мужчина, одет изысканно, даже щеголевато. У него лоб мыслителя, обрамленный седеющими волосами, а глаза полны совсем молодого блеска. Внешне Мудхолкар скорее похож на ученого или артиста, чем на доменного мастера. У него недюжинные лингвистические способности. Он знает шесть индийских языков (хинди, гуджарати, бенгали, маратхи, пенджаби и телугу), английский, а ныне можно смело прибавить к ним и русский язык. В день приезда он знал только два русских слова: «здравствуйте» и «пожалуйста». Затем к ним прибавились: «шапка», «борщ», «выходной», «снег», «ватник», «спасибо», «холодно», «тепло», «хлеб», «чугун», «горно» и «шуба». Какое это уютное и теплое слово! Гости произносят слово «шуба» тем чаще и охотнее, чем морознее на улице. Сейчас уже Мудхолкар успешно изъясняется без переводчика, он твердо решил заниматься русским языком и на родине.

Тринадцать лет проработал Мудхолкар на старых доменных печах завода Тата. Нанимая рабочих, там отдавали предпочтение детям тех, кто уже работал на заводе, конечно, при условии, если дети знали грамоту. Заводчик правильно рассуждал: отец всегда поможет сыну овладеть своей профессией. Вот почему на заводе, как и среди кустарей, профессия сына чаще всего являлась точным слепком с профессии отца, деда.

Инженер-сталеплавильщик Дивендра Натх Мукарджи всегда подтянут, сдержан в словах и жестах. Может быть, он так сосредоточен вовсе не по свойству характера, а потому, что является старостой большой группы практикантов?

Мукарджи — земляк и давний товарищ Мудхолкара, вот так же были приятелями их отцы. Отец Мадхава проработал на заводе компании Тата двадцать восемь лет, а отец Мукарджи — сорок. И живут их семьи по соседству. И учились мальчики в одной школе — Мадхав был на класс старше; и работали вместе на заводе Тата, где один плавил чугун, а другой варил сталь.

За десять месяцев жизни и работы в Запорожье Мукарджи, по его признанию, основательно пополнил знания. Мукарджи тоже держал напоследок экзамен, он продолжался полтора часа. Но все-таки его экзамен носил несколько другой характер, он иногда смахивал и на техническую дискуссию, где были равноправны ученик и учителя. Когда Мукарджи отлично ответил на последний вопрос, он, как и все его коллеги, поблагодарил комиссию, а затем передал председателю свои предложения, направленные к улучшению работы мартеновского цеха «Запорожстали». Перенимая местный опыт, Мукарджи считает для себя обязательным поделиться опытом, который накоплен на других заводах, в других странах. Он внес дельные предложения о хранении ферромарганца, об освещении печей во время ремонта. Кроме того, он считает целесообразным внедрить на «Запорожстали» телевидение для контроля за работой печей, установить подобие телескопа для наблюдения за ванной и сводом мартена и ввести другие новшества.

Члены комиссии живо заинтересовались предложениями Мукарджи, и понятно, почему на его докладной записке появилась требовательная и нетерпеливая резолюция Луки Лукича Соловьева: «Срочно сделать перевод».

А наряду с опытными металлургами, которые успели поработать в Майсуре, в Джамшедпуре, можно найти и металлурговновичков. Иные из них впервые увидели металлургический завод в Запорожье, иные идут в Бхилаи длинными и подчас очень извилистыми, трудными тропками.

Гопала Пиллаи не знает английского языка. Его родной язык малайяли, и для того, чтобы побеседовать с ним, нужны два переводчика. На юге страны, в Керала, этот язык самый распространенный.

— Много людей говорит на языке малайяли?

— Не так много.— Переводчик отрицательно качает головой.— Миллионов десять...

Гопала Пиллаи будет в Бхилаи машинистом рудного перегружателя. Под ним будут лежать на рудном дворе холмы железной руды всех оттенков рыжего и шоколадного цвета. Под самым палящим солнцем не выцветает, не линяет руда. Только недавно она увидела свет дня, а уже готовится стать чугуном. Гопала Пиллаи знает, что эту замечательную руду добыли в Раджхара Пахар. Столетие назад открыли там месторождение, и все время руда лежала без движения, ожидая, когда Гопала Пиллаи и другие машинисты загрузят ее в домну.

Этому коренастому, почти черноножему человеку пришлось осваивать новую профессию в возрасте сорока лет. Весь стаж его работы на заводе в Майсуре — три месяца. А до того Гопала Пиллаи пятнадцать лет был солдатом индийской армии. Еще молодым человеком ему пришлось воевать с немецкими и итальянскими фашистами в Африке. В дни боев под Александрией он ремонтировал танки и военные автомобили, сплошь выкрашенные серо-желтой краской, под цвет пустыни. Затем воевал в Бирме с тогдашними союзниками Гитлера — японцами. И вот ныне этот бессемейный, исстрадавшийся человек отважно начинает новую жизнь на своей независимой родине.

Приезд в Запорожье тридцатисемилетнего Махабуба Кхана также полон сокровенного смысла: в его жизни, как в капле воды, отразились характерные черты времени, великие перемены в Индии.

Есть в доменном цехе маленькая медницкая мастерская; там следят за тем, чтобы всегда были в порядке охладительные приборы домны. Если бы вы видели, читатель, с каким искусством и воодушевлением Махабуб Кхан паял, сваривал, собирал всевозможные медные трубы, трубки и трубочки! Все они составляют систему охлаждения, с помощью которой вода остужает фурмы печи и усмиряет огонь там, где он может вызвать беду. Если Махабуб Кхан не прошел сам через огонь, воду и медные трубы, то, во всяком случае, подчинил их себе.

Откуда же в руках у этого малограмотного человека, говорящего только на языке урду, оказалось столь завидное мастерство? Дело в том, что Махабуб — потомственный медник. Прадед его, по семейным рассказам, занимался литьем. Дед работал по меди. И отец его, Кадар Кхан, тридцать лет проработал в Майсуре медником, так что металлическая пыль навечно въелась во все заусеницы, во все поры и трещинки кожи на его руках. Десяти лет от роду Махабуб начал помогать отцу. Все пять братьев Махабуба тоже медники.

И вот на должность медника современной доменной печи как бы из средневековья явился этот немолодой уже человек, с почти черным, как у всех жителей южных провинций, лицом и в коричневом, наглухо застегнутом кителе. Кажется, что Махабуб Кхан вобрал в себя мастерство нескольких поколений индийских умельцев-кустарей. Они изготовляли подносы, светильники, кувшины, блюда, а наследник всех этих мастеров — доменщик. Пусть его оглушает рев воздуха, с силой бьющего в уши, пусть его ослепляет огненная река чугуна, которая время от времени разливается так же неудержимо, как река Кавери после тропических ливней,— медник Кхан уверенно и спокойно работает у горна домны...

Завязался разговор об условиях будущей работы в Бхилаи. Все отметили, что климатические условия там хуже, чем, предположим, в штате Бихар на заводе Тата.

Обер-мастер доменного цеха А. П. Галушко (в центре) с индийскими металлургами.

В континентальном Бхилаи жестокий зной не умеряется влажными ветрами, дующими с океана.

Я высказал предположение, что горновым в Индии приходится еще труднее, чем у нас. Но доменщики со мной не согласились. Какое значение имеет температура воздуха где-то там в тени, вообще в данной местности? Ведь раскаленный воздух на литейном дворе или у мартена одинаково обжигает легкие! Ну, а что касается адской жары, то индийцы приспособлены к ней лучше русских, легче ее переносят и поэтому имеют даже преимущество перед северными коллегами. А лечатся горновые и сталевары от своей мучительной жажды всюду одинаково — пьют подсоленную воду, чтобы организм восполнил потерю соли, осевшей крупинками на пропотевшей рубахе.

Немало потрудились специалисты «Запорожстали», обучая практикантов. И по праву выслушали слова горячей благодарности на многих языках заместитель главного инженера Соловьев, начальник доменного цеха Таврог, старший мастер-электрик Смирнов, начальник мартеновской лаборатории Турубинер, старший мастер-механик Колос, старший мастер водопроводных работ Рабинер, обер-мастер доменного цеха Галушко и многие, многие другие.

У Николая Викторовича Смирнова оказались незаурядные педагогические способности — если бы он не был отличным мастером-электриком, он наверняка стал бы отличным преподавателем.

Мне радостно было увидеться вновь с Афанасием Петровичем Галушко и вспомнить те волнующие минуты, когда он выдавал первую плавку на четвертой домне. Пять доменных печей выстроились богатырской шеренгой на «Запорожстали», и во все эти печи некогда вдохнул жизнь обер-мастер Галушко. Помню также, как он командовал пуском первой домны в Новой Гуте,— пан Галушко проработал в Польше полгода. И вполне закономерно, что он не остался в стороне от подготовки доменщиков для Бхилаи.

Некоторые из его подшефных уже уехали на родину. Афанасий Петрович ведет переписку с доменными мастерами Субрамонианом, Шехкаром, Кханом. Что особенно трогательно,— все трое пишут по-русски. Последнее письмо мистеру Галушко пришло от мистера Шехкара в конце ноября. Как раз тогда на Запорожье нагрянули внезапные злые морозы, а Шехкар сообщал, что у них 32 градуса тепла. Афанасий Петрович только усмехнулся и поднял воротник куртки: ледяной ветер особенно чувствителен после того, как отойдешь от огня.

Не только практиканты знают мистера Галушко. О нем слышали их коллеги, которые никогда не выезжали из Индии. Дело в том, что обер-мастер сконструировал приспособление, чтобы закрывать летку вручную после плавки,— на тот случай, если выйдет из строя электропушка Брозиуса. Конечно, подобные заминки весьма редки, но неприятны, и здесь горновых выручает «пушка мистера Галушко». Кстати сказать, воинственного в этой пушке ничего нет, она стреляет огнеупорной глиной.

Но разве индийским гостям помогали в Запорожье только их заводские наставники, инструкторы? Люди самых разных профессий — переводчики и прачки, шоферы и официантки — выказали за это время широкое русское гостеприимство, старались все сделать для того, чтобы наши индийские гости не чувствовали себя вдали от родины, как на чужбине.

Шеф-повар А. П. Шевченко угощает индийских специалистов.

Гости ездили летом с экскурсиями на зеленый остров Хортицу. Им интересно было услышать рассказ про Запорожскую Сечь, про то, как предки мистера Галушко совершали походы в Турцию и другие южные страны. Гостям показали Днепрогэс. Они с удовольствием гуляли по плотине, подолгу любовались пенистыми бурунами внизу. Они ездили в колхозы, осматривали поля и сады, с любопытством разгуливали по бахче, где было полным-полно огромных арбузов.

Они были желанными гостями в спортивном зале «Запорожстали», на стадионе, на лодочной станции, в яхт-клубе. Нет в Индии человека, который оказался бы на берегу Ганга и не совершил омовения в его священных водах; ради этого около миллиона паломников ежегодно идут в Бенарес пешком через всю страну. Воды Днепра вовсе не считаются священными, однако не было индийца, который не выкупался бы в русской реке.

Гостям показывали индийские фильмы, в клубе для них предупредительно крутили пластинки с индийскими мелодиями, но они весьма охотно ходили также на концерты Воронежского народного хора, на танцплощадку.

Сложная задача стояла перед запорожскими кулинарами — ведь у гостей совсем другой рацион, свои любимые блюда и яства. Немало изобретательности, искусства потребовалось от Александры Петровны Шевченко, чтобы ее питомцы ели вкусно и сытно. На своем поварском веку Шевченко готовила для гостей многих национальностей, хорошо, например, изучила вкусы китайцев, а вот с индийцами встретилась впервые. Дело осложнялось еще и тем, что многие из них — вегетарианцы.

Поварихам помогло то обстоятельство, что иные индийцы сами умеют готовить. Какой-нибудь самодеятельный помощник надевал белый халат и поварской колпак, отправлялся на кухню и показывал, как готовят какое-нибудь национальное блюдо. Это было еще в прошлом году; после того Александра Петровна научилась отлично стряпать «чоп», «чипс», «кима», «чикэн», «шрикан» и другие национальные блюда. Один из приезжих оставил Александре Петровне шкатулку с разными специями — перцем, гвоздикой, корицей и каким-то сердитым на вкус горошком, которому Шевченко не знает названия.

Странная помесь из украинских и индийских блюд ждала гостей на свадьбе, которую осенью сыграли в Запорожье. Молодой инженер Мадукар Пахрей и девятнадцатилетняя Майя Ярошевич оформили свое супружество в местном загсе. Маду — круглый сирота, и потому он испросил разрешение на брак у самого старшего соотечественника, которого встретил в Советском Союзе. На свадьбу было приглашено сто двадцать гостей. В тот вечер никому не возбранялось выпить горилки, и в этом не было никакой угрозы сухому закону, который существует в Индии.

Майя — смуглолицая, большеглазая, черноволосая, в пестром сари, которое ей подарили к свадьбе друзья Мадукара,— очень походила на индийскую девушку. Все горячо, на многих языках поздравляли молодых, а те влюбленно смотрели и не могли вдоволь насмотреться друг на друга.

Майя Пахрей готовится к отъезду в Бхилаи. Она мечтает работать там переводчицей и, чтобы дни разлуки летели быстрее, решила всерьез заняться языком: она кончила весной десятилетку и надеется на то, что сможет заниматься самостоятельно. Нам остается пожелать ей счастливого дальнего пути и счастливой жизни под небом Индии.

Но не одни только влюбленные трогательно прощались при отъезде. Каждый гость оставлял здесь частицу своего сердца и увозил в своем сердце частицу приветливого города.

Весьма трогательно прощались подопечные со своей заботливой кормилицей Александрой Петровной, все называют ее Мамой Петровной. Множество взаимных подарков — больших, маленьких и совсем крошечных — было преподнесено при отъезде. Вот и у мистера Галушко живет дома слон, искусно вырезанный из какого-то тропического дерева неизвестной породы. А как иным индийцам идут вышитые украинские сорочки! Можно надеяться, что их женам или матерям понравятся украинские рушники.

Уезжая, гости оставляют теплые вещи, которые им выдали с наступлением холодов. Стоит ли таскать эту одежду с собой? Современный перелет — не давнее хождение за три моря. Сутки — и они в Средней Азии, еще сутки — и они дома. Но вот шапку-ушанку кое-кто взял с собой на память: все-таки интересно показать сыну, жене или дедушке, что он носил там, на далеком севере, в Запорожье...

Гостей провожали их заводские наставники, знакомые, а также коллеги, которые еще остались здесь жить и работать. Хочется отметить, что индийцам пожелали счастливой дороги и немецкие инженеры, и чешские доменщики из Остравы, и китайские специалисты — все они сегодня гостят на «Запорожстали».

Свыше двухсот специалистов разных национальностей — и не только из стран демократического лагеря — побывало за последний год в цехах завода. Кто мог предполагать, что Запорожье окажется на столь бойком месте? Сюда не едут развлекаться, здесь не устраиваются выставки, конкурсы, турниры, фестивали, состязания, ярмарки, имеющие международный интерес. Сюда едут учиться! Здесь, как и на других наших предприятиях, лежат необозримые золотые россыпи производственного опыта, накопленного за все наши пятилетки,— и гости могут черпать это богатство полными пригоршнями. Мы делимся своим опытом с той прекрасной щедростью, какая принята между друзьями, между добрыми соседями.

— Вот где наука, так наука! — согласно вторят сегодня Тарасу Бульбе гости на разных языках.

Эти слова обрели неожиданную злободневность, в них звучит искренняя благодарность потомкам запорожских казаков.

Искусство 12 стран

А. ТИХОМИРОВ

В многочисленных павильонах и залах, которые на очередной международной выставке в Венеции отведены вывертам и ухищрениям абстрактного искусства, обычно безлюдно и тоскливо. Дремлют сторожа, и влюбленные парочки пользуются уединением...

Первая выставка искусства стран социализма в Москве не вмещает всех желающих посетить ее. И от самого входа, над которым весело полощутся разноцветные флаги двенадцати государств, вдоль здания нередко стоит терпеливая многосотенная очередь. А какая шумная жизнь идет в переполненных залах! Сколько обменов мнениями и порою острых споров!

Выставка вызывает живой интерес. Художники каждой страны (это не так отчетливо видно разве что в некоторых работах отдела Польши) стремятся жить одной жизнью со своим народом, строящим социализм; они хотят способствовать этой великой цели средствами правдивого, реалистического искусства.

Природа, люди, экономика, быт различны на тех огромных пространствах земного шара, где люди уже вступили на путь социализма. Различны также и художественные традиции, национальные формы искусства разных народов. Великий Китай с его пятитысячелетней историей использует весьма древние формы своего искусства, создавая в них живые образы современности. Древний народ маленькой Албании был оторван многовековой оккупацией от исконных иллирийских истоков своей культуры, и албанское искусство как бы заново начинает свой путь. С большой искренностью албанские художники передают облик своей красивой горной страны, скалистые обрывы, поля, на которых работают крестьяне, улички своих городов и деревень. Значительное место в албанском разделе занимает портрет.

Герои и мученики борьбы за свободу народа увлекают лучших мастеров Болгарии. И, разумеется, зритель, уходя с выставки, не сможет забыть большую многофигурную композицию Петра Михайлова «Георгий Димитров на Лейпцигском процессе в 1933 году» или «Расстрел» Илии Петрова.

Уже в аванзале посетителя заставляет остановиться большое семичастное декоративное панно одного из талантливейших венгерских живописцев, Эндре Домановски, ярко рассказывающее об устремлениях новой венгерской живописи. Это панно говорит о новой венгерской деревне. Один из эпизодов изображает группу венгерских крестьян в гостях в Советском Союзе — в солнечном Узбекистане.

Большая композиция художников Д. Кадара и Д. Конечни воскрешает эпизод героического крестьянского восстания 1514 года. Ряд картин клеймит позором зверства белого террора: картины художников Йожефа Легенди и Шандора Эка.

У румынского искусства есть точки соприкосновения с венгерским при полном своеобразии их национального лица. Крестьянская тематика занимает значительное место и в живописи и в скульптуре обеих стран.

Очень большим успехом (притом особенно у художников) пользуется великолепный мастер живописи Корнелиу Баба. На венецианской «Биеннале» румынский отдел вместе с отделом СССР были как бы «островами реализма» среди разгула абстракционизма и формализма всяких мастей. И на этой выставке выделялись живописной мощью своего правдивого, реалистического языка полотна Корнелиу Баба.

Чехословакия, Германская Демократическая Республика и Польша — соседи. Но искусство каждой из этих стран, имеющих глубокие национальные традиции, исключительно различно, и сейчас, быть может, в большей степени, чем в прежние времена. Как общую черту надо выделить мощно выросшее значение монументального искусства.

Талантливое чешское искусство еще в XIX веке выдвинуло немало первоклассных мастеров, отдававших свое вдохновенное творчество утверждению национальной идеи.

Огромный картон Адольфа Забрански «В память освобождения», предназначенный для Ледебургской террасы,— это радостное шествие, в котором фигуры бойцов и девушек, воинов и населения образуют динамичный узор.

Исключительно сильна и целеустремленна скульптура Чехословакии. Широкой популярностью пользуется в Советском Союзе скульптура Карела Покорны (ныне почетного члена Академии художеств СССР) — группа «Братство», изображающая советского и чехословацкого воинов. В живописной части экспозиции чехословацкого отдела ярко видна горячая любовь художников к своей стране.

Новое искусство демократической Германии вырастает как искусство решительного и неумолимого приговора фашизму. «Памятью и предупреждением» звучат монументы, которые новая Германия воздвигает возле бывших концентрационных лагерей. Показанные на выставке три фигуры — часть памятника в Бухенвальде профессора Фрица Кремера — говорят, какую огромную силу вкладывает немецкий народ в свое проклятие фашистскому прошлому.

Иногда, изображая ужасы прошлого, некоторые немецкие художники прибегают к методу «экспрессионизма», доводя ради выразительности свои образы до фантастического мрачного гротеска. Но в искусстве новой Германии все сильнее, увереннй и многообразней пробиваются образы новой, радостной Германии.

Польский раздел занимает особое место на выставке. Он слывет формалистическим. И действительно, ряд выставленных работ, приближающихся к абстрактному искусству, далек от реализма и вызывает (как это видно из записей в книгах отзывов) очень резкую оценку большей части наших зрителей. Разумеется, формалистические эксперименты чужды основной линии нашего искусства. Но было бы в корне неверным сводить все выставленные произведения польского искусства к абстракционизму. Нельзя отрицать глубокого революционного и патриотического чувства в памятнике силезским повстанцам на горе св. Анны, созданном профессором Ксаверы Дуниковским, творческие заслуги которого как большого мастера в области реалистического искусства широко известны и в нашей стране.

Целый новый мир встает перед зрителем в залах художников Монголии, Кореи, Вьетнама и великого народного Китая. То, что освобожденные народы Азии привезли на выставку стран социализма, огромно по своему художественному и идейному значению. За большими и малыми листами бумаги, полотнами, досками, покрытыми лаковой живописью, гравюрами и скульптурами зритель ясно ощущает события невиданных в истории масштабов.

У корейского искусства много проблем, общих с китайским. Здесь, так же как и в Китае, остро встает проблема: каким путем идти, сохранять ли и приспособлять к новым задачам древние формы своего искусства, возникшие много веков назад, или надо отказаться от них и овладеть формами европейского реалистического искусства и через них стараться передавать все богатство нового содержания жизни, или, наконец, сохранить оба направления в их соревновании. При поразительной одаренности и трудолюбии китайских и корейских художников возможны все пути.

Различные формы старой китайской живописи гохуа (тушью по бумаге) оказались поразительно богатыми и гибкими, способными развиваться в новом направлении, для новых целей сохраняя высокие качества своей формы.

Сейчас художники начинают использовать это мастерство для больших тематических композиций, вдохновленных новым идейным содержанием, и делают это так талантливо, с таким мастерством, что способны завоевать первые места в любом соревновании. На выставке в китайском отделе обращает на себя внимание большая картина тушью по бумаге художника Ван Шэн-ле «Восемь героинь бросаются в реку». Сюжет взят из эпохи гражданской войны.

Невозможно обойти вниманием и китайскую гравюру на дереве.

Вклад Вьетнама на выставке стран социализма поразил своим неожиданным своеобразием. То, что впечатляет в первую очередь,— это картины, выполненные на досках с применением лаков и с инкрустацией (иногда перламутра, яичной скорлупы), с различными позолотами, серебрением, полировкой и т. д. Этими особыми художественными средствами мастера Вьетнама достигают самых разнообразных и красивых эффектов. Лаки у них начинают сверкать, как металл, как самородные камни. Они умудряются, применяя позолоту и серебро, передавать трепет лунного света в листве. Они создают пейзажи, бытовые и батальные сцены чрезвычайно своеобразной красоты. Но было бы ошибкой за нарядной привлекательностью и прелестью этих драгоценных вещей не увидеть еще гораздо более важного качества новой вьетнамской живописи — того, что она открывает, показывает и тем самым утверждает появление и рост новых человеческих отношений, нового человека. В этом смысле нам представляются самыми ценными и показательными скромные по виду рисунки художника То Нгок Вана, разделившего со своим народом все трудности освободительной войны и погибшего от бомбы в последние дни перед победой.

Нам, как хозяевам, встречающим в советской столице стольких дорогих гостей, не приличествует много говорить о собственном вкладе в эту превосходную выставку. Наш отдел обширен. В нем представлены и живопись, и скульптура, и графика. Большинство этих работ мы видели на предшествующих выставках.

Много поучительного почерпнут для себя художники, скульпторы, графики из этого совместного выступления перед требовательными зрителями. Но, быть может, еще важнее то, что дает эта выставка десяткам и сотням тысяч ее посетителей. Она, несомненно, еще больше приблизит друг к другу народы социалистических стран, углубит их дружбу, их веру в будущее, в победу общего нашего великого дела социализма...

Ли Бин-хун (Китай). ГИДРОЭЛЕКТРОСТАНЦИЯ ДАЛА ТОК. 1958 год.

Выставка произведений изобразительного искусства социалистических стран.

Войцех Вейсс (Польша). 1875—1950. МАНИФЕСТ. 1950 год.

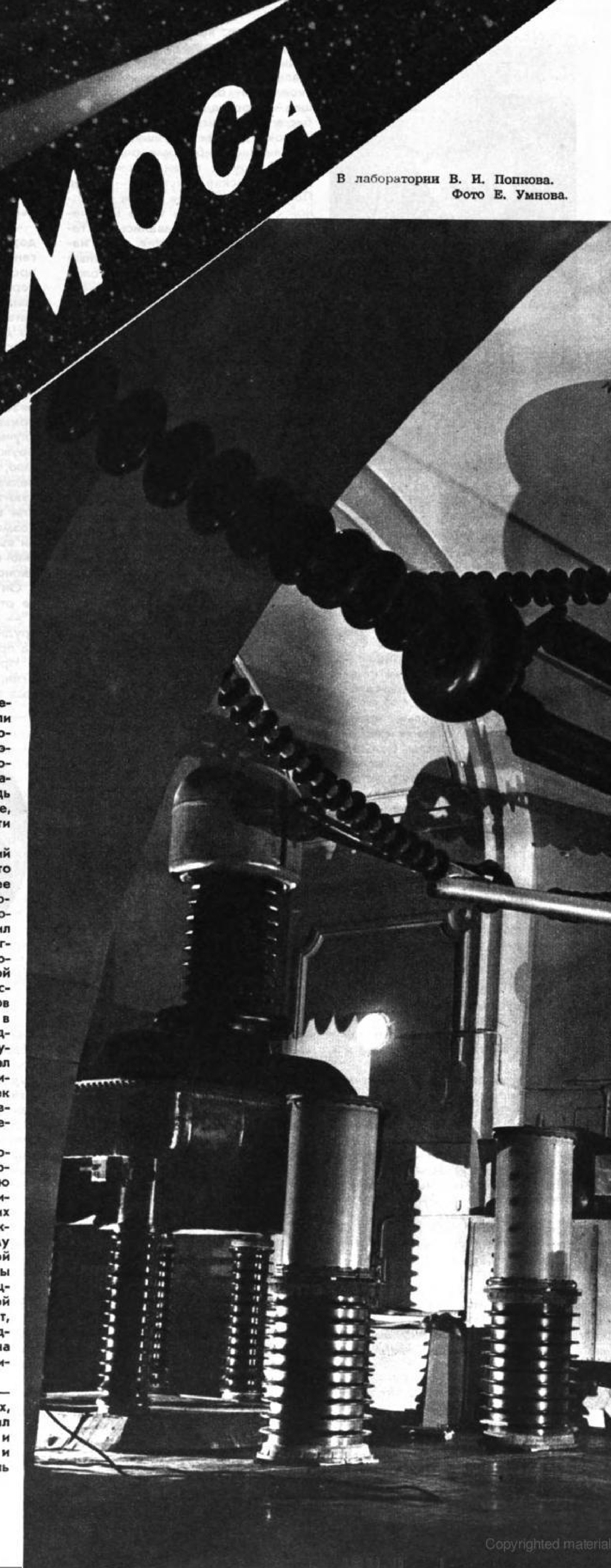
П. Михайлов (Болгария). ГЕОРГИЙ ДИМИТРОВ НА ЛЕЙПЦИГСКОМ ПРОЦЕССЕ В 1933 ГОДУ. 1957 год.

Выставка произведений изобразительного искусства социалистических стран.

Май Ван Хиен (Вьетнам) СОВЕТЫ ДЯДИ ХО 1958 год.

Гэлэгийн Одон (Монголия). НАРОДНЫЙ ГЕРОЙ ХАС-БАТОР. 1958 год.

ВЕК КОСМОСА

В лаборатории В. И. Попкова.
Фото Е. Умнова.

Стефан ГЕЙМ

Репортаж

Борьба за энергию

Мне хочется рассказать одну историю. Она, как верстовой столб, отмечает пройденный советскими людьми тяжелый путь. Эта история говорит еще и об огромной инициативе, которая, по утверждениям на Западе, якобы перестает существовать при социалистической форме экономики.

Еще до того, как советские армии, наступающие от Сталинграда, достигли Днепра, начались приготовления к восстановлению Днепрогэса, и к крепколобым бизнесменам, которые тогда были военными союзниками СССР, обратились с просьбой: рассмотреть вопрос о строительстве новых гидроагрегатов взамен старых, которые были разрушены, и указать стоимость этого. Конечно, в долларах.

И в это же время восемь инженеров Ленинградского металлического завода — Ленинград в ту пору сам только что начинал оживать после блокады — написали письмо в Центральный Комитет партии, в котором заявили, что не только могут сами построить гидроагрегаты для возрождаемого Днепрогэса, но сделают их с меньшими затратами и с лучшими показателями, чем это будет осуществлено за границей.

Я видел машинописную копию этого письма. Плохая бумага, пожелтевшая по краям, уже начавшая рваться на сгибах. Как и под оригиналом, под копией стоят подписи всех восьми инженеров. Среди них и имя человека, который извлек эту копию из своего сейфа и показал ее мне. Зовут этого человека Н. Н. Ковалев.

Сейчас он профессор и главный конструктор на Ленинградском металлическом заводе.

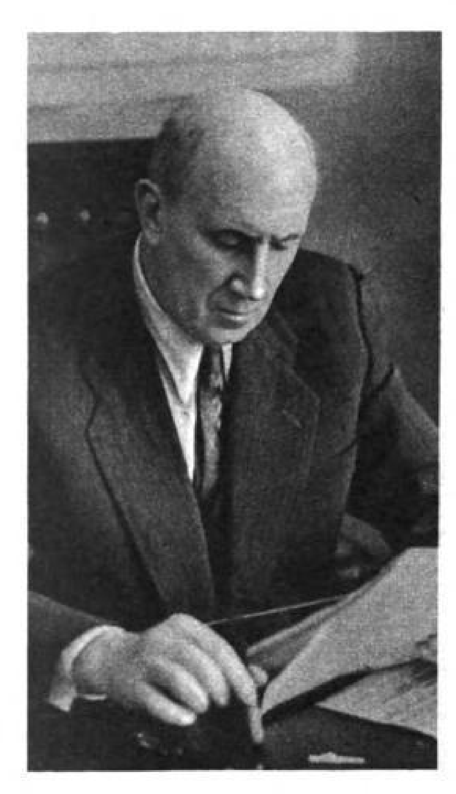
— Наше письмо было получено,— сказал он,— и нам поручили это сделать, и мы сделали. Так получилось, что теперь на Днепрогэсе три американских и шесть советских гидроагрегатов. Наши оказались лучше; и если что-нибудь портится в американской турбине, мы ставим туда запасные части советского производства...

Ленинградский металлический завод расположен на Неве. Это старый завод, основанный более ста лет назад. Он живая история развития энергетической промышленности. Здесь я встретил таких людей, как Георгий Бугров, бригадир в цехе сборки турбин, который сам — частица этой истории и участник созидания истории сегодняшнего дня. Бугров был тем человеком, который в прошлом доказывал Орджоникидзе, что нужны деньги для сооружения этого цеха; он участвовал в строительстве первой турбины-карлика, которую 5 человек могли поднять и погрузить на автомашину руками, без всяких механизмов.

Это был тот самый Бугров, который напутствовал мощные турбины, отправленные на Волжскую гидроэлектростанцию имени Ленина; для погрузки каждой из них требовалось 120 железнодорожных вагонов. И если позволит ему здоровье, он еще помашет рукой вслед поезду, увозящему турбины для гидроэлектростанции на Янцзы в Китае, мощность которой будет 20 миллионов киловатт, что в десять раз больше, чем гидроэлектростанция Гранд-Кули на бурной реке Колумбия в Соединенных Штатах.

Вот таких людей, как Бугров — спокойных, крепких, уверенных, гордых,— я вспомнил, когда ездил по дорогам Советского Союза и видел похожие на буквы «У» и «П» мачты, которые несли вдаль

См. «Огонек» №№ 2 и 4.

Главный конструктор Металлического завода Н. Н. Ковалев.

бесконечные провода линий высокого напряжения. Они высились над землей как вестники социализма. Ленин, у которого был несравненный дар отливать точные мысли в точные слова, однажды заметил, что коммунизм есть Советская власть плюс электрификация всей страны. Ленинская формула, если в нее вдуматься глубже, значит очень многое.

Поэтому каждый новый киловатт мощности в условиях социализма значит не просто больше стали, света, транспортных перевозок, больше спутников; в условиях социализма это гарантия будущего всего человечества.

Посмотрите на карту члена-корреспондента Академии наук СССР Валерия Попкова.

Это огромная карта, занимающая почти всю стену позади его стола, и сам ученый, стройный, широкоплечий, молодой на вид человек, кажется маленьким на ее фоне. Карта с синими, красными и зелеными звездочками, с линиями, протянувшимися от Амура до Днепра, от Братска на Ангаре до Сочи на Черном море, представляет собой Прошлое, Настоящее и Будущее.

— Это и будет вашей электросетью? — спросил я.

Мы находились в Энергетическом институте имени Г. М. Кржижановского Академии наук СССР, где Валерий Попков — заместитель директора. И если кто-либо мог рассказать мне все об этих мачтах, похожих на буквы «У» и «П», то этим человеком был именно он.

Попков слегка улыбнулся.

— Сеть? — переспросил он.— Это слово едва ли выражает размах тех планов, которые мы хотим осуществить. Называть это нужно Единой энергетической системой — так будет правильней.

— Но пока у вас нет такой системы?

— Она уже строится в Европейской части Союза. Линия Куйбышев — Москва работает...

Я бросил взгляд поверх головы профессора на карту. Там было четыре «галактики», четыре скопления звезд; каждая из них представляла крупную электроцентраль; линии соединяли звезды и «галактики». Центрами звездных скоплений были район Куйбышев — Москва, район вокруг Донбасса и Сталинграда, Урал и затем Восток, где, как вздувшиеся вены, протянулись сибирские реки.

— В других странах тоже есть энергетические системы,— сказал Попков.— Но мы не знаем ни одной страны, где бы такие количества энергии передавались на такие большие расстояния, как в нашей. Технически Соединенные Штаты могли бы сделать это тоже. Но они не делают. Там электрическая энергия представляет частную собственность: каждая компания — особое королевство. А у нас электричество социалистическое.

Я вспомнил борьбу вокруг постройки правительством Соединенных Штатов плотин и генераторов в долине реки Теннесси. Я еще слышу эхо слов Франклина Делано Рузвельта, провозгласившего, что все это «принадлежит народу Соединенных Штатов». Но компании по производству электроэнергии образовали фронт против народа; и в конце концов дешевая энергия, производимая государством в долине Теннесси, должна была оплачиваться потребителями по тем же непомерным ценам, что и электричество, производимое частными компаниями.

— Не так легко,— продолжал Попков,— справиться со всеми проблемами, которые связаны с передачей энергии на сверхдальние расстояния. Происходит потеря энергии по пути; существует вопрос устойчивости совместной работы связываемых систем; необходимо координировать работу этих мощных систем, отстоящих друг от друга на тысячи километров, иногда в течение долей секунды... Мы потом пойдем наверх, и я покажу вам линию передачи Сибирь — Урал.

— Наверх? — переспросил я.

— Наверх,— кивнул он.— Она установлена там у нас в комнате.

— Я всегда любил игрушки,— сказал я.— Игрушечные паровозы, игрушечные краны, игрушечные линии передач...

— Это не игрушка,— заметил он в ответ.— Мы работаем с ней.

— О! — сказал я.— В той самой комнате? Какой длины, вы сказали, эта линия?

— От двух до двух с половиной тысяч километров, в зависимости от конечного пункта. Линия Куйбышев — Москва — 900 километров. Она уже закончена. Сейчас мы строим линии Сталинград — Москва и Куйбышев — Урал. Все они переменного тока с напряжением от 400 тысяч до 500 тысяч вольт. Линия Урал — Братск проектируется с напряжением от 600 тысяч до 700 тысяч вольт. Но мы также ведем опыты с передачами постоянного тока и попытаемся применить это на линии Сталинград — Донбасс. К тому времени, как мы это закончим, у нас будут линии с напряжением в полтора — два раза выше, чем сейчас.

— Довольно дорого строить такие линии, не так ли?

Я задал вопрос потому, что моя голова уже начинала кружиться от всех этих километров, вольт, постоянных и переменных токов.

— Очень,— ответил Попков.— Один километр линии Куйбышев— Москва стоит 300 тысяч рублей, не считая трансформаторов и всего прочего. Но это окупается. Линия Куйбышев — Москва должна окупиться за шесть — восемь лет. Линия Куйбышев—Урал будет приносить прибыль уже через три года.

— То есть как? Вы строите линии передач, чтобы доставить энергию потребителю так же, как телефонные провода доносят разговор. Откуда же тут взяться прибыли?

— Линии высокого напряжения дороги. Но электростанции с их генераторами, котлами и всем прочим стоят еще дороже. Если через долю секунды после получения сигнала мы сможем передать огромные количества энергии из Донбасса на Урал, или из Сталинграда в Куйбышев, или из Братска на Урал — словом, туда, куда нужно, и тогда, когда нужно, нам не придется строить резервных энергетических предприятий, которые в противном случае нам пришлось бы сооружать. Потому что, к сожалению, накапливать электроэнергию нельзя. Вам нужно подключить какую-то дополнительную мощность или взять ее откуда-то, если это возможно. И потом, не находите ли вы, что транспортировать энергию в виде электричества более экономно, чем в виде угля?

Он раскинул свои руки по карте от Волги до Ангары.

— Этим мы решаем и очень трудную для инженера-энергетика проблему — «часов пик». Когда в Иркутске зажигаются вечерние огни, в Москве впереди еще целых пять часов солнечного света.

Член-корреспондент Академии наук СССР В. И. Попков.

Мы сможем выработать режим использования электроэнергии от Бреста до Владивостока, который будет экономить миллиарды рублей. Мы сможем установить баланс между тепловыми станциями и гидростанциями и включать в этот баланс атомные электростанции по мере того, как они будут появляться; мы сможем уравновешивать расход энергии по часам и времени, когда создадим трансконтинентальную энергосистему, работающую ровно, спокойно, экономично и,— он улыбнулся,— автоматически.

Мне показали сверхдальнюю линию высокого напряжения Братск — Урал.

Она стояла на трех полках, каждая из которых была длиной метра в полтора. Линия находилась под наблюдением кандидата технических наук М. С. Либкинда, который испытывал ее около года и считал, что уже скоро сможет получить о ней все данные. Он исследовал вещь, которую они называют по-научному регулируемым реактором, а похожа эта вещь скорее на бабушкины банки с маринадом на полках кухонного шкафа, только соединенные между собой проводами и окутанные проволокой. Каждая «банка с маринадом», как мне сказали, представляет собой индукционную катушку и заменяет 100 километров линии высокого напряжения. Сигарообразный придаток, следующий за каждой банкой, выполняет роль сопротивления этого участка линии.

Кандидат наук Либкинд — человек серьезный, и даже если у него появляется улыбка, то она быстро исчезает в его сосредоточенной целеустремленности. Я сомневаюсь, что он видит что-либо смешное или, наоборот, величественное в этом своем лилипутском мире, в котором расстояния, равные протяженности континентов, рассованы по нескольким полкам, а светло-коричневая тонкая катушка заменяет сотни стальных мачт и километры кабеля, протянутые между ними.

Нужно много общаться с этими инженерами по счетным машинам, исследователями космоса, расщепителями атомов, чтобы почувствовать, что наши обычные представления о большом и малом фактически устарели и уже недостаточны. С одной стороны, мы имеем дело с явлениями настолько огромными, что можем постигнуть их и оперировать ими только после того, как они будут уменьшены до размеров лабораторных моделей; а с другой — мы начинаем заглядывать в процессы, которые происходят в элементарных частицах и которые мы можем понять лишь с помощью отражения их в инструментах большего размера. Бесконечно малое и бесконечно большое где-то смыкаются: вечно существующие туманности, отстоящие на миллионы световых лет от нашей галактики, и мезоны ядра, миллионы которых родились и умерли, пока вы прочли эти несколько последних слов. Все это где-то связано между собой, и само время, которым вы и я определяем свои жизни, теряет свое значение.

Серо-зеленый, чем-то похожий на кузнечика самолет взбирался вверх метров триста. Потом он выровнял свой полет и полетел над медленными притоками Дона, над степями, которые в эти начальные дни весны были свежими и зелеными. Степной ветер подбрасывал самолет, и немногие пассажиры в нем, поглядывая друг на друга, смеялись неловким смехом людей, у которых мутит в животе.

Молодая девушка, сидевшая напротив меня, прижалась к своему жениху и сказала с откровенной и трогательной радостью: «Наша Цимла!»

Они возвращались домой, в Цимлянскую. Странно — соскучиться по «родным местам», которые и существуют-то всего лет шесть... Но на пути была еще остановка, Константиновка. Посадка там напомнила мне посадку, которую мне пришлось совершить на аэродроме в Акапулько, в Мексике. Там самолет тоже долго кружил над полем, пока какой-то крестьянин не отогнал от сигнальных полотнищ пасущегося быка; а здесь была пара коров, чью мирную пастьбу нарушило приземление самолета.

Перед тем, как мы опустились в Цимлянской, второй пилот махнул мне рукой, приглашая в свою кабину, и на две — три минуты уступил свое место. Передо мной открылся вид, который заставил забиться сердце. Сверкающее южное небо, голубое, без единого облачка, поблескивающее серебряное зеркало моря, созданного руками человека, и серая дуга плотины с игрушечными башенками электростанции.

В Чаттануге, на юге Соединенных Штатов, я был на плотине и на электростанции Теннесси. Меня поразили ее грандиозные размеры и простая красота форм. Но в первом же зале станции я увидел два фонтанчика для питья. Над одним было написано: «Для белых»; над другим: «Для цветных»...

Та часть плотины, на которой стоит Цимлянская электростанция, построена из крепкого железобетона.

— Не боитесь головокружения? — спросил дежурный инженер станции. Но он спросил это слишком поздно. Мы уже шли по плотине. Слева от нас было Цимлянское море — ничего, кроме сверкающей под солнцем воды, сдерживаемой крепкой сталью огромных ворот водоспуска, которые были под нами; справа — бетонная бездна, на дне которой колыхался Дон; а над ним шло автомобильное шоссе.

Инженер показал на скопление колонн, изоляторов и проводов.

— Трансформаторы! — прокричал он мне и потом, протянув руку в направлении двух линий четырех у-образных мачт, соединяющих станцию с горизонтом, закричал снова:

— Высоковольтные линии! Одна — в Ростов, другая — в Сталинград!

— Потрясающе! — ответил я.

— Это, вообще говоря, маленькая станция среди наших гидроэлектростанций,— объяснял наш собеседник.—Сегодня мы думаем, что, пожалуй, нам следовало сделать ее помощнее. Но в то время, когда создавался проект, ее рассчитывали как добавление к главной цели — каналу, контролю над уровнем Дона, навигации, ирригации.

— Сколько еще нам идти по этой проволоке? — спросил я.

Он подождал меня.

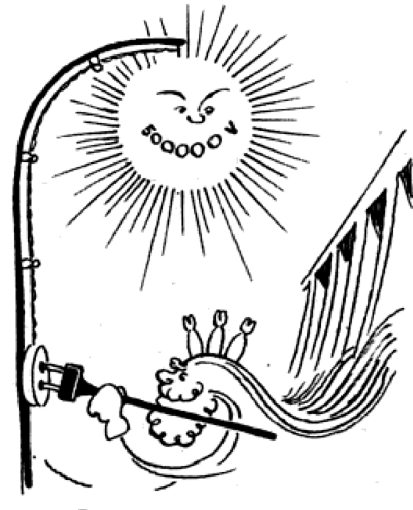
— Вы любите ловить рыбу? — спросил он.— Рыба подходит сюда с низовьев и стремится пройти выше для нереста. И сейчас там, внизу, куда вы смотрите...

— Туда я не смотрю...

— ...Вот там она собирается и ждет подъемника, который ее перебросит в Цимлянское море. Если спустить отсюда сеть, можно ловить прямо десятками. У нас здесь готовят очень вкусную уху.

— Опускайте сеть сами,— сказал я.— А то я чувствую, что если я начну опускать сеть, то вместе с ней опущу и самого себя.

— Да вы уже на твердой земле,— ответил, смеясь, наш спутник.— Мы прошли плотину за три с половиной минуты, а теперь давайте взглянем на подъемник.

Подъемник помещался в особой башне. Это была большая металлическая клетка, она с легким шумом поднималась откуда-то из глубины, но на этот раз в ней было немного «пассажиров». «Туристский сезон» для рыбы еще не начался, сообщили мне, и, кроме того, она предпочитает путешествовать ночью. Если бы недельки через две я приехал сюда на ночку, вот тогда бы повидал рыбки!

— Это осетр? — спросил я, указывая на что-то серебряное, которое, мотнув хвостом, проскользнуло в море.

Инженер покачал головой. Кажется, что всевозможная рыба пользуется этим подъемником спокойно и не поднимая скандалов, кроме осетров, которые мечут «черную икру» и для которых главным образом и строили подъемник. Осетрам не очень нравится пользоваться подъемником, хотя профессора, которые специализируются в области рыбных путешествий, всеми способами пытаются заставить их делать это. Они даже пытались «лечить» осетра электрическими разрядами. Несколько оборванных проводов, свисающих прямо в донскую воду у подножия электростанции,— последние остатки неудавшегося опыта. Теперь осетровых мальков приходится переправлять в контейнерах.

...В генераторном зале ни души. Все здесь автоматизировано. Как ровные серые купола, возвышаются верхушки генераторов, давая представление об огромности невидимых турбин, вращающихся внизу, и силе воды, ударяющей в их лопасти. Высокая, без окон, стена ни одним содроганием не выдает, что она сдерживает напор 20 миллиардов кубических метров воды.

Наконец появляется человек. На голове его синяя кепка, какие носят рабочие; у него лицо рабочего и рабочие руки, а одет он в обычный, темного цвета костюм и белую рубашку с расстегнутым воротом. Он бригадир генераторного зала; он только что возвратился после одного из своих обходов. К нему подошел рабочий, сидевший за письменным столом, спрятанным в нише стены с окнами. Бригадир зажег папиросу и осторожно положил обгоревшую спичку обратно в коробку. Потом он объяснил, что его товарищ по работе учится, готовится стать инженером. Учатся в институте двое из четырех рабочих, обслуживающих генераторы. Чем больше знаешь, тем лучше работаешь; чем лучше работаешь, тем больше производишь; чем больше производишь, тем лучше живешь.

— Вот, например, — говорил он,— сначала было запланировано, что наша ГЭС должна давать 460 миллионов киловатт-часов, а на деле мы получаем много больше и с меньшей затратой труда, чем в прошлые годы...

— Как же вы это сделали?

Он посмотрел на меня, стряхнул пепел с сигареты в согнутую чашечкой ладонь левой руки и сказал:

— Все время думаем, как сделать лучше. Подняли уровень моря еще почти на метр. И потом автоматизация...

Там, в Москве, в Энергетическом институте, мне сказали, что в производстве электроэнергии на душу населения Советский Союз еще отстает от США. Но разрыв этот в ближайшие годы будет ликвидирован, так как Советский Союз быстрее увеличивает производство электроэнергии, чем это делают США.

Находясь в генераторном зале Цимлянской ГЭС, глядя на этого бригадира, который использовал ладонь в качестве пепельницы, чтобы не сорить там, где он работает, и на рабочего, который продолжал держать в руке учебник, заложив между страницами палец на том месте, к которому он собирался вернуться, я подумал, что в борьбе за энергию Советский Союз действительно сможет быстро догнать соперника.

Это так и будет, потому что в борьбу за энергию включился новый, решающий и революционный фактор. Картина, нарисованная профессором Попковым, относилась к обычным источникам энергии: уголь, сланцы, торф, вода, природный газ, нефть... Но наука идет вперед. Из ядер материи она освобождает энергии, в тысячу раз превышающие энергию атомной реакции. Наука предполагает воссоздать на Земле под контролем человека процессы, происходящие на Солнце и звездах!

Утопия?

Нет, не утопия. Водородная реакция, способная уничтожить большую часть человечества, может поднять человечество на неслыханный уровень изобилия и культуры, если мы сумеем правильно использовать ее с точки зрения физики, техники и политики.

Наступит день, я думаю, когда мы оглянемся назад и посмотрим на прошлые усилия с тем же глубоким чувством и с той же доброй улыбкой, с которыми мы вспоминаем кашинских крестьян, которые приглашали Ленина приехать в русскую деревню, где должен был зажечься электрический свет...

КРАСНАЯ РАКЕТА

ЦЗАН КЭ-ЦЗЯ

В счастливый день, в счастливую погоду
Я полетела к лунному дворцу,
Ракета красная, создание народа,
С Вселенной встретилась лицом к лицу.

И мне, звезде, в просторах мирозданья
Дела земные до конца ясны:
Восточный ветер — аромат весны,
А западный — застой и умиранье.

Гляжу с высот на пятьдесят девятый,
Я, воплощенье радостных побед,
И вижу новый лучезарный свет
И новый подвиг, дивный и крылатый!

Перевел с китайского
Л. ЧЕРКАССКИЙ.

СТИХИ О ГРЯДУЩЕМ ДНЕ

Константин МУРЗИДИ

— Больше надо, больше в мире счастья нам,
Пусть костром, не звездочкой горит! —
Так по праву признанного мастера
Старший мой товарищ говорит.
— В чем оно, рабочего призвание?
Жизнь народным планам посвяти.
Каждый шаг — твое завоевание.
Только так и следует идти.
Наравне с умелыми и сильными
Для других тори надежный след.
Ты пройди шагами семимильными
Эти семь необычайных лет.
Время мчит быстрей потока вешнего,
Не отстань, не отступи нигде.
Напрягись и сделай больше прежнего —
Коммунистом стань в своем труде!
— Это, мастер, и мое желание:
В первый ряд строителей попасть.
Знаю, верю: мало тут старания,
Тут нужны и выдумка и страсть.
Надо, чтоб душа работы жаждала,
Чтоб смогло за эти годы стать
Мужество не избранных, а каждого
Мужеству народному под стать.

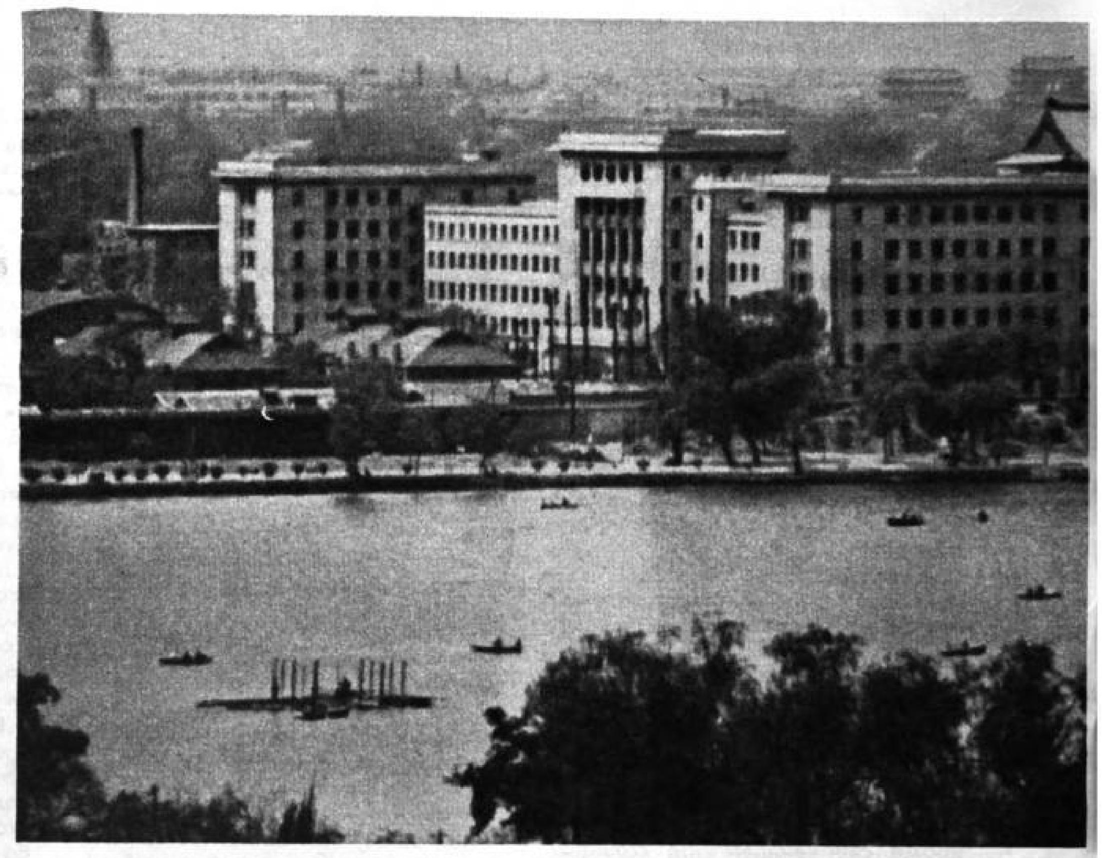
Десять лет со дня освобождения Пекина

МОЛОДЕЕТ ДРЕВНИЙ ПЕКИН

Николай ДРАЧИНСКИЙ

Январь 1949 года. Части Народно-Освободительной Армии Китая вступают в Пекин.

Пекин, старый переулок близ ворот Цяньмынь...

Однообразная серая линия приземистых строений, глухими стенами наружу, прорвана двумя большими четырехэтажными домами. Третий еще в лесах. Их каменные громады властно оттеснили старые жилища, и улица здесь стала шире. Тесная толпа окружила грузовик с откинутыми бортами, украшенный лозунгами и флагами. Люди смотрят из окон новых домов, с лесов стройки на грузовик, превращенный в эстраду. Выступает бригада художественной самодеятельности. Шесть девушек в пестрых национальных нарядах грациозно танцуют, отбивая ритм на небольших барабанах. Затем они сбегаются в стайку и поют:

Вы говорите, не видали старика,
Который снова стал бы сильным юношей?
Тогда взгляните на наш древний Пекин:
Он стал молодым и прекрасным, как невеста.
В небе над нами спутники
Земли летают. Эй-о!
Мы силы наши тоже меряем с ракетой!
Мы запускаем в цехах спутники,
На стройках, на полях. Эй-о!

«Запустить спутник» стало ныне в Китае ходячим выражением. Вырастить небывалый урожай на кооперативном поле, добиться рекордной производительности труда на заводе или стройке — это и значит «запустить спутник». Люди, слушающие песню девушек, это хорошо знают. На бамбуковых лесах строящегося дома висит большой щит с изображением советского спутника, а надпись говорит, что рабочие обязались за установленный планом срок возвести не одно, а два многоэтажных здания. Такими темпами строится китайская столица.

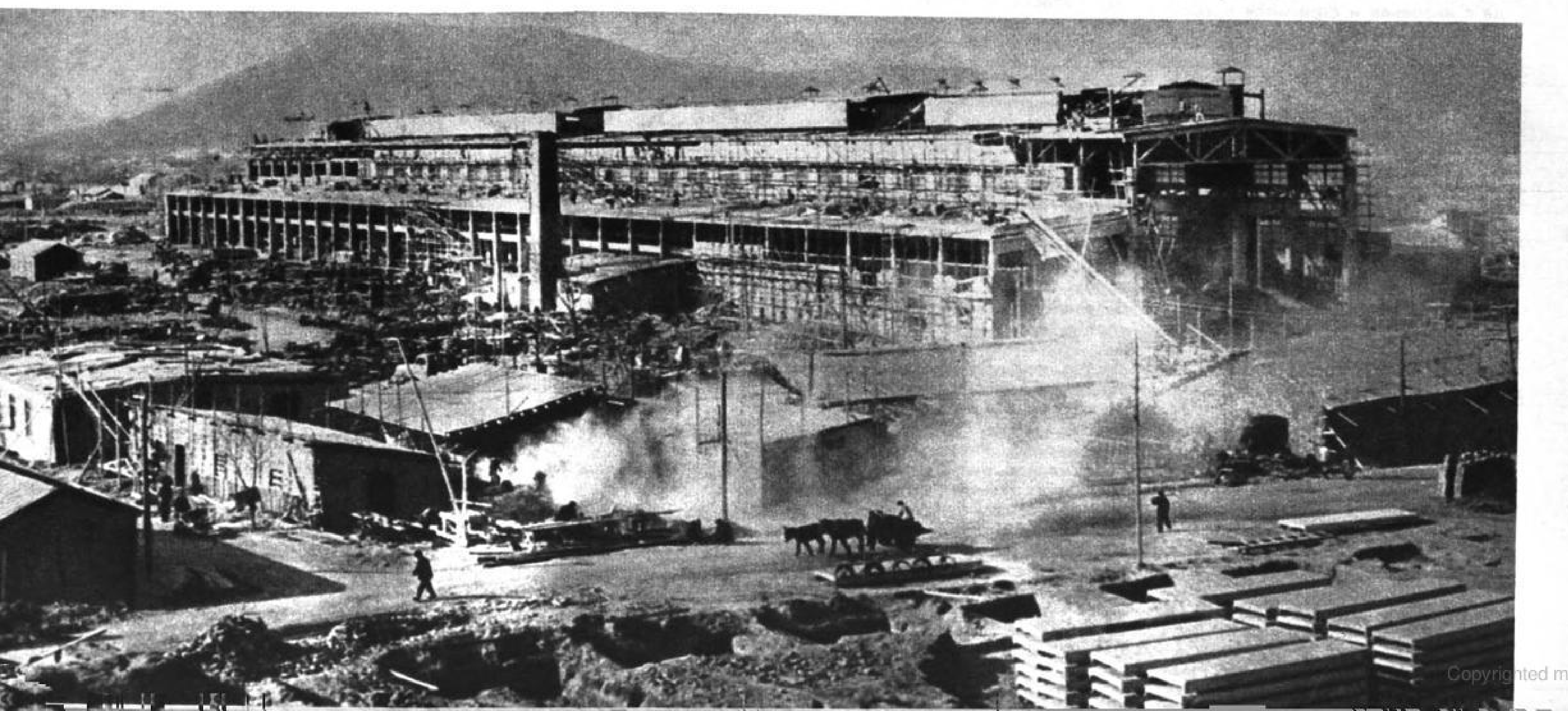
Много веков Пекин был городом одноэтажным. Правители «небесной империи» строжайше запрещали своим подданным строить в столице дома выше приземистых императорских покоев. Город рос лишь в ширину, растекался, как вода на равнине. Сейчас он жадно рвется в высоту.

Однажды вместе с моим соседом по номеру, металлургом из Тулы, мы стояли на восьмом этаже новой гостиницы «Хэ-пин» у широкого, во всю стену, окна и любовались китайской столицей. У туляка завидное преимущество: я видел только то, что есть; он отмечал то, чего не было восемь лет назад, когда он впервые побывал в Пекине.

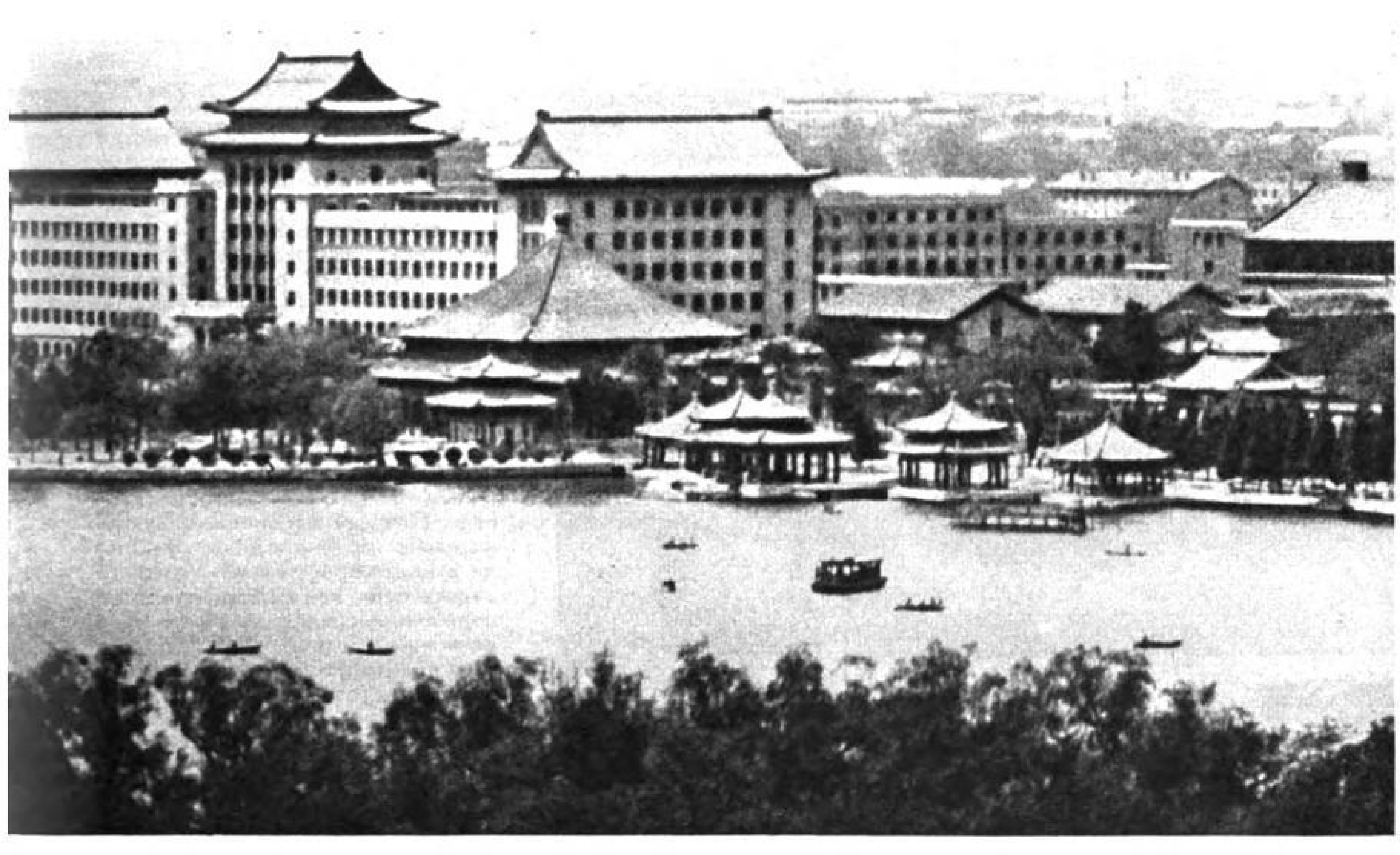
— Город стал неузнаваем,— говорил металлург.— Почти ни одного из этих больших домов тогда не было. Ни этого, ни того, ни вон этих.

Он жестами вычеркивал из городской панорамы высокие красивые здания, целые улицы, и в воображении нынешний Пекин как бы приседал, прижимался к земле. На

Фото агентства Синьхуа и автора.

На пекинском заводе специальных сталей ведется строительство сталелитейного цеха с годовой производительностью 450 тысяч тонн литья.

юге остались маячить лишь синий зонт Храма Неба да величественные ворота Цяньмынь, которые привели в восторг еще Марко Поло. «...Тонко да искусно вылощены, блестят, как хрустальные, и их сверкание видно уже издалека»,— писал он.

Десять лет назад в Пекин с боями вошли передовые части Народно-Освободительной Армии Китая и народу была возвращена его древняя столица. С тех пор в городе возведено столько новых зданий, что общая их площадь уже превысила площадь домов Пекина, построенных за тысячу лет. Город перешагнул за старинные крепостные стены, каменным кушаком сжимавшие его кварталы. Во многих местах стену пришлось разобрать, дав дорогу бурно растущему городскому транспорту. Четырнадцать знаменитых пекинских ворот теперь стали памятниками древности: автобусы, троллейбусы и автомашины объезжают их справа и слева по широким лентам асфальта.

Новые архитектурные ансамбли выросли на берегах озера Бэйхай — «Северного моря» столицы.

За стеной на западе вырос целый городок науки с двадцатью новыми высшими учебными заведениями. Здесь Академия наук Китая с большим комплексом исследовательских лабораторий.

Недавно закончено строительство большого шестиэтажного здания Государственной библиотеки, в которой хранится несколько миллионов книг.

Лишь за половину прошлого года в столице построено 166 новых средних школ. А за один июнь открыто в пригородах 80 больниц и других медицинских учреждений.

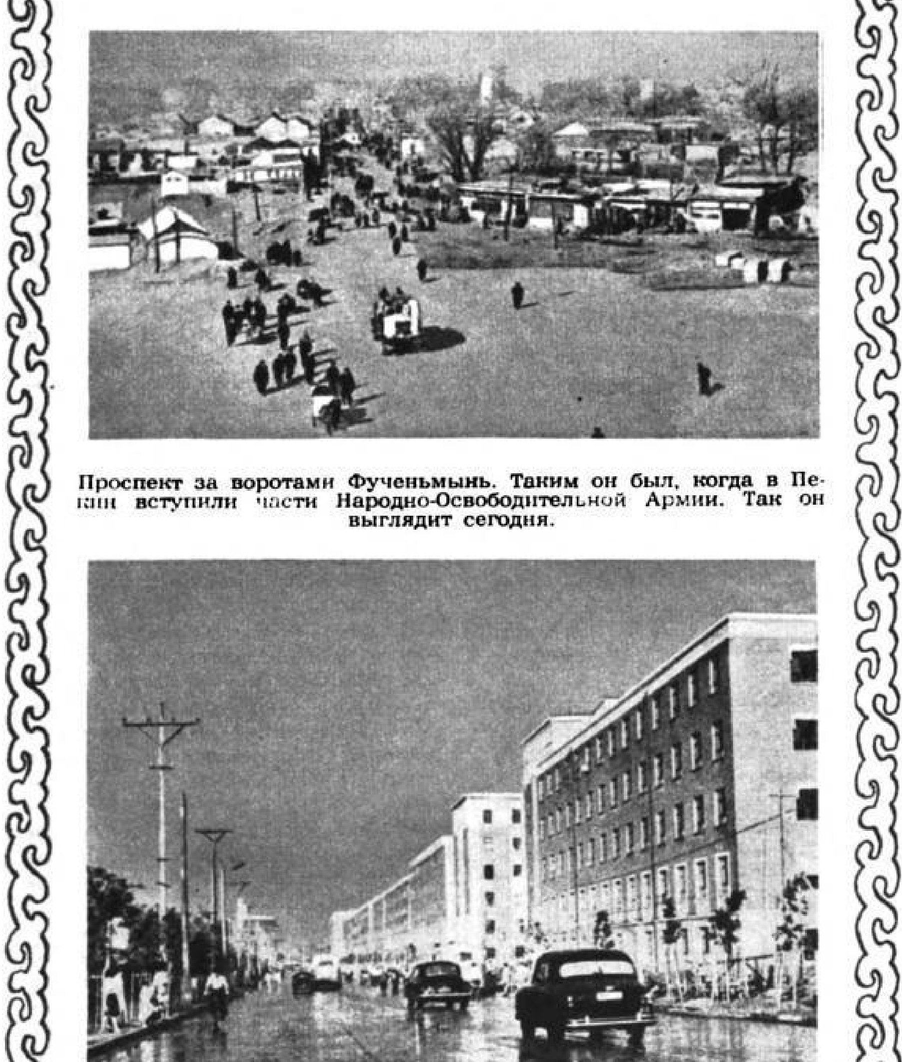
Пекин быстро становится крупнейшим индустриальным центром Китая. В годы первой пятилетки здесь каждый месяц вступало в строй одно промышленное предприятие. И вот новый «большой скачок» в развитии страны: за 1958 год в Пекине строилось и расширялось крупных заводов больше, чем за всю прошлую пятилетку.

Город, в котором до освобождения было три маленьких заводика, одна машиноремонтная мастерская и несколько печей для обжига кирпича, ныне выпускает две с половиной тысячи видов новой продукции. Легковые автомобили, паровозы, универсальные тракторы, самоходные комбайны, радиоаппаратуру, станки, металл, ткани и многое другое производят сегодня трудящиеся столицы.

Пекин — один из древнейших городов земли. Идет третье тысячелетие с того времени, как он стал упоминаться в официальных документах. Его справедливо называют «музеем Китая», где сосредоточены великолепные памятники китайской культуры, чудесные творения древних зодчих.

Но есть в столице один памятник, пользующийся у пекинцев особым почетом. Это высокий обелиск, сложенный из семнадцати тысяч плит гранита и белого мрамора. Он установлен в самом центре города против величественных ворот Тяньаньмынь, с балкона которых 1 октября 1949 года Мао Цзэ-дун провозгласил рождение Китайской Народной Республики. На обелиске высечены золотые иероглифы, написанные рукой Мао: «Вечная слава народным героям». Этот монумент—памятник тем, кто отдал жизнь в борьбе за свободу и счастье своего народа.

«Живя в Пекине, трудно его покинуть. Покинув Пекин, нельзя его забыть»,—говорит китайская пословица. В ней—любовь народа к своей столице, ставшей знаменосцем нового Китая.

Проспект за воротами Фученьмынь. Таким он был, когда в Пекин вступили части Народно-Освободительной Армии. Так он выглядит сегодня.

Площадь Тяньаньмынь — центр Пекина. Здесь проходят праздничные демонстрации, здесь жители столицы рапортуют о своих трудовых успехах. В дни праздников на трибунах перед воротами Тяньаньмынь собираются передовые люди нового Китая.

Чжан Тинь-фан — передовая прядильщица Пекинского текстильного комбината, построенного после освобождения. Тинь-фан, как и сотни других работниц комбината, работает и учится в вечерней средней школе.

Женщины Пекина на праздничной демонстрации.

В. ВИКТОРОВ

Фото Б. Светланова.

КОЛЧИН — ХАКУЛИНЕН

1

С финским гонщиком Вейко Хакулиненом советские лыжники встретились впервые в 1954 году на международных соревнованиях в Свердловске. Он приехал туда в ореоле своей олимпийской славы, в расцвете сил и являлся главной надеждой Финляндии, преемником выдающихся лыжных гонщиков этой северной страны.

Главными соперниками финского чемпиона оказалась лыжная молодежь — новое спортивное поколение советских гонщиков: румяный архангелец Владимир Кузин, могучий костромич Анатолий Шелюхин и худенький тонколицый ярославец Павел Колчин. Каждый из них в борьбе с Вейко Хакулиненом и его товарищами добился заметных успехов.

Павел Колчин в гонке на 15 километров занял третье место, оставив за собой самого Хакулинена; Анатолий Шелюхин также был третьим в гонке на 50 километров, а Владимир Кузин победил всех финских лыжников на дистанции 30 километров.

Не прошло и месяца, и снова прозвучало имя Кузина: в шведском городе Фалуне молодой гонщик смело нарушил издавна установившуюся традицию, при которой чемпионами мира становились лыжники только трех скандинавских стран. Владимир Кузин завоевал в Швеции две золотые медали.

Так рядом с общеизвестными лидерами трех скандинавских команд: финном Вейко Хакулиненом, шведом Сикстеном Ернбергом и норвежцем Халгаром Бренденом — занял место четвертый лидер — советский гонщик. Однако не Кузину суждено было продолжить спор с Хакулиненом. В сложной и многообразной тренировке лыжника, основанной на больших нагрузках, был, видимо, допущен какой-то просчет. Правда, в 1955 году Кузин выиграл в Москве гонку у Брендена и разделил первое и второе места с Ернбергом на соревнованиях в итальянских Альпах. Но не там ли исчерпал Владимир Кузин столь нужные ему силы для будущей олимпийской зимы?

Успехи Колчина в зиму 1955 года были значительно скромнее. На традиционных состязаниях в Лахти (Финляндия) он, выигрывая гонку на 15 километров, выронил на спуске палку и был лишь третьим. В Норвегии на Холменколленских играх Колчин занял в гонке на 50 километров второе место, проиграв Хакулинену на финише всего лишь 2 секунды. Но зато, в отличие от Кузина, Колчин к началу VII зимних Олимпийских игр 1956 года в Кортине д'Ампецца оказался в значительно лучшей спортивной форме. И снова рядом с Хакулиненом прозвучало его имя.

После гонки на 30 километров Павел Колчин поднялся вместе с Вейко Хакулиненом на трибуну почета, но, увы, встал на ступеньку ниже. Зато после гонки на 15 километров хоть и занял снова третье место, но лишил Хакулинена бронзовой медали, оставив его четвертым.

Еще больший успех ждал Колчина следующей зимой в Финляндии. Лахтинские игры пользуются большой популярностью и считаются негласным первенством мира. На холмах Сальпаусселькя собираются лучшие скандинавские гонщики. Еще недавно они между собой делили все призовые места, но перед очередными соревнованиями в Лахти одна из финских газет, вспомнив происшествие с палкой, лишившее Колчина первого места, с тревогой замечала: «Колчин занял третье место с одной палкой. А что было бы, если б у него их оказалось две?»

...Что он может сделать двумя палками, Колчин и показал на сей раз в Лахти. Начав гонку на 15 километров девяносто шестым, он обогнал по времени всех тех, кто стартовал до него. Время, показанное им, — 1 час 1 минута 47 секунд — никто не мог превысить.

Откуда же брались силы у этого скромного и такого несильного на вид человека? В чем его преимущество перед могучими его ровесниками, такими, как Кузин или Шелюхин? Что помогает ему выдерживать натиск таких лыжных гигантов, как Хакулинен, Ернберг или Бренден? Чтобы ответить на эти вопросы, надо перенестись на 20 лет назад и на 300 километров севернее Москвы, в леса Ярославщины.

В двенадцати километрах от Ярославля в сторону Рыбинска, вверх по Волге, находится старинная текстильная фабрика «Красный Перевал». Константин Николаевич и Евдокия Григорьевна Колчины издавна работали на этой фабрике, и здесь же росли семеро их детей. Кругом леса, до школы 3 километра, — вот и ходили Колчины-сыновья в школу на лыжах, для быстроты. И старший, Геннадий, уже в 1938 году начал мериться силами с сильнейшими гонщиками страны. Но младший интересовался лыжами только как средством сообщения, пока преподаватель физвоспитания школы села Норского не открыл ему и другие их достоинства.

Паша Колчин был меньше всех и слабее всех ребят в классе. Он даже один раз не мог подтянуться на перекладине. Но 5 лет непрерывных занятий лыжным спортом удивительно закалили его маленькое тело. В 16 лет он принял участие в крупных соревнованиях и оказался вторым по силе юношей спортивного общества «Торпедо». Прошло еще 5 лет, и в 1951 году Павел Колчин впервые принял участие в первенстве страны. В гонке на 18 километров он был сто вторым.

Какие шансы, казалось бы, мог иметь этот скромный ярославский паренек, чтобы выдвинуться в первые ряды лучших гонщиков страны? Да никаких, несмотря на весь свой десятилетний спортивный стаж! Много таких старательных ребят вынуждены ограничиваться скромной ролью статистов на большой спортивной арене, лишь оттеняя лыжных солистов, тех, кто всегда делит между собой призовые места.

Что же произошло с Колчиным? Просто он продолжал упорно трудиться вместе со своим тренером Владимиром Самойловичем Оботниным. У него имелся обширный план, который выполнялся неукоснительно изо дня в день, из недели в неделю, и Колчин научился видеть себя как бы со стороны, подмечать каждое неточное свое движение, безошибочно определять возможности своего организма. Это и позволило ему подойти к полному расцвету как раз тогда, когда ему было это особенно важно.

2

В начале марта 1958 года в столь хорошо знакомых советским гонщикам окрестностях финского города Лахти предстоял мировой чемпионат.

Лыжники вступили в борьбу еще за несколько дней до того, как их вызвали на старт: для них началом мирового чемпионата была жеребьевка, от исхода которой зависело многое. Такова уж природа раздельного старта, который применяется на всех дистанциях, кроме эстафеты. Гонщики пускаются парами с интервалом в полминуты, и распределение стартовых номеров при равноценных силах играет немаловажную роль. Если гонщику посчастливилось получить один из последних номеров и он имеет перед собой главных своих соперников, то получает большое тактическое преимущество, соизмеряя свой темп с их скоростью.

В гонке на 30 километров Колчин получил 58-й номер, в то время как Вейко Хакулинен должен был взять старт шестьдесят вторым. В переводе на время это значило, что Хакулинен начинал гонку на две минуты позже Колчина.

На протяжении всей дистанции Павел Колчин думал о своем главном сопернике. Он обогнал норвежца Брендена, он выигрывал у шведа Ернберга, но это не успокаивало его. Как идет Хакулинен? Вот в чем был вопрос. И только за несколько километров до конца гонки Колчин узнал, что проигрывает вовсе другому финскому гонщику — Калеви Хямяляйнену, который совсем не котировался как кандидат в победители. А что же случилось с Вейко Хакулиненом? Ведь ему-то после жеребьевки многие знатоки готовы были без борьбы отдать

золотую медаль. Хакулинен был на финише только шестым. Такова уж сама природа спортивной борьбы, в которой никогда невозможно предугадать все до конца... Не мог предугадать Колчин и того, какое испытание ждет его в следующей гонке, на 15 километров.

В этом новом соревновании Колчину достался 65-й номер, в то время как Хакулинен шел следом: шестьдесят шестым. Снова главный его соперник брал старт вплотную за ним. Что же мог сделать Колчин в создавшихся условиях? Только одно: рваться вперед, уходить от финского лыжника, постараться измотать его настолько, чтобы лишить главного козыря — финишного броска.

Немало захватывающих гонок пришлось мне наблюдать, но ни одна из них не может сравниться с напряжением и драматизмом гонки на 15 километров в Лахти. Когда радио сообщило, что Колчин после первых 5 километров показывает лучшее время и выигрывает у Хакулинена, рев потряс холмы Сальпаусселькя. И вот тогда-то и сказалось тактическое преимущество Вейко Хакулинена. Он тянулся за Колчиным до восьмого километра, а потом стал наращивать скорость.

Как хотелось Колчину хоть раз оглянуться назад, хоть раз увидеть мягко согнутую, словно готовую к огромному прыжку фигуру финна! Но оглядываться нельзя, а то «секунды полетят», и Колчин стремился вперед, полный яростной энергии, готовый бороться до конца. Невыносимо трудно было продолжать ему гонку, зная, что за спиной вплотную Хакулинен, но Колчин ее продолжал.

Вот уже зрители невдалеке от финиша приветствуют самоотверженного гонщика. Вот преодолен последний подъем. Уже видна финишная площадка. Лыжня устремилась вниз, и по ней понесся Колчин, неистово отталкиваясь палками, и на полной скорости пересек итоговую синюю черту. У Колчина лучшее время, но позади Вейко Хакулинен. Где он? Наконец-то можно оглянуться! И Колчин увидел наконец Хакулинена. Финский гонщик был совсем невдалеке от финиша и мчался в таком гуле и реве стотысячной толпы, что и без секундомера было ясно: он побеждает. Так это и оказалось: Хакулинен улучшил время Колчина на 18,5 секунды!

Снова Павел Колчин имел все шансы завоевать золотую медаль и снова вместо нее получил серебряную. У кого не опустились бы после этого руки! Но Колчин отвергает само понятие «невезение» в спорте. Он считает, что везению всегда предшествует умение.

3

Так кончилась еще одна встреча Павла Колчина с Вейко Хакулиненом, и к продолжению спортивного спора усиленно готовились как тот, так и другой гонщик. За тем как готовился к новой борьбе на снегу Павел Колчин, следит не только его тренер, но и жена. Алевтина Колчина также известная гонщица, она присоединила к трем серебряным медалям, полученным Колчиным на первенстве мира, две свои золотые. А вот и сама Алевтина Колчина заглядывает в комнату, где мы беседуем с ее мужем. В ней борются, видимо, два чувства: гостеприимство хозяйки и тревога за то, что Павел Колчин не успеет подготовиться к занятиям в институте, а ведь надо собираться в Свердловск, где предстоит новая встреча с Хакулиненом.

Зима вступила в свои права, и Колчин мне показывает на прощание свой спортивный дневник. Несмотря на то, что весь сезон еще впереди, толстая тетрадь заполнена уже наполовину: проведено 202 тренировки.

Заметив наше удивление, Павел Колчин объясняет:

— Учтите, что новый сезон у меня начался вскоре после возвращения из Лахти, весной. Мы упорно работали все лето. И, знаете, как ни трудишься, довольным никогда не остаешься. Но ничего: терпение и труд все перетрут.

И вот снова мы встретились с Павлом Колчиным на Урале. Снова под его ногами сыпучий уктусский снежок, и палатки разбиты под соснами, и Вейко Хакулинен рядом — вон он стоит на пороге и, щурясь, оглядывает сосновые перелески и хорошо накатанную, гладкую лыжню, проложенную между темными шершавыми стволами.

Ярко светит солнце, небо голубое раскинулось над снегами — можно ли придумать лучшую погоду для такой гонки? Здесь, на этой лесной поляне, начинали молодые лыжники пять лет тому назад свой спор на снегу. Далеко же увел их этот спор! Он увел их в шведский городок Фалун, на крутые склоны норвежской горы Холменколлен, на лыжню в Доломитовых Альпах, на холмы Сальпаусселькя, где так почетна победа. А теперь их путь лежит еще дальше — за океан, в горы Калифорнии, в Скво Вели, где будущей зимой состоятся Олимпийские игры.

Вот куда ведет уральская лыжня! Старт здесь, на Уктуссах, финиш — в Скво Вели! Туда еще нынешней зимой для первой пробы сил поедут лучшие. Конечно, хорошо попасть в их число, но есть еще одна мечта у Колчина: победить Хакулинена, взять у него реванш за поражение в Лахти здесь, в Свердловске. И надо же случиться такому: по воле жребия Колчин и Хакулинен в гонке на 15 километров должны взять старт так же, как и в Лахти, один за другим, с интервалом в полминуты. Но на сей раз удача на стороне Колчина: первым пойдет Хакулинен. Теперь Колчин будет держать его на прицеле.

Колчин еще раз раскрывает стартовый протокол. Вот он, «эпицентр» предстоящей гонки: 60 гонщиков возьмут старт, и под номером «31» пойдет Хакулинен, а под номером «32» — он, Павел Колчин. Где же найти силы, чтобы сдержать волнение?..

На третьем километре от старта, заняв удобную позицию у лыжни, ждал я появления гонщиков. Промелькнули мимо первые номера — лыжная молодежь: пронесся Кузин, весь устремленный вперед, а следом за ним — финн Калеви Ойкарайнен и норвежец Харальд Гриннинген, словно герольды, возвещающие появление главных героев. И вот вдалеке увидел я знакомую фигуру лыжника: маленькую, легкую, словно летящую над снегами... Колчин! Павел Колчин! Но он ведь взял старт после Хакулинена, где же его грозный соперник? Вон он, Хакулинен, выскочил из перелеска!

Нет, Павел Колчин не повторил тактики Вейко Хакулинена, примененной им в гонке на 15 километров в дни первенства мира в Лахти! Колчин сразу же вырвался вперед и теперь, после трех километров, выигрывал у финна полминуты.

Неудержимо рвался Павел Колчин к победе. После 5 километров он закрепил за собой лидерство, оторвавшись от Хакулинена почти на целую минуту. После 10 километров двух соперников разделяли уже почти 2 минуты, и не Хакулинен оспаривал у Колчина победу, а его товарищ, Владимир Кузин. Давно мы не видели Кузина заряженным такой энергией, такой свежестью, но и у него Колчин выиграл на финише больше минуты. Хакулинен же оказался лишь пятнадцатым.

Да, героями этого солнечного дня была чета Колчиных, и победители гонки как на 15, так и на 10 километров радостно поздравляли друг друга с успехом. А потом к Павлу Колчину подошел глава финской спортивной делегации Олави Риссанен, чтобы выразить ему свое восхищение.

— Зима еще только началась, а вы уже в полном расцвете сил,— сказал Риссанен.— Мы входим в форму значительно позже, к концу февраля, к началу крупнейших состязаний. И я думаю, что вы понимаете, почему Вейко Хакулинен не смог принять предложенного вами темпа. Через месяц он будет другим. В этом вы можете не сомневаться. Во всяком случае, мы верим, что в Скво Вели наш Вейко в третий раз станет олимпийским чемпионом.

Хоть в похвалах Риссанена и звучала угроза, Павел Колчин был благодарен ему за откровенность. Финский специалист точно определил, в чем таится опасность, почему победа может обернуться поражением. Искусство настоящего спортсмена заключается не только в том, чтобы обрести силы, но и в том, чтобы их сохранить к самым главным состязаниям. Но как этого добиться? Ведь свои силы не положишь на срочный вклад в сберегательную кассу! Для того, чтобы сохранить боевую форму, ею надо пользоваться, силы надо применять в борьбе. Но если растрачивать накопленное, то легко оказаться и банкротом... Да, разными путями движутся к решающим состязаниям советские и финские гонщики! И чей путь окажется вернее, станет ясно только в конце зимы.

1957 год. П. Колчин ведет гонку на 15 километров в Лахти.

Галина Власова, 11 лет. Московская область. МЫ РИСУЕМ.

Мы рисуем...

Лев КАССИЛЬ

...Нет, когда ваш сынок или ваша дочурка попросят клочок бумаги и карандаш и, сопровождая каждый штрих торжественным комментарием: «Точка, точка, запятая, минус — рожица кривая!»— нацарапают нечто смахивающее на человеческую физиономию, не считайте, что в этот день ребенок ваш уже вошел в сферу самостоятельного художественного творчества... Это он лишь поделился с вами маленьким веселым чудом-забавой, впервые для него раскрытым фокусом, который, оказывается, может возникать и у него на бумаге, если знать секрет...

И когда, получив от вас в подарок цветные карандаши или ящичек с первыми красками, дитя ваше целый день будет приставать к вам с вопросом: «Что мне нарисовать?»,— это тоже еще не начало творческой деятельности. Просто малышу хочется найти какое-то применение вашему подарку, который сам по себе, если не пустить его в дело, скучен.

Но вот придет день, когда, замирая от гордого волнения, еще не очень веря тому, что произошло, ребенок покажет вам нарисованный им самим дом, видимый сразу с трех сторон: спереди, слева и справа. Вы увидите, как из трубы этого дома торчит дым-штопор, а возле него стоит на двух кочерешках некое подобие песочных часов с воткнутыми по бокам двумя метелками, о пяти прутиках каждая. Тут же изображено что-то похожее на письменный стол с узкими тумбами, а на столе арбуз с двумя точками, запятой и минусом... Под первым человечком вы прочтете «мама», а под вторым — «папа». Вас заставят пересчитать каждый из пяти растопыренных прутьев-пальцев. Ни одного из них не утаил от зрителя дотошный автор... Вот тогда знайте: начинается творчество!

При этом, конечно, не стоит сразу решать, что из сыночка вашего непременно вырастет Серов, а дочка, слепившая из пластилина ваньку-встаньку, обязательно станет со временем Мухиной. За это сегодня еще нельзя поручиться. Вполне вероятно, что совсем иную дорогу в жизни выберут они, совсем другие интересы их захватят. Но если вы вовремя, не умиляясь, не ахая от непомерных восторгов, не хвастаясь успехами ребят в их присутствии перед знакомыми, а серьезно, с уважением и интересом отнесетесь к творческим опытам ваших детей, они всегда с благодарностью вспомнят свои наивные ребячьи опыты, которые обогатили их восприятие жизни, сделали ее более многомерной, глубокой и яркой...

Желание рисовать, тяга к изображению увиденного и услышанного в жизни или вычитанного в книгах столь же обычна и естественна в детском возрасте, как склонность к рифмовке, самостоятельному стихосложению. Восприимчивое ухо ребенка, еще полного восторженной гордости за каждое лишь недавно освоенное им в произношении слово, радостно дивится обилию созвучий в человеческой речи, жадно ищет их и охотно включает в круг своих игр. Но ведь как часто малыш, вдохновенно слагавший вслух звучные, полногласные стихи, с годами либо совсем теряет вкус к поэтическим опытам, либо строчит худосочные подражательные вирши, в которых уж никак не узнать остроумного импровизатора!..

Примерно то же самое наблюдаешь часто у ребят, чьи первые опыты в области изобразительного искусства так радовали глаз и изумляли неповторимым своеобразием детских представлений. С возрастом эти рисунки теряют свою прелесть. Но если ребенок, помимо естественной, нормальной, присущей по большей части всем детям жажды воспроизведения виденного или воображаемого, наделен еще и подлинными способностями, он обычно не спрашивает у взрослых, что ему нарисовать. Он испытывает неотвратимую потребность украсить своим рисунком все, что оказалось под рукой,— будь то утрамбованный песок дорожки, запотевшее оконное стекло, бумага... Впоследствии эта потребность переходит в страсть и может превратить способности в талант, склонность — в истинное призвание. Вот тогда вырастает подлинный художник.

В стране, где перед нашими ребятами, перед всем подрастающим поколением открыты, как в песне поется, «сто путей, сто дорог», любое, самое маленькое семечко человеческого таланта находит для себя благотворную почву и дает ростки в соответствии с творческой силой, заложенной в человеке. И это закономерно. Ибо только чувство общественности, замечал Крамской, дает силы художнику и удесятеряет его силы.

В письме к Репину этот замечательный живописец восклицал: «А народ-то что может дать! Боже мой, какой громадный родник! Имей только уши, чтобы слышать, и глаза, чтобы видеть...»

Именно в такой, присущей нашему обществу атмосфере и проявляются рано созревающие таланты, широко открываются на мир пытливые глаза юных художников. Достаточно вспомнить хотя бы феноменально одаренного пятнадцатилетнего Колю Дмитриева...

Я просматривал недавно рисунки, акварели, узоры для вышивок и разные самоделки, экспонированные на XII Всесоюзной выставке детских рисунков. Четыре тысячи маленьких авторов прислали в Москву, на выставку, более пяти тысяч своих работ. Отобрана была тысяча экспонатов.

Невозможно хотя бы кратко перечислить те сюжеты и темы, которым посвящают свое творчество маленькие художники...

Во время заграничных поездок мне доводилось встречать некоторых деятелей искусства, которые, изучая детское творчество, пуще всего боятся проникновения, как они изящно выражаются, грубой реальности в мир чистого видения ребенка. Эти люди обычно отбирают для выставок ребячьи работы, в которых как можно меньше элементов подлинной жизни. Если вдуматься, они просто не хотят отображения очень горькой действительности, окружающей ребенка в капиталистических странах, предпочитая экспонировать нейтральные пейзажи, сказочные мотивы, фантастические орнаменты.

Не знаю, как отнесутся любители «чистого видения» ребенка к тому, что нам особенно бросилось в глаза на очередной Всесоюзной выставке детских рисунков. Но каждому здравомыслящему человеку, пытливо вглядывающемуся в жизнь, не только интересно, но и радостно видеть, как широко, полнокрасочно и многогранно отражается во внимательных и зорких глазах детей тот замечательный мир, в котором они живут, учатся, растут, творят...

Вот девочка в своем рисунке заботливо обставила комнату в новом доме. Вот мальчишка, изобразив бойцов, идущих в атаку, решительно и с маху замазывает огненно-красным штрихом фашиста,— враг уничтожен... Я смотрю на темпераментную зарисовку «Скачки» и не только вижу упоительную, целиком захватившую все существо автора и красками выплеснувшуюся на лист бумаги игру, но словно слышу энергичные возгласы, которые, вероятно, звучали, когда девятилетний москвич Рустем Корычев изображал вот этих коней, распластавшихся в бешеном галопе. А семилетний ленинградец Леня Обольский в поразительной по своей силе акварели «Лыжница» дал нам ощутить весь азарт и упорство спортивной гонки, найдя для этого предерзостную композицию.

Немало на выставке и таких работ, которые говорят уже о хорошем умении молодых авторов. В композиции тринадцатилетнего Сергея Мануилова «Аврора» чудесно передан общий грозный колорит незабываемого октябрьского дня 1917 года, напряженность и взволнованность людей, решившихся на штурм старого строя. Интересна работа семнадцатилетнего ленинградца Леонида Гуревича «Нева». В акварели шестнадцатилетнего бакинца Арифа Исмаилова «В старой крепости» отлично найдены цветовые соотношения между синевой южного неба, желтизной стен, высаченных жарким солнцем, тенями в закоулках старого восточного города и сочным пятном женской фигуры, закутанной в яркое покрывало. Одаренный семнадцатилетний калужанин Владимир Животков выставил более десяти работ, свидетельствующих о большой наблюдательности, метком взгляде на жизнь.

А как превосходно разыграла контрасты между резкими тенями на снегу и ослепительным блеском погожего зимнего денька одиннадцатилетняя Анна Полещук в своих «Зимних забавах»! И разве не чувствуется определенный «жизненный опыт» у семилетней Лиды Зборовской из Орджоникидзе? Девочка в своем ярком, смелом по решению и на редкость выразительном рисунке рассказала о том, как она была «У бабушки в станице». А с каким аппетитом и знанием дела — вот уж поистине без всякой лакировки! — не слишком-то заботясь о соблюдении правил детдома, изобразил шестилетний Владимир Козлов автобиографическую сценку в рисунке «Мы обедаем»!..

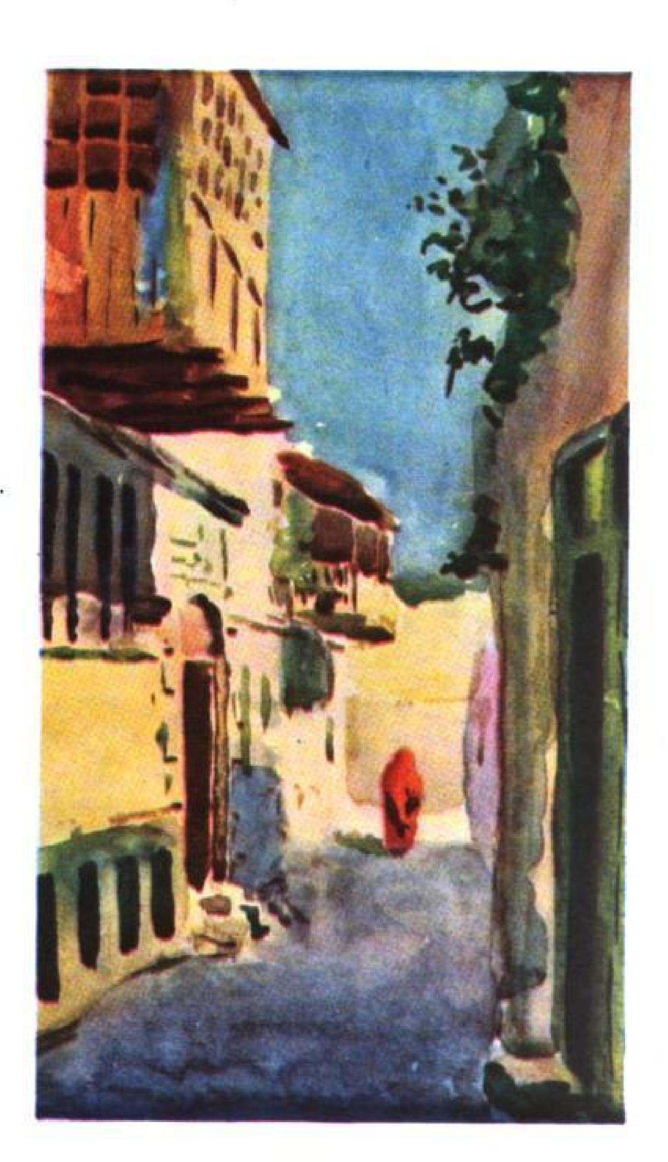
За рубежом мне приходилось слышать призывы некоторых художников, убедившихся в вырождении сегодняшнего буржуазного искусства, «вернуться к детскому видению...» Но это ложный инфантилизм преждевременно постаревших людей, думающих «омолодить» дряхлеющее искусство, потерявшее связь с жизнью. Он жалок и бесплоден... Взрослый человек, который, елозя по полу на коленках или надевая слюнявку, думает тем самым вернуть себе детскую непосредственность, попросту смешон.

Истинное искусство не впадает в детство, а остается вечно молодым, так как питается всеми соками и красками неиссякаемой жизни. И детские рисунки, радующие глаз и сердце на очередной Всесоюзной выставке, еще раз напоминают о том, как неисчерпаема, великолепна подлинная жизнь! Через сотни рисунков и картин наших маленьких искусников мы заново рассматриваем ее глазами тех, кто гордо и деловито сообщает о себе, как это сделала одиннадцатилетняя Галя Власова из поселка Косино: «Мы рисуем».

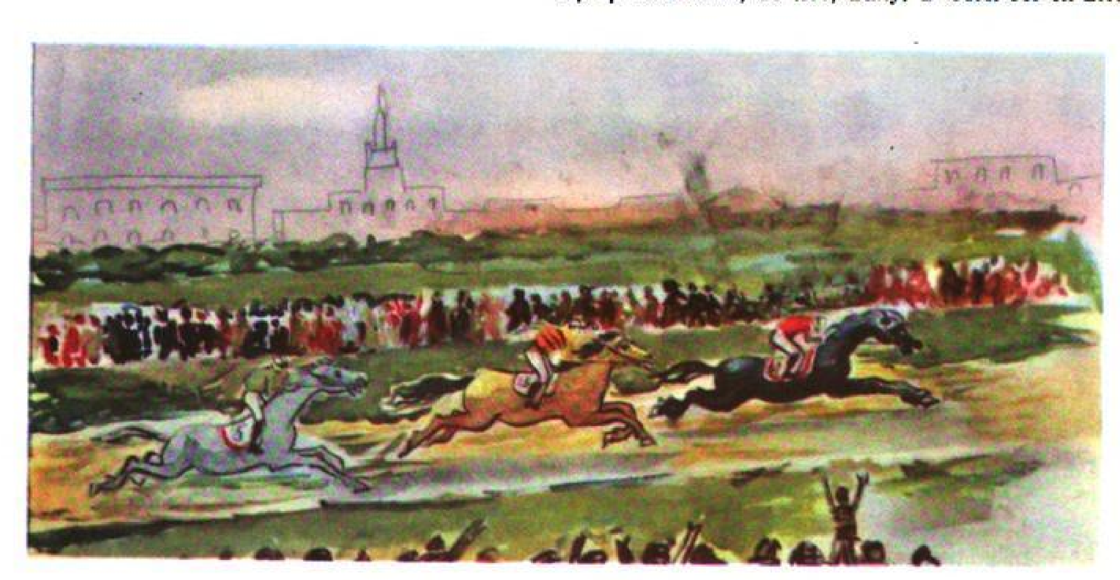
«Да,— заявляют тысячами звонких и чистых голосов авторы талантливых ребячьих рисунков.— Мы рисуем! Мы играем! Мы учимся! Мы растем для большой и удивительной жизни...»

Сергей Мануйлов, 13 лет, Ленинград. АВРОРА.

Детское творчество

Ариф Исмаилов, 16 лет, Баку. В СТАРОЙ КРЕПОСТИ.

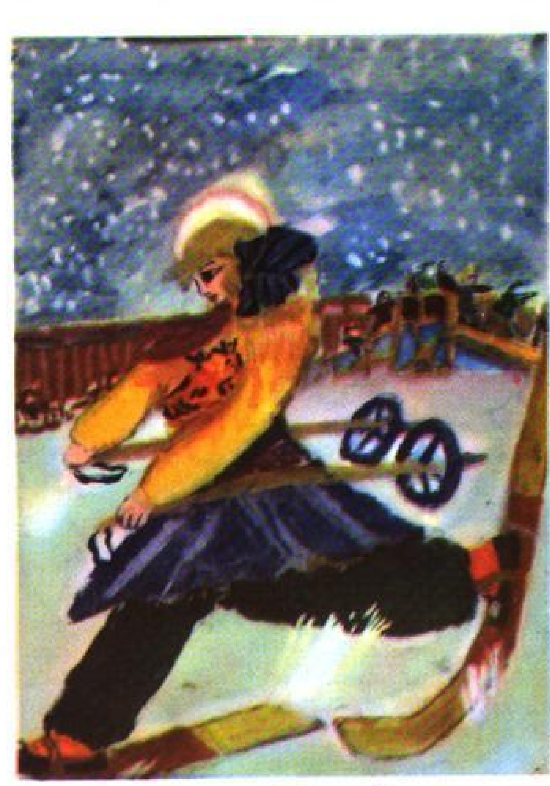

Рустем Корычев, 9 лет. Москва. СКАЧКИ.

Владимир Животков, 17 лет, Калуга. КОРМУШКИ ДЛЯ ПТИЦ.

Владимир Козлов, 6 лет, Ленинград. МЫ ОБЕДАЕМ.

Леонид Обольский, 7 лет, Ленинград. ЛЫЖНИЦА.

ОТЕЦ И СЫН

Леонид ЛЕНЧ

Рисунок Б. ЖУТОВСКОГО.

Позднее воскресное утро. За окном с серого низкого неба тихо валится на Москву крупный мокрый снег. Дворники ворчат: «И откуда только берется этакая прорва!» А снег, пушистый, веселый, не обращая внимания на их ворчание, все сыплется и сыплется, оседая на празднично побелевших крышах зданий, приглушая шум, звон и грохот огромного города.

В большой старой московской квартире на Солянке тоже тихо. Кто уехал за город — походить на лыжах, кто с утра отправился в магазин, кто просто спит на законном основании выходного дня. А Петр Осипович Ворожейкин, один из жильцов большой квартиры, работник учреждения с названием, по длине и звукосочетаниям похожим на Навуходоносор, только с приставкой «мос» в начале, не спит, а дремлет на кушетке.

Смену его сонных мыслей прерывает хлопанье двери в прихожей, звяканье снимаемых коньков и голос Витьки — сына Ворожейкина, о чем-то спорящего с соседкой. Вслед за тем сам Витька, с алыми лепестками румянца на тугих щеках, со взмокшим хохолком белокурых волос над выпуклым мальчишеским лбом, в синем лыжном костюме, вваливается в комнату. Вместе с ним сюда врывается свежее торопливое дыхание зимней улицы.

— Мама сказала, чтобы я тебя не будил,— докладывает сын отцу.— А ты, оказывается, не спишь! Мама пошла к Ракитиным, скоро придет. Ух, и накатался я, так накатался!

— Иди ко мне, Виктор Петрович! — говорит отец, любуясь сыном.

Витька послушно подходит и садится на кушетку, в ногах у отца.

— Ну, давай, сынок, поговорим!

— О чем, папа?

— О том, о сем. Рассказывай, как живешь!

— Будто ты сам не знаешь, как я живу! Хорошо живу!.. Папа, когда люди начнут на Луну летать, им командировочные будут платить?

— Смотря что за полет! Если это научная экспедиция, полагается одна форма оплаты, ну, а если командировка, тогда согласно кодекса... А ты что, Витька, собираешься на Луну лететь?

— У нас весь класс собирается. А ты, папа, разве не полетишь, если тебе скажут, что ты зачислен?

— Как тебе сказать? Интересно, конечно, было бы смотаться на денек и вернуться на Землю. Но с моим состоянием здоровья... И потом, когда это еще будет!

— Как когда? Ты что, не читал?! Буквально вот-вот!.. У нас один мальчик в классе, Вовка Канюшников, очень умный, умнее всех, сказал, что это даже хорошо, что скоро на Луну полетят, пока мы еще не выросли. В конце концов, ну что такое Луна? Мертвое небесное тело, правда? С одним несчастным действующим вулканом. Пожалуйста, пусть на Луну летают, нам не жалко. Потому что нам достанутся Марс, Венера и разные другие более интересные планеты. Вот это здорово!

— На Луну тоже, брат, не шутка слетать, да еще и вернуться! — говорит отец, задетый Витькиным пренебрежением к «мертвому небесному телу».— Взять хотя бы проблему питания стратонавтов. Ведь надо с собой особое какое-то питание брать. И горячая, по-моему, пища у них должна быть. А как ты космический борщ сваришь, будучи в состоянии невесомости, а?

— Ерунда! Никаких борщей не будет! Будут химические питательные таблетки. Ты что, не читал?!

— И борщ будет в таблетках?

— Буквально все-все в таблетках!

— И пирожные тоже в таблетках?

— Тоже! Хотя нет! Пирожные останутся так... в живом виде!

— Почему же это борщ в таблетках, а пирожные в живом виде?

— Потому что если пирожные превратят в таблетки, то их незаметным образом можно очень много съесть, а это вредно при состоянии невесомости. А когда они в живом виде, их много не слопаешь! Ну, два — три... от силы четыре. И будь здоров!

Отец и сын смеются, довольные каждый по-своему. Потом сын рассказывает отцу о полетах на Луну с подробностями, о которых тот ничего не слышал.

— И откуда ты, Витька, все это знаешь? — с завистью замечает отец.

— А мне Вовка Канюшников рассказывает. И книжки дает читать фантастические. Про то, что будет. И про то, чего не будет.

— А чего, например, не будет?

Сын смотрит на отца очень внимательными черно-серыми, как у матери, глазами и вдруг выпаливает:

— Тебя не будет!

— То есть как это меня не будет?! В каком смысле?!

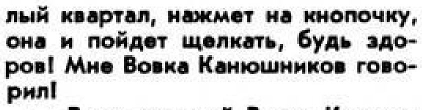
— Ой, пап, извини! Ну, в том смысле, что ты сейчас называешься счетный работник, да? А счетных работников как раз и не будет! Все цифры будут считать машины. Электро-тонные!

— Электронные, а не электротонные!

— Ну, электронные. Ты что, не читал?!

— Не всё, брат, машины могут сосчитать! — говорит отец с некоторой обидой в голосе.

— Нет, всё! Буквально всё! Потому что они на все четыре правила... И без ошибок... Вот сейчас ты бухгалтер, да? А потом бухгалтером назначат такую машину. Утром придет монтер, один на це-

лый квартал, нажмет на кнопочку, она и пойдет щелкать, будь здоров! Мне Вовка Канюшников говорил!

— Врет все твой Вовка Канюшников!

— Ничего он не врет!

— Врет! — сердится отец.— Он врет, а ты веришь, как дурачок! И вот что, Виктор, ну-ка, покажи мне свои отметки за неделю!

Обиженно оттопырив нижнюю губу, сын идет к своему столику в углу комнаты, достает из ящика дневник и молча подает отцу.

— Так! По географии мы троечку схватили! — иронически констатирует отец.— Поздравляю, Виктор Петрович! Ого! По арифметике три с минусом!

— Это Валентина Павловна придралась. За то, что я кляксу посадил. Будто я нарочно. А я, честное слово, не нарочно!

— Все вы так говорите! Позор, Виктор! А еще на Марс собрался лететь! Отца решил машиной заменить электронной! Но я тебя, голубчик, не собираюсь заменить машиной, которая вместо тебя будет уроки готовить. Поэтому цирк сегодня отменяется. Садись и повторяй уроки на завтра!

— Папа, но ведь я...

— Садись, тебе говорят, и занимайся!

Вздохнув, Витька достает свои учебники и тетрадки и садится за стол. Проходит десять минут. Отцу уже жалко смотреть на согнутую спину. Он встает и подходит к сыну.

— Виктор... Витька! Иди сюда, будем мириться!

— Не пойду!

— Ну, иди уже, ладно! Пойдем вечером в цирк, так и быть. Авансом, за будущую пятерку. Давай поговорим с тобой еще о том, что будет и чего не будет!

И снова отец и сын ведут увлекательный, волнующий обоих разговор. Они порхают с планеты на планету, пересаживаются с межпланетного космотобуса на стратавтобус и со стратавтобуса на вертолет, рвут бананы с пальм, выросших в районе Северного полюса, где климат стал, как в Африке, после того как Ворожейкины, отец и сын, построили там сеть гигантских электростанций, работающих на термоядерной энергии. Если отец выражает недоверие к Витькиным словам или улыбается подозрительно, Витька густо краснеет и кричит на отца:

— Ты что, не читал?!

И ссылается на авторитет Вовки Канюшникова.

Отец говорит с серьезным видом:

— Нет, нет, Витюша, я все это допускаю. Наверное, все так и будет, как ты говоришь. Но вот меня-то в это время действительно уже не будет!

— Здравствуйте! Почему же это тебя не будет?!

— Потому что... потому что, Витюша, будут еще у нас и болезни, и старость, и все такое прочее!..

— Как раз этого ничего и не будет! Ты что, не читал?!

В глазах у сына отец видит такой свет, такую горячую и непреклонную убежденность, которую, он понимает это, поколебать нельзя ничем! Да и не стоит. Он привлекает к себе сына и целует его в теплый, нежный висок.

А снег за окном все валится и валится с низкого неба на такую обычную и такую необыкновенную Москву — Москву 1959 года.

Дар ТИГРА и ЕВФРАТА

Багдадский Гаврош.

П. ДЕМЧЕНКО

Сарифы в городе

Уже после первого знакомства с иракской столицей Багдадом начинаешь ясно представлять, как сложен в стране земельный вопрос, как тяжела доля крестьянина. Деревня начинается здесь буквально в самом городе.

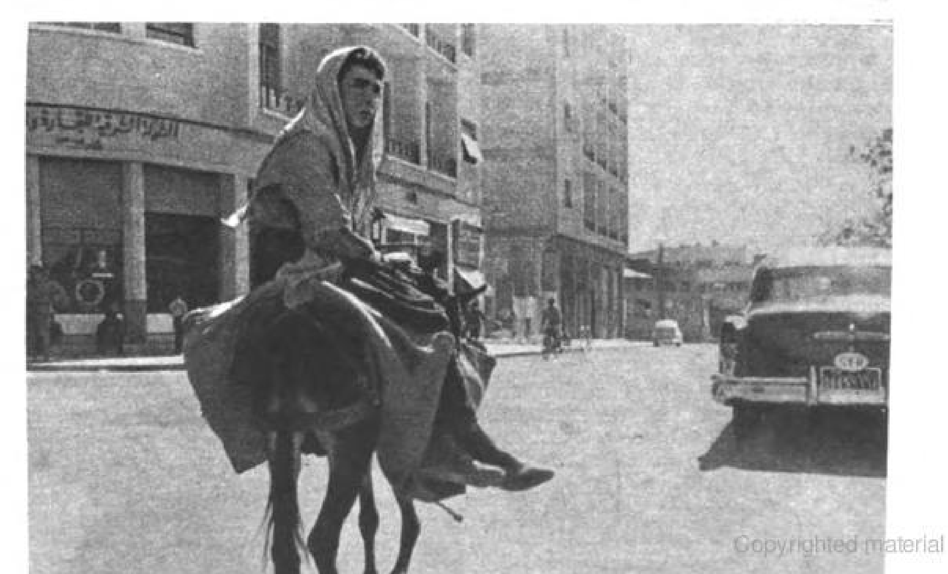
Улица Карадат Марьям — одна из лучших в Багдаде — широкая, асфальтированная, освещенная лампами дневного света. Между зданием генеральной дирекции международной компании «Ирак петролеум», двор которого всегда заполнен сверкающими лаком американскими и английскими машинами последних моделей, а под каждым окном виднеются решетки охладительных установок, и новым бело-розовым дворцом, где помещается парламент, всего сто метров. В этом промежутке приютился десяток глиняных крестьянских лачуг. Немного дальше, за домом английского посла, вдвое больший «глиняный» городок. Идешь по нему, и кажется, что ты и на самом деле попал в деревню: те же немощеные улочки, глухие высокие заборы, блеяние овец; навстречу плавной походкой проходят женщины с сосудами для воды на голове, только здесь это чаще не традиционный глиняный кувшин, а двадцатилитровый бидон из-под бензина.

Убогие постройки, при возведении которых пошли в дело обрезки жести, старые автопокрышки и прочий хлам, здесь называют сарифами. На первый взгляд может показаться, что сарифы — остаток деревень, которые оказались в городской черте. Но это не так. В сарифах живут крестьянские семьи, которых голод выгнал с насиженных мест, заставил искать средства к существованию на улицах больших городов.

Багдадский муниципалитет провел недавно обследование «глиняных» поселков и опубликовал интересные данные: сарифы составляют 44 процента всех домов в городе, в них живут 200 тысяч человек (пятая часть населения Багдада), за последние десять лет число сарифов увеличилось на две трети.

Перекочевав в город, феллахи принесли сюда свои обычаи, законы, традиции своих племен и — что хуже всего — свои долги. Выходцы из одного уезда стараются селиться вместе. По форме сарифов багдадцы без труда определяют, из какого племени или лива (губернии) их обитатели. Одни домики круглые, увенчанные заостренными куполами, издали они напоминают большие муравейники, — их владельцы пришли с северо-запада; другие похожи на сараи с покатыми крышами из пальмовых циновок — их построили выходцы из важнейших сельскохозяйственных губерний страны Амары и Кута; сарифов такой формы больше всего. Есть жилища, которые вкапывают наполовину в землю. Входишь в них, как в пещеру. Обитателей их так и называют «пещерными людьми»; они пришли сюда из Дивании либо из той же Амары.

Однажды меня пригласил в свою сарифу Гдейб Смаил. Для гостя постелили на земляной пол матерчатую дорожку, заменявшую ковер, принесли подушку под спину. Гдейб мудр и осторожен, не торопится отвечать на вопросы, а когда речь заходит о будущем, он после каждой фразы добавляет: «Иншалла» («Если пожелает аллах»).

На улице Багдада.

Гдейб считает, что ему повезло, односельчане недаром называют его счастливым. Три года назад он осел с семьей в Багдаде, по соседству с братом Юсуфом, который бежал из Амары в 1948 году, спасаясь от эпидемии чумы. Они разместились на незастроенном участке, принадлежащем муниципалитету. Сейчас у него дунам (четверть гектара) земли, шесть финиковых пальм, коза. Гдейб снимает два урожая овощей и продает их торговцу. Старший сын работает ночным сторожем за 5 динаров в месяц, трое помогают отцу. Месячный доход семьи за вычетом налогов и платы за пользование помпой, качающей воду из Тигра, которую содержит весь поселок, составляет примерно 200—250 рублей.

— Тем, кто арендует землю у Дамарчи и Уэрумли, труднее приходится. Эти, если продавали свою землю или начинали стройку, сгоняли феллахов без предупреждения. Теперь побаиваться стали...

На стене на гвоздике висят два небольших листочка — зеленый и розовый. Это опросные листы муниципалитета, бюллетени своеобразного голосования, которое проводят городские власти. Так как большинство населения не умеет ни писать, ни читать, их сделали разного цвета. Если владелец сарифы возвращает розовый листок, значит, он предпочитает получить землю в деревне и покинуть Багдад, если зеленый — постоянную работу и квартиру в городе. Предприятия, рабочие которых живут в сарифах, обязаны в возможно короткий срок предоставить им квартиры. На строительство новых домов правительство выделило средства. Специальная комиссия занимается трудоустройством городской бедноты. В этом власти видят путь к постепенной ликвидации трущоб в столице, а также в Басре, Мосуле и других крупных городах.

— А какой листок вы решили отправить? — спрашиваю я у Гдейба.

— Юсуф послал зеленый. Стар он, чтобы снова обзаводиться хозяйством, к тому же у него есть работа. Двое соседей выбрали розовые, а я еще не решил.

Он говорит все так же размеренно и спокойно. В глазах начинает светиться чуть заметный огонек: Гдейб ведь хорошо знает, что худшие дни уже остались позади.

Тевфик Селим

Узнав, что я хочу познакомиться с жизнью иракской деревни, знакомый сотрудник багдадской газеты «Аль-Биляд» предложил мне поехать к Тевфику Селиму.

— Это недалеко: по шоссе километров девяносто, — пояснил он.

Второй раз мне пришлось услышать это имя на маленьком моторном паромчике, который перевозил нас через Тигр. Несколько феллахов, столпившихся у борта, что-то громко обсуждали. Все они были босы. Единственной одеждой им служили выгоревшие на солнце длинные серые рубахи. Крестьяне говорили на местном диалекте, и понять их было трудно, но то, что они упоминали имя Тевфика Селима, к которому мы теперь ехали, было бесспорно.

Паром уткнулся носом прямо в берег: причала не было. Феллахи, спрыгнув на землю, усердно помогали паромщику подтянуть старое суденышко. Сделать это было не так-то легко. Тигр к концу лета заметно обмелел, днище садилось на илистый грунт, а трап до берега не доставал. Наконец удалось выбрать подходящее место и свести машину. Мое предложение «бакшиша» феллахи отклонили с большим достоинством, а когда машина тронулась, приветливо помахали нам руками.

Египет часто называют «даром Нила». Ирак — дар двух великих рек: Тигра и Евфрата. Они не только оплодотворили пустыню, дав ей воду, без которой жизнь здесь немыслима, но и стали творцами самой Месопотамии. Выбрасывая в море ил, метр за метром отвоевывают они у воды сушу. Ученые считают, что за 5 тысяч лет залив отступил примерно на 150 километров.

Основательно пропылившись на проселке, минут через двадцать мы въехали в небольшую деревушку. Под стройными финиковыми пальмами расположилось полсотни крестьянских жилищ. Они мало чем отличались от тех глиняных домиков, какие мне уже приходилось видеть в Багдаде, но казались еще больше придавленными к земле. В трех стенах — по окну без стекол, в четвертой — дверь; крыша из пальмовых листьев.

На окраине деревушки крестьянская семья жестяным ковшом делила урожай пшеницы. Ковш направо — помещику, налево — себе. За работой внимательно наблюдал посредник, представляющий интересы помещика. Он в белом платке, перетянутом жгутами из крученой черной шерсти, и коричневой аба, напоминающей римскую тогу.

В центре деревни несколько домов посолидней, но тоже глинобитных. В одном из них жил Тевфик. Хозяин по-дружески встретил нас на пороге.

Разговор, как и обычно в арабских странах, начался с малюсенькой чашечки душистого черного кофе. Тевфик рассказывал нам о своей жизни, которая сложилась совсем не так, как предполагал его отец — мелкий багдадский служащий. Скопив немного денег, он мечтал дать старшему сыну образование. Казалось, этой мечте суждено было осуществиться: Тевфик успешно окончил гимназию и поступил на юридический факультет. Было это в 1945 году. Кончилась война, и иракцы ждали, что она принесет им долгожданное избавление от английского гнета и нищеты. Но лучшие дни не наступали, и терпение народа иссякло. Когда в январе 1948 года премьер-министр Салех Джабар заключил в Портсмуте новый кабальный договор с Англией, в стране началась всеобщая забастовка. Сотни тысяч людей вышли на демонстрацию. На подступах к зданиям парламента и совета министров произошли подлинные сражения. Салех Джабар и председатель сената Нури Саид бежали из страны, а портсмутский сговор провалился. В одном из столкновений с войсками был ранен отец Тевфика, оставшийся калекой до самой смерти.

Это был год демократического подъема в Ираке. На шумных дискуссиях студенты обсуждали будущее своей страны. Заря освобождения казалась совсем близкой. Но вскоре грянул гром. Став во главе правительства, Нури Саид начал расправляться с патриотами. В годовщину портсмутского договора трудящиеся Багдада решили провести демонстрацию. Тевфик был одним из тех, кто организовал студентов. На мосту через Тигр демонстрантов встретили войска. Трудно сказать, сколько человек было здесь убито. Около сотни трупов нашли потом на мосту и набережных, более двадцати выловили в мутных водах Тигра. Через две недели были казнены руководители Иракской компартии, сотни патриотов брошены в застенки страшной тюрьмы в Баакубе. Так началась самая мрачная эпоха в истории Ирака, конец которой положила революция 14 июля.

Выйдя на свободу с удостоверением, в котором говорилось о запрещении жить в Багдаде, Басре, Мосуле, Киркуке и выезжать за границу, Тевфик узнал, что с факультета он также исключен без права сдать экзамены заочно. Человеку в 23 года было над чем призадуматься.

Тевфик прерывает рассказ и нервно перебирает четки, отдавшись во власть тяжелых воспоминаний. Шрам на щеке — след от тюремных побоев — краснеет. Но это продолжается только одну минуту.

— Да, — говорит он уже совсем спокойно, — все было в тот год: и порывы героизма, и ужас отчаяния, и жизнь без филса в кармане (филс — самая мелкая монета). Но время лечит раны, и выход был наконец найден.

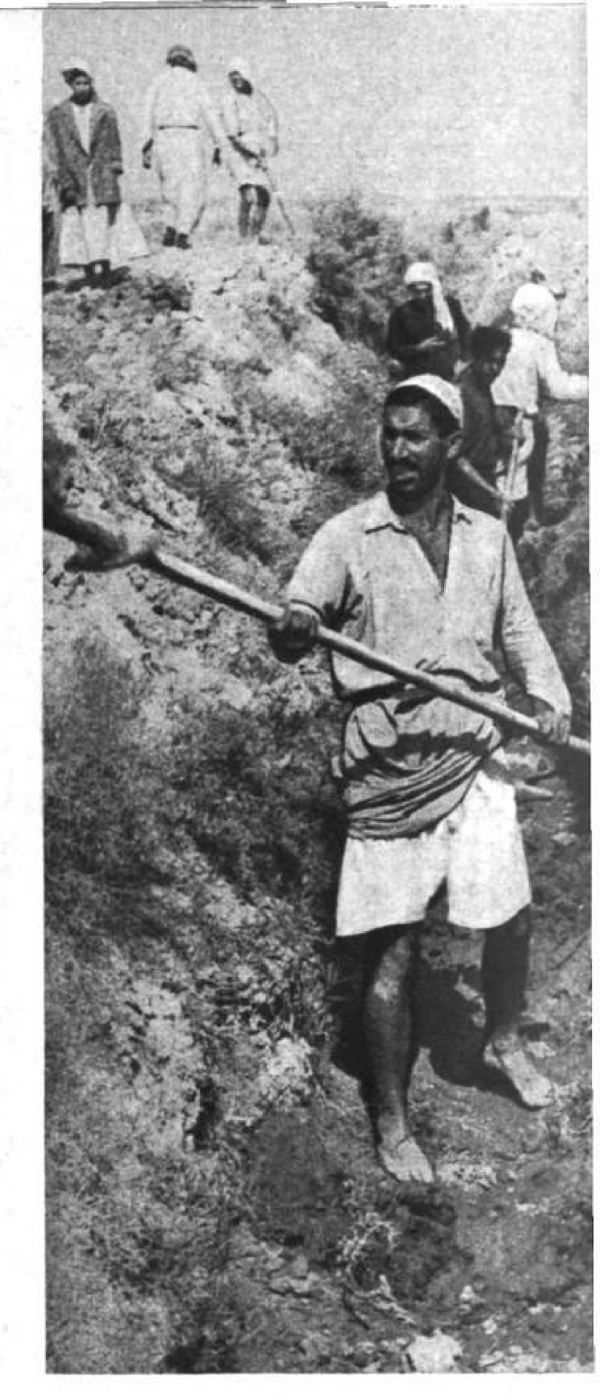
В арабских странах, где грамотность очень низка, распространена профессия уличного писца. В Каире, Дамаске, Багдаде писцы ютятся возле министерств и ведомств. Маленький столик со стопкой бумаги и чернилами, перед ним низенький стульчик для клиента, иногда полотняный зонт, спасающий от солнца, — вот и вся нехитрая контора.

Такой столик и появился однажды перед губернским управлением в городе Кут, что в нижней Месопотамии. Кутская губерния — один из районов Ирака, где феодализм сохранялся почти в классическом виде. Феодал владел всем: землей, водой, скотом,—сам вершил суд, сам приводил в исполнение свой приговор.

Новый писец вскоре стал известен как специалист по крестьянским делам. К нему несли феллахи свои обиды и жалобы. В одной деревне помещик поставил на поле механический насос для подачи воды из реки в каналы и под этим предлогом сократил долю урожая, которая должна была оставаться у арендаторов, с 30 процентов до 25; в другой — начали строить военный лагерь, крестьянам пообещали дать землю взамен отобранной, да так и забыли; в третьей — управляющий забил до смерти феллаха, который отказался отдать ему дочь. Случаев таких и помельче было сотни. Слухи о некоторых из них просачивались в багдадскую печать, в самом Куте появились листовки, обращенные к крестьянам, в которых разоблачался произвол феодалов и властей; пошли слухи о создании в округе вооруженных групп крестьянского сопротивления; правительству послали несколько коллективных петиций. Мало кто знал, что всем этим руководил подпольный крестьянский комитет и что членом этого комитета стал Тевфик Селим.

Незадолго перед революцией он оказался под подозрением, из Кута выслали его вот в эту деревушку.

— Но работа и здесь нашлась,— замечает, улыбнувшись, наш собеседник.

Крестьяне сооружают оросительный канал около Сувайры.

— Ну, а что изменилось в деревне сейчас, после революции?

— Меняется взгляд крестьянина на жизнь, — отвечает Тевфик,— уходит прежняя покорность. Теперь уже мало кто бежит целовать помещику руку. В соседней деревне, около Сувайры, произошел такой случай. Когда правительство опубликовало декрет о разделе урожая пополам между владельцем земли и арендатором, один помещик созвал своих феллахов и сказал им: «Хотите работать по-старому, работайте, не хотите, убирайтесь на все четыре стороны!» И думаете, они подчинились? Нет! Вызвали правительственного чиновника, нашли путь в крестьянский комитет и добились своего. А ведь у этого помещика своя личная гвардия — двенадцать вооруженных сыновей и племянников.

Крестьянин выиграл, конечно, и материально, — продолжает он.— Доходы семьи в нашей округе увеличились в этом году примерно вдвое. Но бедно живет еще феллах, очень бедно. Обычная пища его — хлебные лепешки, молоко, овощи, финики. Мясо — недозволенная роскошь, барана забивают коллективно по праздникам. Посмотрите, возле домов нет амбаров: хранить нечего.

Первый шаг

Один иностранный журналист, посетивший недавно Багдад, заметил в разговоре с коллегами, что Ирак переживает сейчас «эпоху

комиссий и комитетов». Хотя его фраза и не совсем серьезна, но в известной степени он прав. Перед республиканским правительством с первых шагов его деятельности встали десятки больших вопросов, требующих срочного решения. Для подготовки и проведения в жизнь правительственных решений пришлось создавать специальный механизм.

О целях и характере работы «Комитета по осуществлению аграрной реформы» говорит само название. Комитет был создан в середине октября 1958 года и лишь недавно обзавелся собственным помещением; кабинеты его сотрудников производят пока впечатление малообжитой квартиры.

Генеральный директор комитета Абдеррезак аз-Зубейр — человек немногословный, он любит оперировать фактами.

— Два месяца, прошедшие после опубликования закона об аграрной реформе,— рассказывает он,— ушли на подготовительную работу. Были созданы три подкомитета. Одному поручено ведать распределением земли среди безземельных крестьян, другому — изъятием излишков у феодалов, третьему — оказанием технической и материальной помощи лицам, получившим землю. В каждой губернии созданы департаменты с аналогичными функциями. Сейчас они изучают пути конкретного проведения закона в своих районах, занимаются учетом земельных площадей, которые будут реквизироваться, составляют списки безземельных. Землевладельцы должны заполнить специальную анкету, указав в ней все виды земельной собственности, которой они располагают. Им дан срок два месяца.

Закон об аграрной реформе в Ираке был опубликован 1 октября. Он гласит, что ни один владелец не может иметь более 250 гектаров земли, искусственно орошаемой, или 500 — неорошаемой. Все, что выходит за пределы этих максимальных норм, будет взято под контроль правительства, которое за 20 лет возместит феодалам стоимость изъятых участков. Образованный таким образом земельный фонд плюс государственные земли будут в течение пяти лет распределены среди безземельных и малоземельных феллахов. Предполагается, что каждая семья должна получить от 7,5 до 15 гектаров земли, искусственно орошаемой, либо 15—30 гектаров в неорошаемых районах за умеренную плату с рассрочкой в двадцать лет. Закон предусматривает создание крестьянских кооперативов под защитой государства, а также социальных центров, которые должны пропагандировать современные методы обработки земли, поднимать культуру сельского населения.

Иракские экономисты подсчитали, что земля будет отобрана примерно у 3 тысяч феодалов и шейхов племен, которые владеют сейчас тремя четвертями всей обрабатываемой площади в стране. Среди них есть такие, которые имеют до миллиона дунамов, а к разряду безземельных и малоземельных относится более 90 процентов всех крестьянских семей, которые жили долгие годы в беспросветной нужде, под постоянным страхом голода. Не удивительно, что аграрная реформа для Иракской Республики стала проблемой номер один. Но, чтобы начать наступление на феодалов, нужна солидная подготовка: позиции их в экономике сильны, а главный союзник — английский и американский империализм.

Кое-кто высказывает опасение, что земли для распределения в объявленных размерах может не хватить.

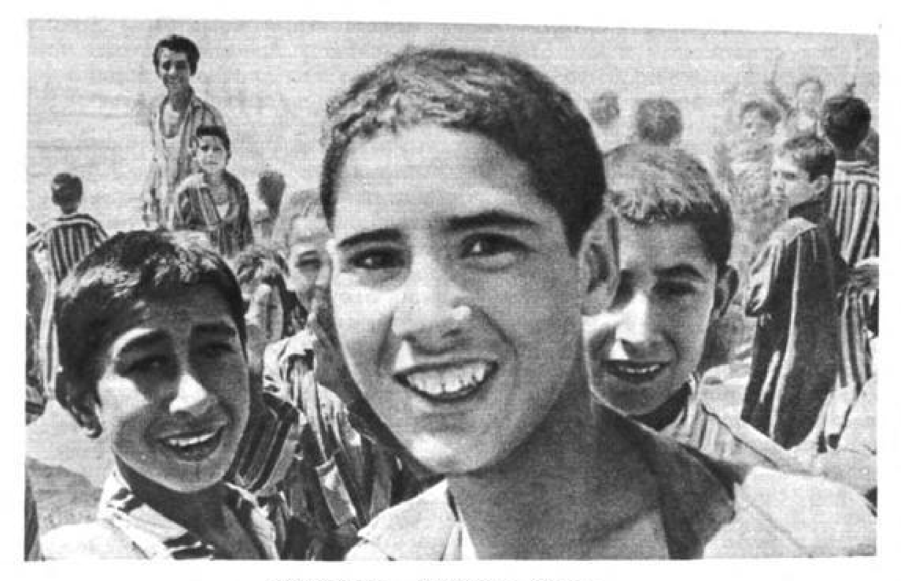
— А каково ваше мнение? — обращаюсь я к господину Зубейру.

— Комитет еще не располагает точными сведениями, но мне кажется, что относительно районов искусственного орошения эти опасения имеют под собой почву,— отвечает он после небольшой паузы.— Надо ускорить строительство ирригационных плотин на Тигре, Евфрате и на северных реках.

Вас интересует, что сделано для крестьян за несколько месяцев, прошедших после революции? — продолжает Зубейр.— Прежде всего государство стоит теперь на страже интересов крестьянства. Закон запрещает сгонять арендаторов с земли до проведения аграрной реформы. Ликвидированы племенные суды, шейх утратил административную и судебную власть, сократилась сфера господства феодала. Еще в июле 1958 года был принят декрет о разделе урожая пополам между феллахом и феодалом. Этот декрет строго выполняется, и он, безусловно, поднял материальное положение бедняков. И, наконец, правительство израсходовало 500 тысяч динаров для оказания помощи феллахам, пострадавшим от засухи.

Таков первый шаг молодой республики на пути к решению важнейшей проблемы — проведению в стране широких аграрных преобразований.

Багдад.

Молодежь — будущее Ирака.

Испорченное благообразие

Рассказ, к счастью, еще фантастический

Фрэнк ХАРДИ

Рисунок В. ВЫСОЦКОГО.

Я не знаю, прочтет ли кто-нибудь эти строки. Говорят, что писатели часто берутся за перо, не зная, напечатают их рассказ или нет. Но сейчас мои сомнения порождены совсем иными причинами: я не уверен, что найдется вообще поблизости хоть один живой человек, чтобы прочесть написанное мною. По-видимому, жители этого города, все без исключения, будут мертвецами через два — три дня. Да и сам я проживу не дольше.

Катастрофа, которой так опасались люди, разразилась. Что-то неладное произошло при испытании водородной бомбы.

Я был одним из тех, кто испытывал бомбу, только место моей непосредственной работы находилось на самой отдаленной точке полигона. После взрыва я остался в живых. Остальные — ученые, политики, военные, журналисты — все погибли, я в этом совершенно уверен...

Охваченный ужасом, я долго мчался в моем «джипе» на юг, через голую, безлюдную степь. Но когда я добрался до этого австралийского города, я увидел, что город погиб тоже. И вот я сижу в одном из мертвых предместий. Я знаю, что нужно более искусное перо, чем мое, чтобы нарисовать окружающую меня картину опустошения. Во время войны я видел города после массовой бомбежки с воздуха: перекрученные стальные балки, стены, превращенные в порошок, тела, которые смерть разметала в самых необычных позах среди развалин или превратила в бесформенное кровавое месиво.

Но то, что я вижу вокруг себя сейчас, страшнее. Дома стоят, как допотопные чудовища, стены их словно изъедены какой-то ядовитой кислотой. Мертвые валяются повсюду, многие погибли стоя или на ходу — эти похожи на обожженные статуи. Деревья голы, скрючены, повалены, словно какой-то великан-дровосек пронесся здесь со своим всесокрушающим топором. Река, только недавно весело бежавшая среди зеленых берегов, иссякла, а дно ее стало похожим на застывшую лаву.

Вчера это еще был город густых парков, красивых церквей, оживленной торговли, спорта, шумных улиц и площадей. Почти миллион человеческих существ искал здесь радости жизни, и у каждого были мечты и планы на будущее. Теперь здесь нет будущего.

Я не знаю точно, что здесь произошло. Скорее всего гигантское облако, поднявшееся над районом испытаний, пришло сюда и накрыло город своим смертоносным покрывалом.

Как только я въехал в город — сколько времени прошло с тех пор? — я попытался оказать помощь умирающим. Но чем я им мог помочь? Теперь я хочу только одного: сосредоточиться, пока еще могу, на этом своем повествовании.

Собственно, все началось около месяца назад — в первые дни мая. Я приехал тогда в этот же город в отпуск. В утренних газетах я прочел, что двое людей должны предстать перед местным судом по обвинению в нарушении благообразия города. Они написали черной краской на высокой белой стене губернаторской резиденции слова: «Запретить испытания атомных и водородных бомб!».

Я был одним из ведущих ученых, принимавших участие в испытаниях, и поневоле заинтересовался делом. В газетной заметке приводились подробности. Полиция — целый грузовик полицейских в штатском, проезжавший мимо,— застала этих двоих с поличным: они только что окончили свою работу. Увидев сыщиков, один из них поспешно швырнул через соседний забор горшок с краской и две кисти.

По злой иронии судьбы горшок вместе с содержимым угодил в устроившуюся за забором молодую парочку. Юноша, ожесточенно кляня того, кто так грубо обошелся с ним в столь ответственный момент его жизни, выбежал на улицу с горшком и кистями в руках. Так у полиции оказались неопровержимые и притом вещественные доказательства. Газета сообщала, что надписи с таким же текстом были обнаружены на стенах домов, фабричных трубах, мостах — по всему городу; в связи с этим власти решили подвергнуть виновных судебному преследованию по соответствующему параграфу за преступное покушение на городское благоустройство.

У меня было много свободного времени, и к тому же я чувствовал себя несколько лично задетым. Я решил отправиться в городской суд, где слушалось это дело.

Здесь я должен объяснить, что моя научная работа физика-ядерника доставила мне немало душевных волнений. До того, как меня пригласили на испытательный полигон в Вумера, в Австралии, я работал в Англии исключительно в области использования атомной энергии для мирных целей. Новую должность я принял после долгих колебаний, но вознаграждение было велико, да и работа очень интересовала меня. Кроме того, Бэсси уговаривала меня согласиться. (Бэсси — это моя жена, я любил ее всю жизнь и хотел бы любить до конца своих дней. Я очень надеюсь — если только в Лондоне все благополучно,— что этот рассказ попадет в

твои руки, Бэсси. Я люблю тебя и посвящаю эти строки тебе и всем, кто хочет жить. Прочти их внимательно.)

В Вумера я был по уши занят работой, и мне было некогда размышлять о том, хороши или дурны ядерные испытания с точки зрения человеческой морали. Но пришло письмо от старого товарища, с которым я работал в Лондоне. Он просил меня подписать воззвание ученых разных стран о прекращении испытаний водородных бомб.

Письмо вызвало во мне путаницу мыслей. Я, конечно, знал — гораздо лучше, чем многие простые люди и даже чем многие ученые,— какую опасность несут с собой ядерные испытания. Но я заставил себя стать на позицию здравого смысла — так мне по крайней мере казалось. Все научные исследования в области атомного ядра, рассуждал я, в далекой перспективе послужат на благо человечества, ведутся ли эти научные работы в уединенной лаборатории или на военном полигоне. Правительства все равно не осмелятся развязать атомную войну: выиграть ее не может никто, разве только дьявол всеобщей гибели и разрушения. А что до радиоактивных осадков, то они, утешал я себя, еще далеко не достигли угрожающей степени концентрации.

Я провел тогда без сна целую ночь, обдумывая ответ приятелю. Минутами я говорил себе: «Нет, он прав, безусловно прав: ядерные испытания должны быть прекращены!» Но тут же во мне поднимался голос трусости и себялюбия. Если я поставлю свою подпись, конец моей работе на полигоне. Я с беспокойством стал думать о том, что пакет с письмом и воззванием, прибывший по почте, несомненно, был вскрыт военной цензурой. На рассвете я принял решение: ответить категорическим отказом и тоже по почте, чтобы цензура об этом узнала. Мало того, я решил рассказать о своем ответе как можно большему числу моих коллег в Вумера. Так я и поступил и считал уже, что со всеми моими волнениями покончено...

В зале суда я уселся в кресло в заднем ряду и тут же увидел двух людей, стоявших у судейского стола. Несмотря на непривычную для них обстановку, они выглядели спокойными и даже равнодушными. Младший, парень лет тридцати, был рослый и стройный, одет в легкую коричневую куртку и серые штаны. Выглядел он усталым, но глаза иронически поблескивали. Старший, мужчина под пятьдесят, в синей спецовке, был приземист и неуклюж. На круглом его лице было какое-то детское выражение любознательности. Видимо, окружающее его очень интересовало.

Прочли протокол обвинения. Оба обвиняемых оказались докерами. Прокурор, долговязый человек, выглядевший очень важно в своем синем мундире, начал речь. Его стальные волосы поблескивали, когда на них падал солнечный луч из высокого окна. Подсудимые, по его словам, были виновны в том, что сознательно и намеренно портили внешний вид города, кара за это действие предусматривается параграфом таким-то и таким-то узаконения, принятого правительством штата. Прокурор упомянул о том, что подобные надписи появились и в других частях города, но он не пожелал вдаваться в смысл и содержание надписей,— он с горячностью уличал обвиняемых в «уродовании нашего красивого и благопристойного города».

Обвиняемые, продолжал прокурор, были пойманы на месте преступления. Полиция захватила их в тот момент, когда краска на стене была еще влажной. Размер каждой буквы надписи равнялся четырем футам. Прокурор предъявил суду горшок с краской и кисти, зарегистрированные в качестве вещественных доказательств под номерами 1 и 2. Заключил он свою речь требованием применить наивысшую меру наказания, предусмотренного законом по преступлениям такого рода.

Затем суд заслушал показания двух сыщиков. Когда они кончили, судья обратился к обвиняемым: не желают ли они задать вопросы свидетелям? Младший откашлялся, чтобы прочистить горло.

— Нет,— сказал он.

Каждому из подсудимых было предоставлено слово для опровержения обвинения. Оба не признали себя виновными. Но тут же прокурор подверг обоих строгому перекрестному допросу, и от их защиты не осталось и следа. Помнится, я и сам подумал тогда: эти люди говорят неправду, но, видно, здесь в обычае не признаваться в содеянном.

В конце концов, раздраженный придирчивыми и язвительными вопросами прокурора, парень в коричневом пиджаке крикнул:

— Ладно, мы сделали эту надпись!.. Мы затеяли это еще в день Первого мая, на демонстрации,— продолжал он спокойнее.— Мы всегда ходим в этот день на демонстрацию, это наш рабочий праздник. Ораторы говорили, что надо запретить испытания бомб. И вот мы решили написать это на стене. Нам хотелось, чтобы это была самая большая надпись в городе и на самом бойком месте. Буквы, верно, получились в четыре фута. Мы думаем, что правительство должно сделать то, о чем мы написали.

Он помолчал и добавил:

— Мы думаем, что правительству надо последовать предложению русских: покончить с этими проклятыми взрывами. И не надо терять времени, а то, говорят, скоро снова начнут взрывать бомбы там, к северу от нашего города... Теперь мы вас предупредили... Да, мы сделали эту надпись, и делайте с нами, что хотите...

Пожилой приятель обвиняемого смотрел на него все тем же светлым, детским взглядом. Но он, казалось, был недоволен слишком уж прямым признанием товарища.

Судья пригладил руками свой парик.

— Мы здесь не для того, чтобы выслушивать политические речи,— сказал он.— Если у вас есть политические взгляды, пишите в газеты или наймите зал и выступайте там. Во всяком случае, руководители нашей страны лучше вашего понимают, что им надо делать и чего не делать. Но никому, и вам в том числе, не будет дозволено портить внешний вид нашего любимого города.

Без дальнейших церемоний судья признал подсудимых виновными и приговорил каждого к

50 фунтам штрафа или трем месяцам тюрьмы.

Высокий докер сказал, что им не уплатить сразу такой суммы, и попросил дать отсрочку на неделю, пока они соберут деньги. Судья отказал им в этой просьбе.

Двое полицейских повели осужденных к задней лестнице, которая, должно быть, вела в камеры. Приземистый докер вдруг обернулся и громко сказал:

— Если что-нибудь случится с городом, вы припомните нас.

Я ушел из здания суда, чувствуя себя неловко. Эти два человека нарушили закон, приговор был правильным — так старался я убедить себя. Но осужденные вызывали у меня симпатию, и я размышлял об этом весь день и даже ночь. Тяжелые мысли об испытаниях, о воззвании ученых, о моем собственном поведении с новой силой овладели мною.

Я провел бессонную ночь, решив свести для себя концы с концами. Ведь в самом начале своей научной карьеры я твердо сказал себе, что буду работать только над мирным использованием атомной энергии. Я уже тогда прекрасно знал, какую грозную опасность несут людям радиоактивные осадки. Тот самый приятель, который прислал мне письмо с воззванием, еще раньше, в Лондоне, доказывал мне, что для западных держав гонка атомного вооружения — это лишь средство обезопасить себя от лихорадки экономических кризисов и поддержать бум, приносящий миллиардные прибыли.

Я понимал все это и... поступил наперекор тому, что было ясно для меня. Десятки раз я спрашивал себя в ту ночь: неужели я действительно верю в то, что русские готовят атомное нападение на западный мир? И для того, чтобы их сдерживать, надо накапливать на Западе атомные бомбы? Был ли я в самом деле искренне убежден, что испытания ядерного оружия в конечном счете пойдут человечеству на пользу? Или это была только боязнь за собственное благополучие, эгоистическая трусость?..

Назавтра и в следующие дни я просматривал газеты. В некоторых из них печатались письма разных людей. Они поддерживали двух докеров, написавших лозунг на стене губернаторского дома, и требовали положить конец атомным испытаниям в Австралии. В одной заметке говорилось, что кто-то уплатил штраф за докеров и они выпущены на свободу...

В те дни какой-то видный австралийский физик выступил со статьей, в которой доказывал, что радиоактивные осадки не представляют опасности. Я знал, что это утверждение фальшиво от начала до конца. Там, на испытательном полигоне, многие мои товарищи с ужасом говорили о гибельном радиоактивном тумане, который разносится ветром на большие расстояния... Я решил разоблачить этого ученого. Я написал ответ на его статью и привел неопровержимые факты и цифры. Оставалось отправить письмо в редакцию газеты.

На почте, у самого почтового ящика, волна страха снова прихлынула к моему сердцу. Я опять подумал о своей должности, о деньгах, о том, что меня немедленно уволят с работы. И я не отправил письма...

После месяца напряженной работы в Вумера мы подготовили все для испытания бомбы огромной силы. Я участвовал в самых последних приготовлениях. Невероятная тяжесть лежала у меня на душе, и я решил: как только кончатся испытания, подаю в отставку. Я даже сделал больше: сказал многим коллегам о своем решении вернуться в Лондон и работать только на атомных реакторах, вырабатывающих энергию для мирных целей. Эти испытания, говорил я себе, будут последними для меня.

Да, они оказались последними! Я сижу теперь среди мертвых домов мертвого города, наполненного тлетворным запахом разлагающихся трупов и слабыми стонами умирающих.

Мой рассказ окончен. Но до самой последней минуты из угасающего моего сознания не уйдут два простых человека, которых посадили в тюрьму за то, что они испортили благообразный вид своего города.

Перевел с английского **Л. ЧЕРНЯВСКИЙ.**

ЧАБАН СПАС РЕБЯТ

Это случилось в колхозе «Прогресс», Николаевской области, на Украине. Южный Буг едва покрылся молодым ледком, а колхозные ребятишки уже катались по реке, кто на коньках, кто на салазках.

Шестилетний Валя Тимошенко и трехлетний Толя Черепенко, разогнав салазки с крутого берега, выкатились на самую середину реки. Там, провалившись под лед, санки исчезли в полынье, а ребята в расстегнувшихся пальто еще пытались кое-как барахтаться на поверхности. Старший — Валя — успел сбросить пальто, отчаянно заработал руками, а малыша — Толю — течением заносило под лед.

К счастью, в это время невдалеке проезжал на арбе колхозный чабан Петр Тимофеевич Палата. Услышав крики ребят, он подъехал поближе к берегу, мигом отстегнул вожжи и, привязав один конец к колесу арбы, другой конец взял в руки и бросился на лед. Чтобы не провалиться на тонком льду, Палата приближался к малышам ползком. Ему удалось схватить и доставить на берег Валю.

Но вот лед не выдержал тяжести взрослого человека, и сам Петр Тимофеевич оказался в полынье. Толя тем временем исчез под водой. Течением его занесло под лед. Петр Тимофеевич нырнул, успел схватить уже захлебнувшегося малыша и, прижав его к груди, поплыл к кромке прибрежного льда. С помощью сбежавшихся со всех сторон ребят, уцепившихся за вожжи, он выбрался на берег. При этом, ломая лед, Палата поранил себе руки и лицо.

Пока ребят переодевали, обогревали, Петр Тимофеевич, сев на арбу, поехал своей дорогой. Только к вечеру в семьях Тимошенко и Черепенко узнали, что колхозный чабан Палата спас двух малышей. С той поры крепкая дружба связала Петра Тимофеевича с этими семьями. Редкий день не встретишь Палату на улице, играющего со своими маленькими друзьями.

А. КОЗИЦКИЙ
Вознесенск, Николаевской области.

П. Т. Палата и спасенные им малыши.
Фото автора.

ОТ КРАЯ

Его родиной стал Советский Союз

Мы сфотографировали Александра Александровича Демидова во время подготовки к зачетной сессии на заочном отделении Белорусского института инженеров железнодорожного транспорта.

Как не похож А. Демидов на своих товарищей-студентов — русских, белорусов, украинцев! А между тем он носит русское имя, его второй родиной стал Советский Союз.

Маленький негр, уроженец Африки, незадолго до начала второй мировой войны попал с отцом в Югославию, там осиротел. Гитлеровские оккупанты увезли мальчика в Германию, продали в рабство помещику.

Свободу ему принесла Советская Армия. Лейтенант Александр Демидов усыновил малыша, дал ему свое имя и фамилию. Возвращаясь после победы на родину, советские воины привезли Сашу в Минск. Здесь он окончил среднюю школу, поступил на работу в депо. Затем после учебы в школе паровозных машинистов он стал работать помощником машиниста, а сейчас учится на заочном отделении института. В Минске Александр Александрович женился. Недавно у него родился сын — маленький Саша.

Е. САДОВСКИЙ

Александр Демидов.
Фото В. Колединского.

Козлотуры в Красной Поляне

Краснополянские козлотуры в загонке И. Ф. Салымова.
Фото И. Григорова.

Старейший охотник Западного Кавказа Иван Федотович Салымов ведет нас в загонок и говорит:

— Вот они, наши красавцы. Весь свет обойдете, таких нигде не встретите.

В загонке резвится целое стадо рослых, подвижных животных. Могучими, загнутыми назад рогами они напоминают диких кавказских туров, а миролюбивым нравом, привязанностью к человеку и необычайно пушистой шерстью похожи на домашних коз.

Это новые, еще неизвестные науке животные — краснополянские козлотуры.

Откуда же они появились?

Прежде всего расскажем об их хозяине — Иване Федотовиче Салымове. Почти всю свою жизнь он прожил в горах Западного Кавказа, с детства занимается охотой, уже много лет ловит для зоопарков туров, серн и других животных.

Поймав трехдневного туренка, он стал воспитывать его в домашних условиях. Это потребовало немалых трудов. Высокогорное животное изнывало от жары, тяжело переносило повышенное давление воздуха. Туренка Борьку по три — четыре раза в день купали в холодной родниковой воде, поили молоком с ложечки. Постепенно он акклиматизировался, и вот среди домашних коз охотника Салымова появился ручной красавец тур.

Любопытно, что Борька сохранил повадки родителей. Когда его вместе с козами выгоняли на луг, он не щипал траву, а зорко охранял стадо. Завидев однажды приближающуюся собаку, он стремительно бросился ей навстречу и убил ее ударом могучих рогов.

У Борьки появилось потомство. В июне 1954 года коза Милка принесла первого козлотура Бульку. От отца он унаследовал богатырский рост и подвижность, от матери мягкую длинную шерсть и кроткий нрав.

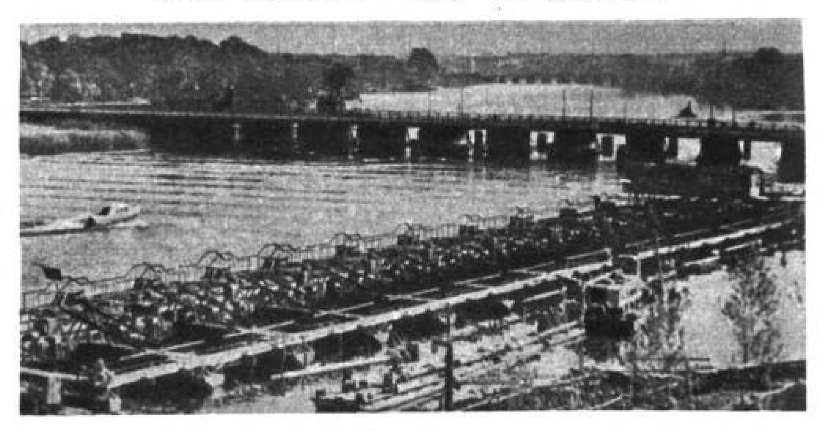
Выносливый и неприхотливый, круглый год жил он на подножном корму в лесу и, достигнув трех лет, весил 101 килограмм 700 граммов — почти вдвое больше матери.

Салымов скрестил гибрида с домашними козами. И что же? Потомство унаследовало все качества первого козлотура.

Сейчас селекционное стадо охотника-опытника в высокогорном селении Красная Поляна насчитывает около двух десятков козлотуров, которые дают более жирное молоко и более вкусное мясо, чем козы. Стадо козлотуров, выращенных Салымовым, решено использовать для создания опорного пункта Всесоюзного научно-исследовательского института овцеводства и козловодства. Надо надеяться, что в предстоящем семилетии краснополянские козлотуры будут разводиться в колхозах и совхозах Западного Кавказа.

И. ЗАЙЦЕВ

КОНВЕЙЕР НА СПЛАВЕ

Еще четверть века назад рабочий сплачивал в день всего десять кубометров бревен. Теперь машины увеличили выработку раз в тридцать. Но полностью механизировать тяжелый труд сплавщиков считалось невозможным.

А теперь взгляните на этот снимок. Агрегат «Поток-4» установлен на воде. Его релейные, электронные и полупроводниковые аппараты сортируют, маркируют и связывают до 1 600 кубометров древесины в смену.

Конвейер сконструирован в Центральном научно-исследовательском институте сплава под руководством кандидата технических наук Л. С. Яковлева.

Н. НОГИНА

«Риони»

Фото автора.

Кутансские автомобилестроители изготовили садовоплантационный трактор «Риони». Автор проекта — молодой конструкторский коллектив Кутаисского автозавода. Малогабаритная машина весит 160 килограммов, расходует всего литр бензина в час, ходит со скоростью 4—8 километров в час.

При помощи специальных приспособлений трактор выполняет самую разнообразную работу — 32 операции. Он может пахать и сеять, копать ямы и канавы, производить трамбовку земли, косить, проводить культивацию, везти тележку до полтонны весом и даже пилить дрова.

Б. ГРИНБЛАТ

ДО КРАЯ

МАШИННЫЕ ДЕТАЛИ ИЗ КАПРОНА

Вот эти детали ткацких машин уже делаются из капрона.

Позапрошлым летом слесарь Минского камвольного комбината Александр Лукич Толкач проводил отпуск на Рижском взморье. Он был, можно сказать, примерным отдыхающим: никогда не опаздывал к столу, изо дня в день, на радость медицинскому персоналу, прибавлял в весе. Но однажды, позавтракав, исчез на весь день. Только поздно вечером дежурная сестра заметила его коренастую фигуру, промелькнувшую в садовой калитке. Александру Лукичу был учинен строгий допрос. И тут нарушитель вместо раскаяния стал доказывать главному врачу, что... и в ткацких машинах можно с успехом применять капроновое литье.

Оказалось, что утром Александр Лукич прочел в местной газете заметку о Рижском авторемонтном заводе № 2. Там стали успешно применять капроновые литые детали взамен металлических. Беспокойный слесарь, не долго думая, сел в электричку и вскоре был уже в проходной завода.

...С тех пор прошло полтора года. И если бы теперь рижский врач побывал в Минске на камвольном комбинате, он убедился бы, что не напрасно простил тогда отдыхающему самовольную отлучку.

По предложению А. Л. Толкача изготовлением из капрона деталей ткацких машин занялся коллектив экспериментального цеха. Чугунные, стальные, алюминиевые, деревянные детали прядильных и ровничных машин, ткацких станков стали уступать место капроновым. Сейчас А. Л. Толкач работает над тем, как увеличить прочность капроновых шестерен.

А. ДИТЛОВ

Большие надежды Хисако Нагата

Слева направо: профессор В. К. Трутнев, Хисако Нагата, лечащий врач Г. П. Счастливова.

Фото автора.

Имя японской девушки Хисако Нагата известно во всем мире. Во время атомной бомбардировки Нагасаки она жестоко пострадала. В результате лучевой болезни в гортани у нее образовались рубцы, которые мешали дышать и принимать пищу.

Более шести месяцев Хисако находится на излечении в Московской больнице имени Боткина. Перед советскими врачами стояла трудная задача — удалить рубцы в горле, чтобы дать возможность девушке свободно дышать и принимать пищу. Руководитель Научно-исследовательского института уха, горла и носа профессор В. К. Трутнев составил подробный план лечения. Кандидат медицинских наук А. И. Юнина и ассистент Г. П. Счастливова сделали трудную операцию иссечения рубцов гортани с последующей пластикой слизистой оболочки. Операция прошла удачно. Было создано гортанное ложе для дыхания. Металлическая трубка, вставленная Хисако японскими врачами, была заменена резиновой, которая вскоре будет удалена.

После операции Нагата отдыхала в Крыму, в санатории «Украина». Советские люди окружили ее дружеской заботой и вниманием. Встречая Новый год, девушка сказала:

— Я живу сейчас большими надеждами. Ведь русские врачи обещали мне: «В этом году вы совсем поправитесь».

Японская девушка получает много писем. Когда мы беседовали с ней, как раз пришла очередная почта. Привычным движением Хисако раскрыла конверт, достала портрет красивой женщины лет тридцати пяти. На ее груди виднелись ордена и маленькая Золотая Звезда. По взгляду печальных черных глаз было видно, что женщина эта пережила в жизни немало горя. Когда содержание письма перевели с русского на японский, Хисако познакомилась с новой своей подругой — Героем Советского Союза Зинаидой Михайловной Туснолобовой-Марченко. Участница Отечественной войны, она после тяжелых ранений лишилась ног и рук. З. М. Туснолобова писала Хисако Нагата о своем восьмилетнем сынишке, о том, что она, как и все матери земного шара, ненавидит войну.

«Дорогая Хисако! — писала Туснолобова.— Будем бороться, чтобы то, что пережили мы, никогда не повторилось. Пусть наши дети живут под мирным голубым небом!»

В. КОНСТАНТИНОВ

XXVI шахматный чемпионат СССР

Половина турнира позади

Сало ФЛОР,
специальный корреспондент «Огонька»

В Москве свирепствует грипп. Но и здесь, в теплом Тбилиси, в это время года солнце коварно: даже уроженец Тбилиси Тигран Петросян на целую неделю вышел из строя. Это, между прочим, заметно сказалось на сборе. Без Петросяна аншлага не было!

В седьмом туре лидер чемпионата Б. Спасский продолжал свое наступление. Он одержал очередную победу — на сей раз над А. Никитиным. Н. Крогиус «почти» сделал ничью с М. Талем, но «почти» не считается. Таль блестящим тактическим ударом заставил долго аплодировать весь зрительный зал, а Крогиуса... капитулировать.

У П. Кереса было очень озабоченное лицо. Больше чем о ничьей он и не мечтал, но его партнер Р. Нежметдинов упустил выигрыш, расстроился, вошел в азарт и решил: «Ах, лучше я проиграю, чем сделаю ничью!» Нежметдинову удалось выполнить эту «угрозу», и впервые в чемпионате у Кереса появилась счастливая улыбка.

Говорят, что шахматы — серьезная, трудная и даже мудрая игра. Это верно. Но без курьезов все же и она не обходится.

В выигрышной для себя позиции Л. Полугаевский вдруг предложил ничью, которую, конечно, обрадованный Гуфельд с благодарностью принял. Когда Полугаевскому показали, как он мог выиграть, он шутя спросил: «Далеко ли отсюда река Кура?»

Блестящий фейерверк удался А. Лутикову. Он с Нежметдиновым создал партию, которая обойдет мировую шахматную печать.

Фортуна очень мило улыбнулась Д. Бронштейну, который при активной помощи Полугаевского заработал очко. Бронштейн «вышел в люди»!

Б. Гургенидзе сначала отдал М. Тайманову ферзя и затем целое очко. В Тбилиси, естественно, недовольны выступлением земляка. Он получает много писем и даже телеграмм: «Бухути, хватит проигрывать, не надо быть слишком гостеприимным!»

К девятому туру, наконец, «на поле» вышел Петросян. Он удивительно легко победил Н. Крогиуса, а затем нанес поражение Нежметдинову и Ю. Авербаху.

Интересно протекала партия Таль — Нежметдинов. Сначала Таль попал в тяжелое положение: соперник повел сильные атаки. В таких случаях редко партнерам Нежметдинова удается уцелеть. Зал гудел. Никакие призывы «Соблюдайте тишину!» ни к чему не приводили. Таль потерял цвет лица (не повторится ли история с Юхтманом) и с большим трудом отражал угрозы казанского мастера. Последний не нашел сильнейшего продолжения. Следовало соглашаться на ничью. Но Нежметдинов продолжал рисковать, и зря... С Талем шутки плохи. Финал

В турнирном зале.

Фото В. Джейранова.

этой схватки был драматичным. Нежметдинов не выдержал напряжения. После пяти часов игры, устав, он допустил невероятную ошибку, схватился за голову и... протянул руку Талю: сдался. Это — пятое поражение Нежметдинова.

Счастливая победа Таля внесла сильное смятение в лагерь соперников. К тому же в следующем туре он в волнующей схватке победил Ю. Авербаха.

Уверенно проводит свои партии М. Тайманов, который в десятом туре выиграл у Б. Спасского. Это — первое поражение Спасского.

Одиннадцатый тур ознаменовался новой сенсацией. Михаил Таль, как известно, терял цвет лица в матче с Нежметдиновым, но выиграл партию, а в одиннадцатом туре при хорошем цвете лица он потерял очко — проиграл дебютанту Гуфельду.

Первая половина тбилисского сражения позади. После одиннадцатого тура в лидирующей группе можно установить гроссмейстерский квартет в составе Т. Петросяна, М. Таля, М. Тайманова и Б. Спасского. В этот квартет вклинился и прекрасно играющий молодой мастер А. Лутиков. Пожалуй, это уже квинтет лидеров.

Но, понятно, рано еще делать выводы. Авербах, Бронштейн, Геллер, Керес, Корчной, Холмов, да и вообще каждый участник чемпионата может еще внести поправки в турнирную таблицу.

Если в первой половине чемпионата процент ничьих был велик (особенно по вине пятого и девятого туров), то, несомненно, вторая половина первенства будет протекать в более острой борьбе.

Виссарион САЯНОВ

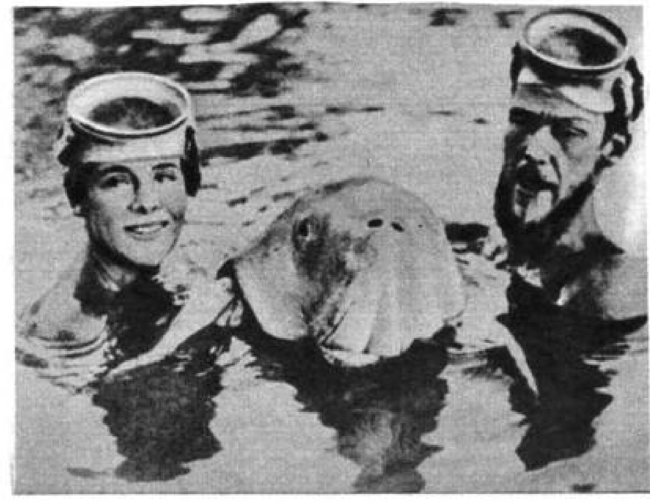

22 января умер Виссарион Михайлович Саянов, большой русский советский писатель — поэт, прозаик, критик, историк литературы.

С двадцатых годов звучал страстный голос писателя, помогая советскому народу в годы самоотверженного труда, тяжких испытаний и праздничного триумфа. В боях на линии Маннергейма, в блокированном Ленинграде, у поверженного гитлеровского рейхстага Виссарион Саянов был вместе со своим народом. Это и помогло писателю создать проникновенные стихи, романы «Небо и земля», «Лена», известные многим читателям.

Причуды моря

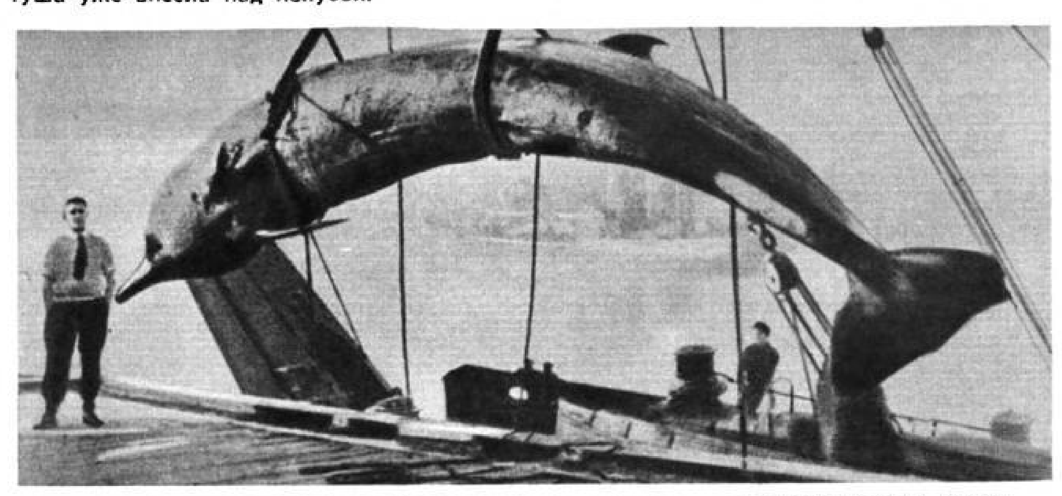
ЛЕГЕНДА И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

Известны легенды о сиренах, однако не все знают, что поводом для создания этих легенд послужило морское животное, называемое дюгонью. Весьма отдаленное сходство морды дюгони с чертами человеческого лица и сильно развитые грудные железы дали повод для человеческой фантазии. В наше время дюгони встречаются очень редко. Они обитают в прибрежных водах Индийского океана и изредка заходят в устья рек. Английской киносъемочной группе удалось поймать двух дюгоней около города Малинди. Длина одной из них была 4,5 метра, длина другой — 9 метров. Снимок воспроизводится из английского журнала «Иллюстрейтед Лондон Ньюс».

КИТ В ТЕМЗЕ

Кто бы мог подумать, что кита можно поймать в реке! Летом этого года моряки одного из английских судов, стоявших на Темзе, поймали кита длиной около 8 метров. Кит с огромной силой ударился головой о борт судна и был оглушен. Через два часа его туша уже висела над палубой.

ПРОГЛОЧЕННЫЙ КРЮК

На фотографии, сделанной в Перу, запечатлена гигантская манта, которая проглотила крюк докового крана, находившегося в воде. Вскоре после того, как манту вытащили из воды, она родила живого детеныша, имевшего довольно большие размеры.

ЗАБОТЛИВАЯ МАМАША

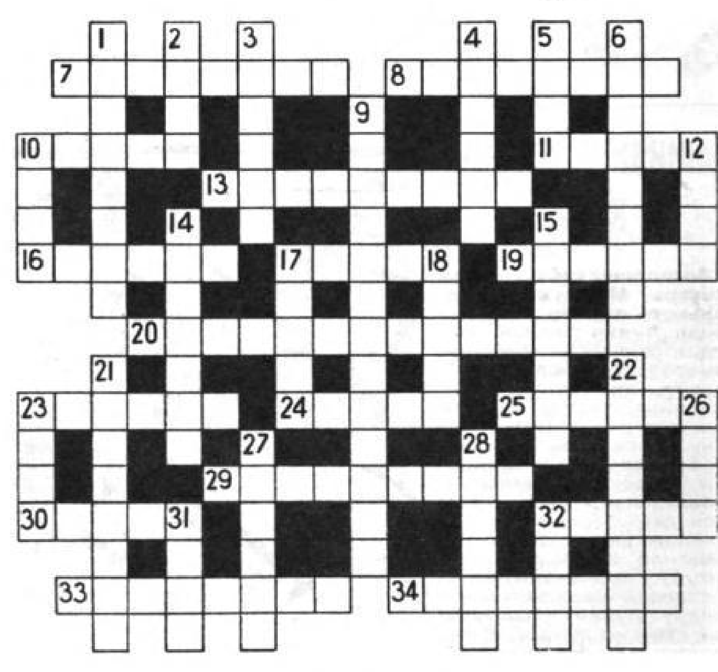
Глядя на фотографию рыбы с мальками, можно подумать, что какая-то хищница заглатывает беззащитных малышей. Однако это безобидная рыба хаплахромис. Она вынашивает икру в ротовой полости. Инкубационный период длится недолго, и рыбы в это время не питаются.

На снимке, взятом нами из журнала «Сфиэ», запечатлен редкий момент, когда мальки, почуяв опасность, устремились в открытый рот матери, чтобы найти там защиту. Эта фотография была сделана английским фотографом Джорджем Гринвелом.

А. РЕВИН

КРОССВОРД

По горизонтали:

7. Конькобежец. 8. Художник-передвижник. 10. Изрезанное скалистое побережье. 11. Лесной и луговой цветок. 13. Место действия в крупном произведении М. Е. Салтыкова-Щедрина. 16. Опорная балка в здании, сооружении. 17. Шумный успех. 19. Французский естествоиспытатель XVIII века. 20. Тоннаж судна. 23. Кинорежиссер, народный артист СССР. 24. Город в Тувинской автономной области. 25. Австрийский композитор. 29. Русская песня. 30. Группа бойцов, выполняющая специальное задание. 32. Род вышивки. 33. Народное сказание. 34. Известный педагог.

По вертикали:

1. Приемная трубка телевизора. 2. Украинский исторический эпос. 3. Синтетический материал. 4. Земельный участок. 5. Отметка, характеризующая силу явления природы. 6. Приток Волги. 9. Порода тонкорунных овец, выведенная в Казахстане. 10. Старинный одномачтовый корабль. 12. Погонщик собачьей упряжки. 14. Певчая птица. 15. Русский писатель-демократ. 17. Оптическое стекло, содержащее окись свинца. 18. Действующее лицо в трилогии А. Н. Толстого. 21. Водоем на Кольском полуострове. 22. Метеорное железо. 23. Набросок с натуры. 26. Легкая сетчатая ткань. 27. Сезон промыслового рыболовства. 28. Декоративное растение. 31. Персонаж в пьесе «Три сестры». 32. Плавающая птица.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 5

По горизонтали:

3. Синус. 5. Севан. 8. Пхеньян. 9. Шахматы. 12. Крендель. 13. Труппа. 15. Япония. 17. Конфигурация. 18. Изобретатель. 21. Болеро. 23. Секира. 25. Скорпион. 26. Овершот. 27. Громова. 28. Кирза. 29. Дичок.

По вертикали:

1. Сибелиус. 2. «Накануне». 4. Селялка. 5. Статья. 6. Спрут. 7. Лыжня. 10. Рефрижератор. 11. Деепричастие. 14. Провизор. 16. Приволье. 19. Клавесин. 20. Кислород. 21. Васов. 22. Основа. 23. Снаряд. 24. Алдан.

Изошутка
Л. и Ю. Черепановых.

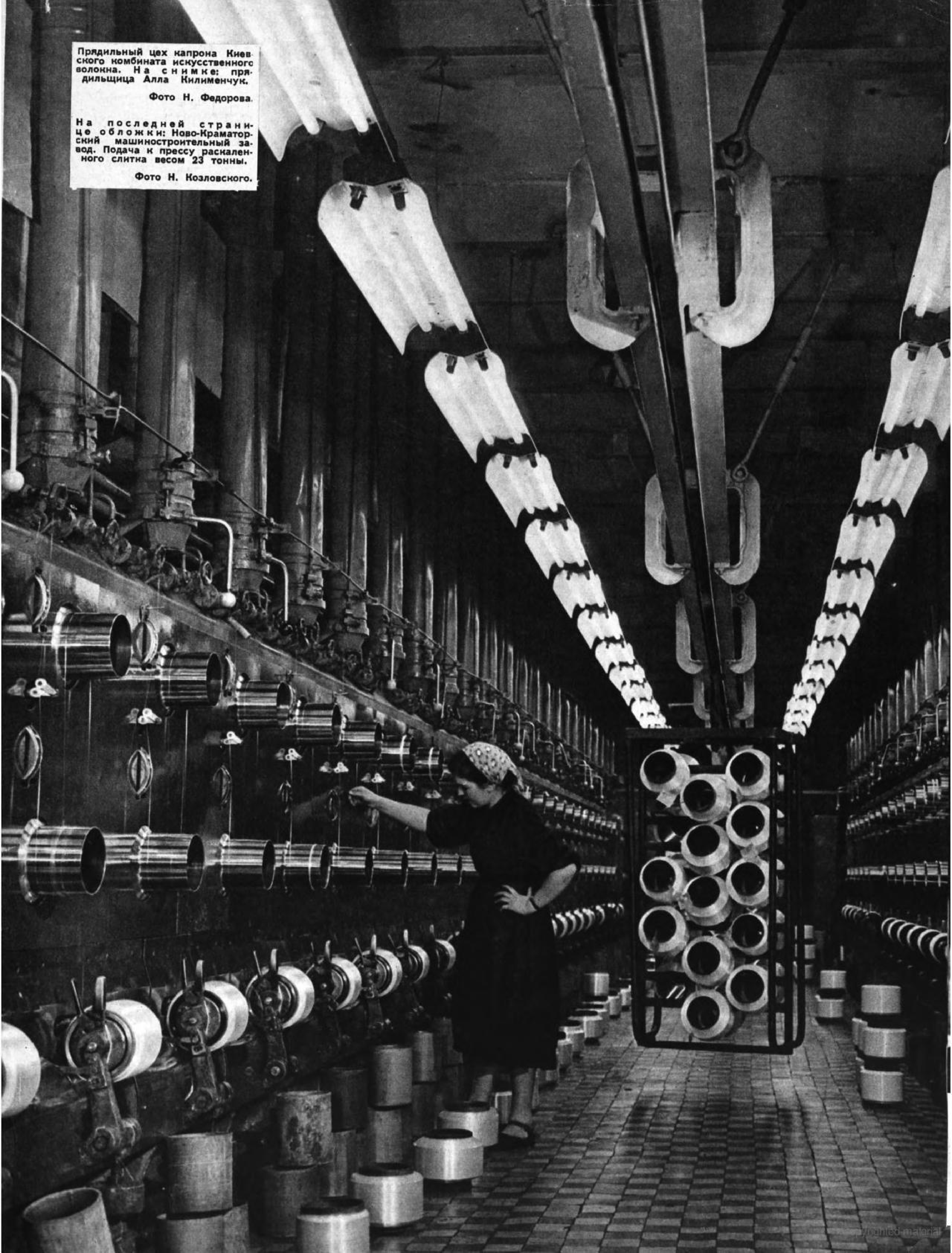
Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: Б. В. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. А. КУДРЕВАТЫХ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, Д. Т. ЛОБАНОВ, И. Ф. ТИТОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Рукописи не возвращаются. Оформление И. Уразова.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 3-38-67; Литературы — Д 3-31-83; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-65; Юмора и сатиры — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 00127. Подписано к печати 28/I 1959 г. Формат бум. 70×108¹/₈. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 1 500 000. Изд. № 135. Заказ № 72.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

Прядильный цех капрона Киевского комбината искусственного волокна. На снимке: прядильщица Алла Килименчук.

Фото Н. Федорова.

На последней странице обложки: Ново-Краматорский машиностроительный завод. Подача к прессу раскаленного слитка весом 23 тонны.

Фото Н. Козловского.

